Министерство образования и науки
Российской Федерации
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Философский факультет

INITIA:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(24-25 апреля 2015 г)

XVII Международная конференция молодых ученых

Томск
2016

УДК 3+1
ББК 6
Т78

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель – **И.В. Ивонин**, и.о. проректора по научной работе ТГУ
Ответственный секретарь конференции – **Ю.Н.Кириленко**, доцент, к.филос.н., ТГУ

Е.В. Борисов, и.о. декана, профессор, ТГУ
А.Ю. Рыкун, профессор, д.социол. н. ТГУ
С.А. Шпагин, доцент, к.ист.н., ТГУ
Ю.А. Пучкина, доцент, к.ист.н., ТГУ
В.А. Суровцев, профессор, д.филос.н., ТГУ
В.Н. Сыров, профессор, д.филос.н., ТГУ
Д. Коллантай, Center for Loss in Multiple Birth
И.В. Черникова, профессор, д.филос.н., ТГУ
В.В. Кашпур, доцент, к.соц.н, ТГУ
А.И. Щербинин, профессор, д.полит.н., ТГУ
Г.В. Можаева, доцент, к.ист.н., ТГУ
В.И. Масловский, доцент, к.ф.-м. н. ТГУ

Initia: Актуальные проблемы социальных наук (24-25 апреля 2015 г.) XVII Международная конференция молодых ученых / Под редакцией Ю.Н. Кириленко. – Томск. 2016. – 210 с.

Т78

Представлены материалы XVII Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», прошедшей 24–25 апреля 2015 г. в Томском государственном университете.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 3+1
ББК 6

Публикуется в авторской редакции

© НИ Томский государственный университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Беспалова Е.С. Процесс Веры Засулич как «архе» русского террористического действия…….…….……..... 6
Гвоздев А.С. Категории человеческого/животного и образ спасения…….. 9
Главанаков Д.А. Кино как фактор антропологического развития…….. 12
Игнатенко В.В. Современный человек в контексте трансформации 16
Попов М. А. Ситуация и состояние: между правым и левым экзистенциализмом…….. 19
Федорова И.М. Функции смеха в культуре..……..... 24
Шкурко В.В. Визуальный образ и идеология…….…. 28

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Зенина К.С. Математизация, ее место и роль в современной минералогии 33
Марфин А.Е. Междисциплинарный синтез на примере использования фрактального анализа в геологии……... 37
Шкуратов Д.В. Философские и этические проблемы научно-технического прогресса в медицинской отрасли……. 40

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

Бахромова Н.А. Философия суфизма……. 43
Милованова О.И. Зарубежная судебная лингвистика: актуальные вопросы и перспективные направления ……..…….. 45
Моисеева А.Ю. Два подхода к анализу содержанию убеждений……. 49
Спрукуль П.С. Может ли Рассел избежать использования фрегевского понятия смысла? …….. 54
*Нестеренко В.С. С*оциальная значимость и проблема определения RP (received pronunciation)……. 58
У Юэ. Способы коммуникативного взаимодействия автора и адресата в радиопрограмме «книжное казино»…… 62
*Фу Тун. А*нглийский рекламный текст в аспекте методики перевода на русский и китайский язык ……... 65
Целищева О.И. Р. Рорти и кризис современной западной философии…… 70
Цзюй Чуанья. Способы языкового воплощения коммуникативных стратегий презентации и самопрезентации в программе «Книжное казино» («Эхо Москвы»)…… 75

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Беккер Е.В. Современные тенденции развития аксиологии: лингвоаксиологический подход к проблеме ценностей в современном гуманитарном научном дискурсе ……. 78
Ведренцева С.В. Преступление как социальная проблема…….. 84
Ли С.В. Социально-этические аспекты транссексуальной хирургии……. 88
Росляков С.Н., Гаврилов Д.Ю. Свет – частица или волна?.....……..... 92
*Фадина И.С. В*егетарианство в контексте отношения к здоровому образу жизни..... 95
Цыганков А.С. Сетевые источники и работа исследователя: авторитет другого……... 100

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА: ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Кочергина К.С. современные тенденции развития аксиологии: лингвоаксиологический подход к проблеме ценностей в современном гуманитарном научном дискурсе…….. 103

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: РОССИЙСКИЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ

Агафонова А.В. Ложь и манипуляция в политической коммуникации на примере украинского конфликта..……. 108
Данилова А.С. Особенности пропаганды в системе политических коммуникаций……. 112
Зинченко А.А. Как иностранцы создавали имидж России за рубежом ….... 119
Корфова С.А. Символическая политика муниципальных органов власти: стратегии и программы внешнего позиционирования Томска..... 123
Красноперов А.Ю. Коммуникативные особенности российских проектов электронной демократии……..... 126
Табакаев Ф.К. актуальные методы изучения и реализации территориальной имиджевой политики..... 131
Шефер А.Ю. Национализм современного российского общества..... 135

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Дунаева Д.О. Социальная этнография театральной публики ……. 139
Жаворонков В. С. Отражение направлений иностранной миграционной политики в российских СМИ…… ……..... 147
Любенова Р.К. «Семья» в работе посткоммунистической памяти: фигуры социального страдания и социального успеха …… 151
Мундриевская Ю.О. Особенности групподинамики в неинституциональном образовательном пространстве …….…… 162
Tchakmakova Z. Science and Ideology: Antipodes?..... 169

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Бабушкина Е.В. Инновационные технологии реабилитации в социальной работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья……... 179
Голдовская А.В. Влияние ребенка с особенностями на различные аспекты повседневной жизни семьи…… 184
Казанцева А.С. Отношение местного населения к трудовым иммигрантам на примере Томской области ……..……. 188

ENGLISH-SPEAKING SESSION. «SCHOLARLY WRITING AND PRESENTATION»

Klimenko A.R. Charity and voluntary organizations: history and practical issues…….. 191
Nesterenko V.S., Vychuzhanina E.V., Milovanova O.I. A critical perspective on lingua franca of the globalized world?..... 196
Temnikov M.Y. A descriptivism and Kripke's epistemological argument …… 201
Slaushevskaya D.E. Propositions in terms of Quine ….……..……..… 204

Данные об авторах…….. 208

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ПРОЦЕСС ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ КАК «АРХЕ» РУССКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Е.С. Беспалова
Научный руководитель: д.ф.н. Г.И. Петрова
Томский государственный университет

Несмотря на глобальный характер проблемы терроризма и актуализацию поиска методов антитеррористической деятельности, в доступной литературе зачастую отмечается, что формы проявления такого рода насилия во многом зависят от культурно-исторических особенностей региона. Современная Россия являет собой пример особого рода: сегодняшний всплеск террористической активности вызван сменой политических парадигм на рубеже веков (распад СССР и образование Российской Федерации) [4. С.191]. В исторической перспективе снимается дискуссионный вопрос о целях террористических акций: резонансные события XIX века однозначно были не насилием ради насилия, а методом политической борьбы при затруднении иного выражения оппозицией своих взглядов и устремлений (не говоря уже о реальном участии в политической жизни страны)[1]. Имея в виду вышеупомянутые культурные предпосылки, можно сказать, что первые шаги российского терроризма, несомненно, накладывают отпечаток на сегодняшние формы проявления этого общественного явления.

Особенно значимым для исследователя современных форм террористического действия в России представляется процесс Веры Засулич: не исключена вероятность того, что оправдание террористки сделало возможной мысль о допустимости насилия как метода борьбы, и эта идея вкупе с особенностями преступления и его общественной оценки оказала влияние на формы проявления российского терроризма. Именно в этом смысле оправдание Веры Засулич за совершенное террористическое действие можно рассматривать в качестве начала – «архе» – реализации самой возможности терроризма как метода борьбы. Оправдание было разрешением терроризма.

Проверка этой гипотезы требует исследования причин резонансного решения присяжных, и эти причины из-за уникальности опыта следует искать в обстоятельствах дела. Известно, что поводом к преступлению послужило позорное сечение А. Боголюбова (студента, арестованного за участие в демонстрации «Земли и воли») в предварительном доме заключения: арестант не снял шапку перед градоначальником. Защитник Засулич отметил как огромный общественный резонанс, так и влияние этого события на «экзальтированную», «нервную» и «болезненную» натуру террористки, которая сочла возможным вступиться за честь товарища выстрелом [3. С. 27].

Обращает на себя внимание тот факт, что два обвинителя, чьи профессио-

нальные качества высоко ценились, отказались от участия в судебном процессе. По свидетельству А.Ф. Кони, несмотря на некоторую двойственность взглядов на поступок Засулич, большинство было склонно усматривать в нем «божий бич»: «пристыженное общество» под воздействием «кровавого самосуда» вспомнило о возмутительном приказе Ф.Ф. Трепова и нашло в себе силы его осудить (непосредственно после происшествия события в доме предварительного заключения не вызвали яркой социальной реакции во многом из-за того, что сознание многих тогда занимали острые моменты Русско-турецкой войны 1877-1878 годов). Ситуация усугублялась тем, что градоначальник не пользовался уважением у широких слоев населения: упоминается также, что истинным обвиняемым на процессе был пострадавший [5. С. 61].

Согласно исследованиям, присяжные выбирают судебное решение, которое позволяет им сохранить репутацию [2. С. 118] – более того, покровительство насилию к числу социально одобряемых, очевидно, не относилось. Тем не менее нравственное оправдание выстрела в Ф.Ф. Трепова могло показаться возможным из-за национального характера тех, кому пришлось составлять мнение о преступлении. Наиболее существенна здесь отмечаемая многими философами религиозность русских, желание людей «восстановить вокруг себя ту гармонию, которую они чувствуют в себе». Н.О. Лосский отмечал: «У русских революционеров, ставших атеистами, вместо христианской религиозности явилось настроение, которое можно назвать формальною религиозностью, именно страстное, фанатическое стремление осуществить своего рода Царство Божие на земле, без Бога» [6. С. 17] (в некоторых источниках это явление получает название «русской мечты» [9. С. 14]). В этом контексте значима и широко известная склонность к прощению, сострадательность русских, выросшая из православной традиции [6. С. 12].

Кроме того, в других источниках отмечается, что жители России обращают пристальное внимание на социально-экономические корни «насилия слабого над сильным», растущее глобальное неравенство [7. С. 75]. Основанное на исторической памяти о процессе В. Засулич этическое оправдание терроризма («дух самопожертвования», «восстановление справедливости», «честь», «святое дело») применяют в собственных целях и современные сторонники такого радикального решения противоречий в России (например, чеченские террористы) [9. С. 10], что подтверждает выдвинутый нами тезис относительно того, что в оправдании Веры Засулич можно увидеть «архе» террористического действия как действия потенциально возможного.

Любопытно отметить эффективность такого рода аргументов, которые дезориентируют и противников терроризма. Так, Совет Безопасности ООН не считает возможным дать конкретное определение этого вида насилия, неизбежно стоя перед противоречием благих целей (национальное самоопределение и пр.) и низменных методов. Эту растерянность иллюстрируют слова из резолюции № 1456 от 20 января 2003 года: «Любые акты терроризма являются не имеющим оправдания преступлением, независимо от их мотивации, когда бы и кем бы они не совершались, и подлежат безоговорочному осуждению, *особенно в тех случаях, когда они носят неизбирательный характер или когда от них страдают гражданские лица*» (курсив мой) [9. С. 14].

Представляется возможным в качестве своеобразного ответа привести слова А. Гусейнова о том, что любое насилие есть зло, в том числе и насилие ответное, которое было легитимизировано оправдательным приговором Вере Засулич: чтобы победить насилие насилием, нужно применить насилие большее [8. С. 84]. Судя по последствиям процесса о выстреле в Трепова (возросшая террористическая активность), прощение не дает желаемых результатов, если вина признается отсутствующей.

Таким образом, неоднозначное отношение к терроризму, подстегивающее различные формы его существования, может быть объяснено с позиции исторического прошлого России: свойственная русскому человеку христианская готовность к прощению, сделав возможным оправдание Веры Засулич, тем самым открыла дорогу и последующему многообразному ряду террористических актов на российской (и не только российской) территории.

Примечания

[1]Впрочем, это не решает вопроса о допустимости нравственного оправдания такого метода борьбы

ЛИТЕРАТУРА

1. *Будницкий О.* Терроризм в российском освободительном движении. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 399 с.
2. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодолгии. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.
3. *Грезнева А.А.* Мотивация государственных преступлений в оценках присяжных поверенных в пореформенной России // Вестник Московского государственного университета им. Шолохова. – История и политология. – 2013. – № 1. – С. 21–37
4. *Кантор А.М.* К описанию менталитета терроризма. Из прошлого и настоящего России // Современный терроризм: истоки, тенденции, проблемы преодоления: Тетради международного университета в Москве. – Вып. 6. – С. 191–202.
5. *Кони А.* Избранные произведения: в 2 т. – Т.2. – М.: Госюриздат, 1959. – 553 с.
6. *Лосский Н.* Характер русского народа. – М.: Ключ, 1990. – 62 с.
7. *Метелев С.* Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. – 275 с.
8. *Насилие* и ненасилие: Философия, политика, этика: Материалы междунар. Интернет-конф., проходившей 15 мая – 31 июля 2002 г. на информ.-образоват. портале www.auditorium.ru / Ин-т «Открытое о-во» (Фонд Сороса) – Россия, Ин-т философии РАН; под ред. Р. Г. Апресяна. – М.: Фонд независимого радиовещания, 2003. – 192 с.
9. *Терроризм* в современном мире. – М.: Наука, 2011. – 603 с.

КАТЕГОРИИ ЧЕЛОВЕСКОГО/ЖИВОТНОГО И ОБРАЗ СПАСЕНИЯ

А.С. Гвоздев
Научный руководитель: к.ф.н. Е.В.Агафонова
Томский государственный университет

Вопрос о человеке всегда был одним из основных на протяжении всей истории мысли. Касаясь человека, его бытия, с необходимостью возникала потребность в различении того, что собственно является человеческим и в чем его характерная сущность. Традиционной для западной цивилизации оппозицией по отношению к «человеческому» является категория «животного». Данное противопоставление предоставляет благодатную почву для размышления и построения концепций на тему сущности и природы человека.

С уверенностью можно сказать, что практически любое истолкование противопоставления человеческого животному включает ту или иную трактовку «особой природы» человека. Это может быть как религиозная трактовка (наличие у человека некой духовной субстанции, души), так и сциентистская интерпретация (идея об особой развитости человеческого разума, сознания). Внутри этих противопоставлений разворачивается, говоря словами Дж. Агамбена, «антропологическая машина», которая воспроизводит тот или иной концепт сущности человеческого существа. В любом случае обе эти категории оказываются противоположными друг другу, но, что отличает их друг от друга, сказать затруднительно. Следует взглянуть на эти категории более внимательно.

Как писал французский философ Ж. Батай, «всякое животное пребывает в своей среде подобно потоку воды в водной стихии» [3. С. 56]. Животное не имеет ни единой возможности вырваться за рамки мира, данного в его среде обитания. Животное существует «слитно со своим миром», имманентным образом. То, что описывается как естественные импульсы, подобно инстинкту питания, позволяет увидеть, что недифференцируемость от того, что мы называем миром, составляет одну из характерных черт животного. «...Ястреб, поедающий курицу, не настолько отчетливо дифференцирует ее от себя, как мы дифференцируем некий предмет от нас самих. Дифференцирование не требует определения положения предмета как такового», – пишет Батай [3. С. 55]. В этом пункте мысль французского философа во многом напоминает мысль М. Хайдеггера, который писал, что животному не дано рассматривать нечто как нечто. Иными словами, в отличие от человека для животного мир не разомкнут. Более того, мир принципиально не дан животному как «мир», ибо для того чтобы помыслить мир, необходимо каким-то образом относиться к нему.

Частный пример, заимствованный из работ зоолога Икскюля, приводится Дж. Агамбеном. Клещу, кровососущему насекомому, в окружающей среде дано всего четыре фактора, определяющих его поведение: 1) запах масляной кислоты, содержащейся в поту всех млекопитающих; 2) температура 37 градусов, соответствующая температуре крови млекопитающих; 3) типология кожи млекопитающих, как правило, снабженной шерстью или волосами и кровеносными сосудами. Клещ оказывается в непосредственных отношениях с этими факторами. «Клещ и есть эти отношения, он живет только в них и для них» [1. С. 58].

Анализ скуки, как фундаментальной метафизической настроенности, проясняющей различия в степени данности мира у человека и животного, Хайдеггер дает во второй части «Основных понятий метафизики». Агамбен, пересказывая немецкого философа, указывает, что «скука высвечивает неожиданную близость между Dasein и животным. «Dasein», скучая, вручает себя чему-то, что от него отказывается совершенно так же, как животное в своем оцепенении выставляет себя чему-то не раскрытому» [2. С. 79]. Человеческим бытием, следуя за Хайдеггером можно назвать животное бытие, но такое, «которое научилось скучать». Именно в скуке выставляется потенция всех возможностей отношения к миру. Приостановка всякой деятельности в скуке показывает «изначальную возможность мочь», которая отсутствует у животного.

Концепт спасения у Агамбена основывается на образе «спасенной ночи» В. Беньямина. Мир оказывается спасенным в своей неспасаемости и оставленности. Мессианское время – время спасения – не есть какой-то момент в хронологическом времени, но присутствует уже здесь и сейчас. Мессианское время реализуется в отношении к времени апокалиптическому, к концу времен и вечности. «Время, о котором мы думаем, что в нем существуем, отчуждает нас от нас самих, превращая нас в беспомощных созерцателей того, чем мы являемся. Время же мессии – это оперативное время (kairos), в котором мы впервые овладеваем временем, время, которое – мы сами. И время мессии – не какое-то иное время, расположенное где-то в будущем и невероятном. Напротив, это единственное реальное время, единственное время, которое может нам принадлежать. Опыт этого времени подразумевает целостное преображение нас самих и нашего способа быть» [2]. Беньямин указывает на изначально блаженный характер природы, на присутствие в нем особого ритма, которому подчинено все живое (схожий мотив мы обнаружим далее у В.В. Бибихина). При этом здесь не идет речь о «первоначальной невинности» природы и не воспроизводится миф об изначальном райском состоянии.

Агамбен, описывая постисторическую ситуацию человека, пишет, что она отражает ситуацию «великого неведения» (слова гностика Василида), спасенности человека и животного в их собственной неспасаемости. Это великое неведение указывает на приостановку воспроизводства концепций человека и животного. «...Между природой и человечеством, при взаимной приостановке обоих понятий, в спасенной ночи гнездится нечто участвующее в отношениях покорения, для чего у нас нет имен и что не является ни человеком, ни животным», - пишет итальянский мыслитель [1. С. 100]. Такая жизнь, конечно, лишена присущего человеческому «открытого», но и не остается в животном оцепенении. «Скорее, эта жизнь остается в безмятежном состоянии с собственной природой, как с некоей зоной не-познания» [1. С. 107]. В отношении этой формы, которую Агамбен именует зоной не-познания, он делает дальнейшее пояснение: эта скорее не «незнание», а «прощение», оставление без исследования, позволение «быть-за-пределами-бытия», «становление-неспасаемым». Иллюстрацией этому служит картина Тициана, изображающая влюбленных, которые «прощают друг другу взаимную утрату тайны» [1. С. 107]. Как писал Бибихин, «кого любишь, не исследуешь, а кого не любишь, исследовать бессмысленно» [4. С. 38].

Фигурой, схожей с той, которую описал и вывел за пределы бытия Агамбен, является образ «автомата», описанного В.В. Бибихиным. Животное – истинный

автомат, тот, который невозможно воплотить в механизме. То, что подвластно механике, есть «механизм», заведомо не способный на «самодвижение», автомат же, располагаясь внутри мировой «софии», предоставлен в своем движении самому себе. Кошка, по частному примеру, предоставлена своему собственному закону, «закону без воспоминания». Человек оказывается в «тени спасения», он подчинен закону, но его не замечает.

Подобный животному автоматизм характерен и для святости. Святость, пользуясь словами Ницше, расположена «по ту сторону добра и зла», за гранью этической оценки и предписания. Закон, который характерен святости, разворачивается сам по себе. Как писала С. Вейль, «...благотворитель Христов, оказавшись рядом с несчастным, не чувствует никакой дистанции между собой и им; он переносит в другого все свое существо и поэтому подает ему пищу таким же инстинктивным и непосредственным движением, как мы едим сами, когда бываем голодны. И почти сразу же забывает о том, что подал, как мы забываем, что ели вчера и третьего дня. Такому человеку и на ум не придет сказать, что он занимается несчастными ради Бога: это покажется ему столь же абсурдным, как сказать, что он ест ради Бога. Мы едим, потому что не можем без этого. Так и те, кого возблагодарит Христос, творят милостыню столь же естественно, как едят» [6]. Сравнение милостыни с поглощением пищи совершенно не случайно. Милостыня – акт исключительно человеческий, функция питания – непосредственно относится к животной плоти, но два этих полюса действия здесь оказываются подобными. Закон у «благотворителя Христова» врощен в тело так же, как и естественная биологическая нужда. Его неосуществление приводит к несчастью. Счастлив же тот, кто несет крест Христов, – такова мысль С. Вейль.

Тематика креста прослеживается и у В.В. Бибихина. Крест как основной символ христианской религии символизирует мировое дерево, райский сад. Крест – это человеческий труд, через который он включен в мир и в природу. Назвать человека безработным абсурдно, ибо это значит не заметить то, чем он захвачен до разворачивания всякой деятельности. Человек существует только в некоторой данной ситуации, и эта данность, оказывается тем же самым, что и рабочее задание, задание по осмыслению и разбору данности.

Спасенное животное и спасенное человеческое, выведенное за пределы бытия, не поддающееся концептуальному осмыслению, – таков результат мысли Агамбена. Подобная позиция вовсе не демонстрирует эскапизм и бесполезность мысли философа. Мысль Агамбена обходит устойчивые и оформленные теоретические пути, сформированные в рамках отношений властных дискурсов. Она явным образом сподвигает нас на «приостановку взгляда», которая и высвечивает сущее в его «уже-спасенности».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агамбен Дж.* Открытое. М.: РГГУ, 2012. – 112 с.
2. *Агамбен Дж.* Церковь и время. – URL: http://www.bogoslov.ru/text /2331830.html (дата обращения: 28.05.2015)
3. *Батай Ж.* «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.:, 2006. – 742 с.
4. *Бибихин В.В.* Собственность. Философия своего. Спб.: Наука, 2012. – 536 с.
5. *Бибихин В.В.* Лес. Спб.: Наука, 2011. – 425 с.
6. *Вейль С.* Любовь к Богу и несчастье. – URL: http://magazines.russ.ru/ continent/2009/141/ve23.htm (дата обращения: 28.05.2015)

КИНО КАК ФАКТОР АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Д. А. Главанаков
Научный руководитель: д.ф.н. В.Н. Сыров
Томский государственный университет

Почему кино так популярно? В чем разница между ним и другими искусствами? Является ли форма кино чем-то качественно новым относительно предыдущих изобретений человечества? Как кино изменяет человека?

Культурная сила кино велика. Оно, подобно крупному центру тяготения в звездной системе, имеет свое влияние на каждый элемент организма человеческой культуры, в котором все связано со всем. В этих обстоятельствах было бы странно не обращать на него пристальное внимание, не задаваться вопросами относительно источников его силы, его отличий от других культурных единиц человечества, и, в итоге, о том, какое именно влияние оказывает оно на процесс развития всего человечества. Пусть задача дать ответы на эти вопросы представляется слишком масштабной не столько для одной статьи, сколько для одной жизни, я попробую набросать контур, неясный силуэт направления мысли, которое может оказаться продуктивным.

Форма кино является беспрецедентной. Передача движения, игра образами и знаками, фотографическое подобие реальности и поэтому наибольшая возможность для ее искажения, перекройки; воспроизводимость и поэтому единство кинофильма для всех зрителей – даже этот неполный список черт уже указывает нам на то, что кинематограф является по-настоящему недавним изобретением, чем-то, с чем человечество ранее не сталкивалось. Тем важнее для нас пытаться проследить его влияние, ведь эффект от органически развитого, но чуждого в своей новизне аппарата на культурный организм всегда будет неизмеримо острее, нежели влияние какого-либо «хорошо забытого старого». В такой ситуации нам может помочь попытка провести параллели с каким-либо другим, столь же беспрецедентным изобретением. Здесь мы можем увидеть некоторую трудность, ведь кино в одиночку не может рассматриваться в качестве оси, вокруг которой повернулась эпоха, тогда как ранние подобные изобретения таковыми, судя по всему, являлись. Однако наряду с кино в обиходе человечества в двадцатом веке появляются такие инструменты культуры, как радио и телевидение, каждый из которых обладает сравнимым масштабом. Все же попробуем грубо сопоставить изобретение кино с изобретением фонетического алфавита.

В «Галактике Гутенберга» Маршалл Маклюэн уделяет значительное внимание тому, какое влияние оказало изобретение фонетического алфавита на развитие западной цивилизации, и как оно впоследствии создало предпосылки для появления книгопечатания, и, на более глубоком уровне, как фонетический алфавит начал толкать западного человека от коллективизма, архаизма, мистицизма и космизма к системности, рационализму, научности и единообразию, начал менять самые основы западной культуры.

«Лишь фонетический алфавит с его абстрагированием значения от звука и переводом звука в визуальный код создает условия для трансформации человека. Ни пиктографическая, ни идеограмматическая или иероглифическая формы письма не обладают расщепляющей силой фонетического алфавита» [1. С. 34].

Таковы черты фонетического алфавита, преобразовавшего западную культуру, нарушившего баланс в чувственном аппарате человека в пользу визуального чувства. Именно в разрыве чувств Маклюэн видит коренную черту отличий визуальной западной цивилизации от аудиотактильных культур прошлого и настоящего. Именно перевод всего мирового многообразия под визуальный знаменатель, сведение его к ровным рядам печатных строк задают тон систематизации, иерархизации и функционализации окружения западного человека и его самого. То, что письменный фонетический язык становится основным средством культуры, накладывает сильнейший отпечаток на организацию опыта. Из-за того, что такая письменность является редукцией динамического гетерогенного пространства, доступного человеческим чувствам, к гомогенному статическому визуальному пространству, изменяются также онтологические установки, онтология становится субстанциальной именно вследствие того, что глаз, видящий существующие вещи, доминирует над ухом, для которого существуют только процессы.

Маклюэн кратко предполагает, что шизофреническая склонность западного человека могла явиться следствием использования фонетической письменности: «…раскол магического мира слуха и нейтрального мира глаза и, как следствие, на появление индивида, выделившегося из рода. Поэтому владеющий письменной грамотностью человек, каким мы находим его в античном мире, – это расколотый человек, шизофреник, и такими были все письменные люди со времени изобретения фонетического алфавита» [1. С. 33].

Нам будет удобно использовать эти предположения в целях описания культуры человека со смещенным балансом чувств. Общим местом считается отчуждение визуального человека от мира собственной чувственности. Чрезмерное проявление эмоций считается малоприятным и неприличным, чтобы существовать в визуальном обществе человек должен пройти «прокрустово ложе» эмоциональной приемлемости и вести себя в рамках этикета. Фрейдовский невротический разрыв человека с собственной телесностью, по-видимому, теснейшим образом связан с тем же самым следствием раскола мира слуха и мира глаза. Это и есть шизофреническая склонность визуального человека. Вспомним здесь в качестве иллюстрации одного из любимых и самых архетипических героев Европы – Фауста, чье пламенное стремление к раскрытию всех тайн пересиливает эмпатические и чувственные устремления.

Кино, будучи технологией сообщения изображений, опционально сопровождаемых звуками (заметьте, именно так, а не наоборот), выглядит ничем не выделяющимся продолжением все того же визуального курса человечества. Совершенно другая история предстает перед нами, если мы обратим внимание на семиотический аспект кино. Маклюэн неоднократно подчеркивает то, насколько иероглифическая письменность чужда визуальной культуре и близка культуре аудиотактильной. Вспомним здесь слова Сергея Эйзенштейна из «Четвертого измерения кино»: «Кадр никогда не станет буквой, а всегда останется многозначным иероглифом».

В своей текстовости кино уменьшает разрыв, доведенный до размеров пропасти, записанным словом, разрыв между обозначающим и обозначаемым, а уровни значения, буквального и аллегорического, чередуются и перемешиваются в нем, как в текстах аудиотактильных культур. Разрыв между глазом и ухом также

сокращается. В этом смысле кино можно назвать «возвращением к реальности», многозвучной и аудиовизуально синхронной, из опустошенного загробной тишиной мира печатных строк. Реальности, где большие и малые, красивые и уродливые вещи не обозначаются перестановками одних и тех же букв, а обозначают сами себя, и мы понимаем это сразу и абсолютно непосредственно.

Эти обстоятельства чрезвычайно важны, они могут быть ключами к такому беспрецедентно взрывному росту популярности кино на протяжении XX века. Вспомним, что на своей заре кино было искусством низов и масс, зачастую людей, не вовлеченных с головой в мир печатного слова. Эти люди заводских окраин должны были быть ближе к балансу чувств, потерянному читающим обществом, потому, видимо, кино и стало поначалу так привлекательно для них и так критикуемо высшим светом.

Все это вместе указывает нам угол зрения, под которым монструозность масштабов явления кино может быть увидена в качестве знака и средства глубочайших переходов, происходящих в существе культуры. Подобно тому, как родившаяся из пустого места высочайшая горная цепь говорит нам о даже более важном, чем она сама, глубинном движении тектонических плит, развитие кино может указывать нам на нечто более важное, процесс, продолжающийся и сейчас. В «Галактике Гутенберга» Маклюэн неоднократно возвращается к тому предположению, что сейчас мы являемся свидетелями перехода человечества в эпоху электроники, симультанности и гетерогенности, эпоху постписьменного человека. Вполне вероятным представляется то, что кино, наряду с радио и особенно телевидением, является одновременно знаменем движения человечества к новому балансу чувств и силой, участвующей в обеспечении этого движения.

Важно отметить, что в тексте Маклюэна мысль о том, что новые средства культуры осуществляют смещение баланса чувств, появляется неоднократно, но относительно телевидения, а не кино. По этой причине здесь может быть интересным сравнение печатной книги, кино и телевидения на оси перехода от визуального к аудиотактильному типу культуры.

Кино, как и печатная книга, обладает строгим и ясным авторством, более того, в большом количестве случаев то и другое будет являться художественной формой, жестко предполагающей наличие автора, в этом будет заключаться основа художественной целостности произведения. С другой стороны, пусть в разговоре о кино под автором мы имеем в виду режиссера или сценариста, чьи имена обыкновенно на слуху, нельзя забывать о коллективе операторов, художников по декорациям и костюмам, композиторов. Это важно, поскольку труд этих авторов и художников, как очевидно, совершенно не механистичен и не функционален, их работа – творческий процесс, так что могло бы показаться логичным считать всех этих людей соавторами произведения, но этого не происходит. Труд этих людей анонимен (имена указаны лишь в титрах, которые, как мы знаем, мало кому интересны), так же как и труд работников телеиндустрии.

Телевидение в большей степени, нежели кино, анонимно. Известно, обыкновенно, имя ведущего, и делается неявное допущение, что раз ведущий является человеком, который больше всего говорит, то он и является главным распорядителем действа. Для нас нет очевидных способов выяснить, привносит ли человек, которого мы постоянно видим, вклад в содержание шоу, или оно от начала

и до конца является произведением перьев «литературных негров», чей труд оплачивается руководством канала или продюсерским центром.

Как и печатная книга, кино существует в виде дискретных культурных объектов. Но сама неопределенность в телевидении того, что можно считать его атомом, говорит нам, что по этому признаку оно резко отличается от кино и книг. Телевидение максимально демократично, в то время как фильмы и книги относительно строго разделены на произведения высоких и низких жанров.

С другой стороны, по уровню коллективности восприятия кино намного ближе телевидению, нежели литературе. Здесь имеется в виду не только и не столько тот факт, что смотреть телевизор или ходить в кинотеатр может быть удобно в обществе, тогда как книга почти всегда предполагает уединенное чтение, но и то обстоятельство, что личный читательский опыт, судя по степени присутствия обмена им в социальном поле, намного более интимен, нежели опыт просмотра кино или телешоу. Популярные новинки мира «движущихся картинок» просматриваются всем миром практически одновременно и затем всем же миром обсуждаются и перемалываются в интернете на шутки, цитаты, стилистическое подражательство и смешные картинки. Это явление интернационально, что указывает нам на совместную уместность кино и телевидения в маклюэновской концепции «глобальной деревни» – единого и симультанного информационного поля, охватывающего практически весь мир. Еще одна общая черта кино и ТВ в противовес литературе – характер речи. Утверждение, что в книгах речь письменная, а в телевизоре и на экране – устная, может показаться банальностью, но преобладание устной речи над письменной есть отличительная черта аудиотактильного типа культуры.

Как видно, кино разными своими чертами похоже как на литературу, так и на телевидение, и, таким образом, обладает признаками близости обоим типам чувственного аппарата, соответствующих этим формам. Это подсказывает нам, что кино может являться технологией наиболее близкой именно переходному периоду западной культуры, являться именно пограничным искусством, средством подхода к ренессансу трайбализма, сочетающим в себе влияние двух типов культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мак-Люэн М.* Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – К.: «Ника-Центр», 2003. – 432 с.

2. *Эйзенштейн С.М.* Четвертое измерение в кино // Избранные произведения в 6 т. – Т. 2. – М., 1964. – С. 45–60.

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИФА

В.В. Игнатенко
Научный руководитель: к.ф.н. Ю.С. Осаченко
Томский государственный университет

Сложившаяся в конце XX века концепция информационного общества сегодня является неотъемлемой частью различных подходов, описывающих процессы, имеющие место в современном мире. Информационное общество можно считать обществом, существующим в информационную эпоху. Используем определение информационной эпохи Мануэля Кастельса: «Информационная эпоха означает исторический период человеческого общества. Она основана на микроэлектронных информационных и коммуникационных технологиях и генной инженерии – основе технологической парадигмы, которой характеризуется этот период она заменяет или накладывается на технологическую парадигму индустриальной эпохи, что базируется в основном на производстве и распределении энергии» [3. С. 38].

Говоря об обществе информационной эпохи, нельзя не сказать о мифах, их месте и роли в современном обществе. Человек в условиях информационной эпохи не просто имеет постоянный доступ к информации, но, в силу информатизации всех областей жизни и распространения медиа, регулярно с ней сталкивается, даже помимо своей воли. Информация эта зачастую деперсонализированна и непроверяема. Множественность коммуникационных каналов, тем не менее, способствует интенсивному распространению информации вне зависимости от ее качества. Миф сегодня, как продукт и неотъемлемая часть человеческого общества, в условиях информатизации и стремительного развития медиа проявляет себя совершенно иначе, нежели в архаическом мире.

Идея «современного мифа» не нова, она рассматривалась рядом авторов, в своих теориях предлагавших различные его интерпретации. Большинством, однако, миф продолжает пониматься как первобытная форма культуры и мышления, аллегоричная, основанная на вымысле, как «заблуждение» древнего человека, еще не выработавшего рациональный аппарат познания мира, и, следовательно, как нечто совершенно несвойственное мышлению современному. Подобный взгляд на миф бытовал в западной культуре начиная со становления рационального знания в античности и вплоть до эпохи Просвещения. Примитивность его демонстрируется уже в философии мифа Вико, видевшего в мифологии «божественную поэзию», связанную со специфической, «детской» формой мышления, имея в виду «чувственную конкретность и телесность, эмоциональность и богатство воображения при отсутствии рассудочности, перенесение на предметы окружающего мира своих собственных свойств (вплоть до отождествления космоса с человеческим телом), персонификацию родовых категорий, неумение абстрагировать атрибуты и форму от субъекта, замену сути «эпизодами», т. е. повествовательность» [4. С. 2]. Дальнейшее исследование мифа и мифологического сознания наглядно продемонстрировало неотделимость мифологии от развития и становления человека. В разнообразных концепциях миф представлен и как эстетический феномен (романтизм), и как форма языковой деятельности (лингвистика, семиотика), и как выражение индивидуального и

коллективного бессознательного (психоанализ), и как форма пранаучного знания (культурная антропология), и как сакральный образец, регулирующий социальную жизнь (французская социологическая школа), и как особое логическое мышление (структурализм) [2. С. 16].

Среди множества способов исследования мифа особое место занимает семиотическая концепция мифа как «вторичной семиологической системы» Ролана Барта. В то время как большинство исследователей понимало миф в архаическом смысле, как целостную мировоззренческую систему, Барт, считая современность «привилегированной областью существования мифических значений», сосредоточил свое внимание на мифах фрагментарных и, в каком-то смысле, более локальных, этой самой современности присущих. Понимая миф как форму, «похищающую, обедняющую и деформирующую любой смысл», он отказывает тому в целостности, «онтологичности», и предлагает универсальный метод его расшифровки посредством различения означающих семиологических систем первого и второго порядка.

Отношение к мифу у Барта, при всей своей неоднозначности, близко к отношению в рамках демифологизаторской традиции: в конечном итоге, с мифом нужно бороться, даже несмотря на то, что мифолог «постоянно рискует уничтожить реальность, которую сам же намеревался защитить».

Для борьбы с мифом Барт предлагает два способа. Первый из них это прямая дешифровка путем разграничения смысла и формы. Такой метод, очевидно, вытекает из структуры мифа и характерен для мифолога, понимающего миф как деформацию.

Более любопытен второй метод, предлагаемый Бартом. Заключается он в создании искусственного мифа, мифа вторичного, представляющего собой третичную семиологическую систему, в которой значение первичного мифа становится означаемым вторичного. Барт полагал, что вторичный миф, преподнося первичный миф как наивность, разрушит его, станет «лучшим оружием против мифа», «антимифом». Уделяя описанию такого подхода всего пару абзацев, Барт приводит «Бувара и Пекюше» Флобера в качестве примера вторичного мифа, построенного на мифе буржуазной идеологии и успешно его демифологизирующего [1. С. 261].

Развитие и более развернутое рассмотрение концепции вторичного мифа, однако, обнаруживает его несколько более агрессивный характер. Демонстрируя наивность первичного мифа, вторичный миф противопоставляет себя ему, становясь как бы «естественной альтернативой» и заменяя, «поглощая» исходный миф. Вторичный миф, внешне являясь нейтральным выражением примитивности первичного мифа, тем не менее, сам оказывается идеологическим средством, выражающим идею, прямо противоположную концепту первичного мифа. Таким образом, говоря о третичной семиологической системе, мы говорим не об «антимифе», а скорее о «контрмифе». Яркие примеры такового можно найти в области политического, в условиях конкуренции идеологий, их столкновения и столкновения мифов, генерируемых ими.

Итак, рассматривая мифы в информационном обществе, нельзя не выделить каналы их распространения. Структура мифа, характерная для того или иного общества, судя по всему, находится в зависимости от уровня развития коммуникационных структур, коими сегодня являются в основном электронные медиа.

Стремительно развиваясь, они способны транслировать все большие объемы информации, доставляя их максимально возможной аудитории. Миф сегодня лишен ритуального или ценностного характера, его практическая роль заключается скорее в упрощении информации, преподнесении ее во внешне непротиворечивой, максимально легко усваиваемой форме, адекватной запросам массового потребления.

Примеры мифов сегодня можно найти в различных жизненных сферах, они возникают не только спонтанно, но и создаются намеренно. Их производство в информационную эпоху близко к массовому. Особо стоит выделить рекламу как область, безусловно, лидирующую в этом производстве, миф здесь выступает как средство стимуляции к потреблению продуктов. Другая заслуживающая внимания область – политическая. Здесь процветает идеологический миф, и особенно любопытным является столкновение различных мифов, соответствующих конкурирующим идеологиям.

Мифы сегодня разнородны, они не предназначены для создания целостной и гармоничной картины мира, несмотря на то, что способны объединяться и наслаиваться друг на друга, они в то же время способны и конфликтовать. Хотя современный миф и восходит к архаическому в отдельных своих законах и структурах, он, тем не менее, выполняет иные функции. Сегодняшний миф в некотором смысле предназначен для упрощения взаимодействия человека с реальностью и ускорения усвоения информации за счет нерефлективного принятия отдельных явлений, которые миф наделяет естественностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Мифологии – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
2. *Галанина Е.В.* Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры – М.: Академия естествознания, 2013. – 129 с.
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
4. *Мелетинский Е.* Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, 2006. – 408 с.

СИТУАЦИЯ И СОСТОЯНИЕ: МЕЖДУ ПРАВЫМ И ЛЕВЫМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМОМ

М.А. Попов
Научный руководитель: к. ф. н. Ю.С. Осаченко
Томский государственный университет

Вопрос дуализма антропологической реальности сложно назвать самым распространенным, самым общепринятым в среде исследований по классическому экзистенциализму, скорее он носит несколько имплицитный, сокровенный характер. Он есть, но его нет. Он неизбежно вытекает из первооснов экзистенциализма, из самой формулировки понятия «экзистенция» (если не из Кьеркегора, то как минимум из Ясперса), но вытекает в пустоту. В молчание. Он (равно как и прямо следующий из него вопрос об отчужденности, неподлинности бытия) стоит у истока, у рождения самого представления об экзистенции, но при этом практически никем не рефлексируется как отдельный объект философствования, как предмет-для-дискурса; как нечто, достойное не только упоминания, но и целостного рассуждения.

Поиск каких-либо свидетельств, рассуждений либо исследований, затрагивающих проблему дуализма антропологической реальности (а как неизбежное следствие, и дуализма реальности социальной) приводит к тем же – или, по крайней мере, близким, – результатам. Исследования, рассматривающие общий социально-философский контекст экзистенциалистской традиции, как правило, апеллируют к Сартру и Камю; то есть не к классической экзистенциалистской традиции, но к левому экзистенциализму, социально-философские установки которого, соответственно, принадлежат более левому дискурсу, нежели классическому экзистенциализму. Изыскания о Ясперсе, концентрируясь на вопросе экзистенции как трансцендирования, много внимания уделяют описанию и анализу подлинного существования – но обходят, как правило, неким полуумолчанием существование неподлинное; описывают скорее то, к чему свершается трансценденция, нежели то, из чего в акте трансцендирования исходит субъект, то, что он, трансцендируя вовне, разрывает. Из общего ряда выбивается, впрочем, Хайдеггер, исследования по которому периодически включают анализ вопроса обыденности [8]; [2]; однако локальная тенденция, увы, не обуславливает глобальной – описание феномено- и онтологии обыденного бытия в оптике классического экзистенциализма, взятой в целом, еще ждет – насколько мы можем судить – более тщательного, более подробного и исследования.

Ошибочно было бы полагать, впрочем, что главной задачей данной статьи является заполнение некоей лакуны, образовавшейся вокруг этого вопроса. Даже если принять предположение, что в данном случае мы имеем дело с неким пробелом; что перед нами здесь наличествует некий неосвещенный, невыделенный из общей картины текста вопрос – он, как минимум, слишком масштабен для того, чтобы решать его в рамках данного текста. Проблема дуализма антропологической реальности в классическом экзистенциализме не является объектом данного исследования, предметом нашего интереса; она интересует нас постольку, поскольку служит отправной точкой для иного, не менее интересного вопроса – вопроса обыденной реальности и ее символического отчуждения в пост-экзистенциалистской перспективе.

Вопрос взаимосвязи в контексте исследований этого вопроса классического экзистенциализма с ситуационистами, «театром жестокости», традиционализмом и работами Эрнста Юнгера в современной философии исследован мало; можно сказать – не исследован вообще. Анализ отдельных, локальных связей – Юнгер и Хайдеггер, Арто и Дебор, Дебор и Барт [3. С. 27] – несомненно, производился и производится достаточно часто; но практически никогда при этом не выходит за рамки конкретного идейного течения и философского контекста – а зачастую и контекста идеологического (условно-«правого» в случае Юнгера или Хайдеггера; условно-«левого» в случае Дебора, Арто или Барта). Меж тем анализ истории философии в рамках некоей, вполне определенной оптики достаточно однозначно доказывает, что подобная взаимосвязь отнюдь не бессмысленна. Оптика эта – оптика вопроса символического отчуждения; взаимосвязь между столь разными исследователями осмысленна именно в силу причастности их к исследованиям данной проблемы; целью же и предметом данного текста является именно обоснование подобной оптики. Иначе говоря, обоснование того, что «поверх» традиционного деления континентальной антропологии XX века на вполне определенные школы, интенции и сферы может быть выделено некое отдельное, «сокровенное» социально-философское течение, противоречивое (вряд ли убежденный анархист Дебор согласился бы исторически стоять в одном ряду с Хайдеггером, Юнгером или Эволой – как и наоборот, впрочем), но все же единое. Сокрытое от общего идейного контекста того периода, и в то же время причастное ему, присутствующее, зримо или незримо, в большинстве его проявлений. Течение, которое далее мы будем для удобства обозначать термином «символический критицизм».

Свое начало вопрос обыденной реальности как реальности отчужденной, несомненно, обретает в классическом экзистенциализме.

Фундамент для него закладывает сам основной и изначальный постулат экзистенциализма, установленный еще Кьеркегором и впоследствии унаследованный Ясперсом: личность открывает себя в экзистенции, т.е. в акте трансцендирования к чистому бытию, разрывающем обыденную реальность и открывающем человеку подлинные смыслы его бытийствования в мире [7]; [5. С. 27]; [11].

Из этого постулата вытекают три основных, фундаментальных для классического экзистенциализма утверждения.

Во-первых: обыденная реальность есть нечто преодолеваемое, «разрываемое» человеком в акте экзистенции. Находясь изначально в обыденном, нерефлексивном состоянии, осознавая реальность как нечто данное, – по выражению Ясперса, например, – «в повседневном обращении, в навыке ручного труда, в техническом обустройстве, в усвоенном нами обхождении с людьми, в методическом упорядочивании и управлении» [12. С. 462], человек все же может одномоментно открыть для себя подлинное существование, подлинное переживание Бытия – в ситуации т.н. экзистенции, ситуации непосредственной открытости миру и непосредственного его переживания. Именно в ней коренится любая рефлексия; именно в ней коренится истинно философское и истинно научное мышление.

Во-вторых: положение Ясперса о причинах, об основаниях тех ситуаций, в которых возможно экзистенциальное мышление. Ситуации такого типа Ясперс, как известно, возводил к моментам кризиса, к моментам высочайшего напряжения, разрывающим обыденное мышление и обыденное существование – зача-

стую за счет трагических событий, как то смертельной опасности или серьезного стресса [6].

Наконец, третьим основанием, закономерно продолжающим предыдущий пункт, становится ценностное, антропологическое представление о подобных ситуациях; их оценка как чего-то тяготящего, утруждающего по отношению к человеку, как некоей «скорби». Корни подобного отношения восходят еще к Ясперсу и Хайдеггеру; наивысшее же развитие оно получило в работах Сартра, став с тех пор общепринятым для экзистенциалистского контекста.

К первому пункту, впрочем, вносит определенную поправку Хайдеггер; для него обыденная реальность (что особо важно для нашего исследования) представляет собой не реальность техническую, но реальность коммуникативную; более того, реальность отчужденной коммуникации. Для Хайдеггера обыденность задается не техническим действием, через которое человек осознает реальность лишь как нечто уже-данное, не пытаясь разорвать ее в поиске ее истока, чистого Бытия – но отчужденной, лишенной бытийного смысла коммуникацией; обменом пустыми знаками, лишенными содержания, «болтовней»; «толками» из главы 35 «Бытия и времени», das Gerede [8]; [9].

Одной из линий развития подобной системы взглядов стал французский антропологический дискурс XX века, в частности, в лице Ролана Барта, Ги Дебора, Эмиля Чорана, Жана Бодрийяра; отчасти, косвенно, – в силу принадлежности к литературе более, чем к философии, – Анри де Монтерлана, Луи Селина и Антонена Арто. Сложно говорить об их прямом или непрямом наследовании Хайдеггеру; скорее здесь стоит говорить о феномене некоего «пост-экзистенциализма»; влияния экзистенциалистской атмосферы, пронизавшей всю Европу интербеллума. Однако при несомненной общности первоначальных установок этот «пост-экзистенциализм» от классического экзистенциализма все же во многом отличен; настолько, что дает повод говорить о формировании «на осколках» экзистенциализма новой идейной традиции.

Унаследованная из экзистенциализма концепция дуализма переживания, дуализма реальности становится здесь основополагающей – и при этом в один из моментов на ее почве вырастает бартовская концепция мифа как вторичной реальности; как языкового и, особенно, социального явления. Результатом становится положение о дуализме социальной реальности и истинного, неотчужденного переживания жизни; по сути – социализация этого момента в целом, как такового.

Стоит заметить, что при всей номинально демифологизаторской и рационалистической направленности этой традиции (чему во многом способствовала и ее тесная связанность с левым политическим дискурсом), многие ее представители в итоге приходили едва ли не к ремифологизаторским и трансцендентализтским установкам. В частности, примером подобного перехода может служить Антонен Арто, чья концепция «театра жестокости», начинаясь в целом как условно-«левый» проект, приходит в итоге к вполне ремифологизаторскому утверждению об утрате современным миром глубины мифа и о необходимости ее возрождения именно через вполне ясперсовские «критические ситуации», открывающие путь к глубинам, к корням человеческого миропонимания [1]. Неизбежным итогом подобных изменений становится и смена оценки подобных «разрывов»: от экзистенциалистского положения о «боли и ужасе» данный дис-

курс переходит зачастую к апологетике «ситуаций разрыва». Впрочем, в описываемом дискурсе подобные ситуации отнюдь не настолько, как в классическом экзистенциализме, связаны именно с трагическими, безысходными состояниями – их источником скорее считаются фундаментальные, неустранимые понятия человеческой культуры [1].

Несколько иначе развивается та же тенденция с другой стороны идейного спектра: в работах Э. Юнгера и Ю. Эволы. Настолько же убежденно критикуя отчужденную реальность, настолько же подчеркивая ее отделенность от человека и от его подлинных переживаний, философы этого круга определяют роль мифа и роль ситуаций разрыва. Миф для них перестает быть чем-то амбивалентным, чем-то одновременно работающим на отчужденное общество и в то же время, – в одной из своих ипостасей, – открывающим человеку путь к трансценденции.

Иначе воспринимаются и «ситуации разрыва»: если классические экзистенциалисты принимали их как неизбежное зло («тягость», «обвал» – ср. у Ясперса Scheitern), связываясь лишь с трагическими моментами жизни; а левые экзистенциалисты считали их естественной частью жизни, обуславливающей само бытие человека, то здесь «разрыв», создаваемый любым прочувствованным, осознанным и не-обыденным действием, становится высшей целью человеческой жизни; единственным, что делает ее подлинной – и к чему, ergo, стоит стремиться [10].

Кроме того, третьим важным различием выступает критерий ценностной оценки. На смену пессимизму классических экзистенциалистов [10] и революционному пафосу левых пост-экзистенциалистов [4] приходит воскрешение ницшеанского amor fati; приходит апология Человека, преодолевающего тяготы жизни и радующегося ей, как пути открытия в себе трансценденции и получения истинных, неотчужденных состояний.

Таким образом, перед нами более или менее обрисовывается целостная картина описываемого нами идейного течения; мы можем так или иначе, – с целью последующих философских исследований в сфере данного дискурса, – выделить его основные черты. Течение, названное нами в начале данной статьи «символическим критицизмом», ставит во главу угла «ситуации разрыва» и состояния бытия, получаемые как результат этих ситуаций; понимает социальное бытие как нечто, отчужденное от собственного бытия человека, лишенное и лишающее своих членов истинного ощущения своей жизни; считает миф – как некий опыт перворазрыва, обуславливающий все последующее бытие человека, – фундаментальной и неустранимой основой антропологической реальности; в конечном итоге лишено «левых» и «правых» коннотаций в силу своей имманентной апелляции не к идеологии (в отличие от зачастую его предшественников и современников), но к трансцендированию от обыденной, не-рефлексивной реальности (=мифу) и переживанию экзистенции как ситуации и состояния собственного бытия. И, в конечном итоге, – по нашему глубокому убеждению, – оно может считаться целостной, самостоятельной и полноправной ветвью развития классической экзистенциалистской предпосылки об экзистенции как разрыве обыденного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арто А*. Театр и его двойник. – М.: Мартис, 1993. – С. 91-109.
2. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 212 с.
3. *Гальцова Е.Д*. К вопросу о генезисе понятия «театральность» во Франции: от Вагнера к театральной семиотике // Литература XX века. Итоги и перспективы изучения. Седьмые андреевские чтения. – М., Экон-Информ, 2009. – С. 25-35
4. *Дебор Г.* Общество спектакля. – М., Логос, 1997. – 183 с.
5. *Демченко Л.М.* Проблема единства экзистенциальной коммуникации и экзистенциального прояснения в философии К. Ясперса // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – Т. 1. – № 1. – С. 25-34.
6. *Зотов А.Ф.*, Мельвиль Ю.К. Западная философия XX века в 2 т. – Т. 1. – М., 1998. – 432 с.
7. *Лега В.П.* История западной философии. Часть 2. Новое время. Современная западная философия. – М., ПСТГУ, 2009. –528 с.
8. *Суханцева В.К.* Хайдеггер: к онтологии обыденности // Філософські дослідження. – Вып. 4. – Луганськ, 2003. –С. 7-15.
9. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М., Ad Marginem, 1997. – 451 с.
10. *Эвола Ю.* Оседлать тигра. – СПб, Владимир Даль, 2005. – 512 с.
11. *Ясперс К.* Введение в философию. – Минск: Пропилеи, 2000. – 191 с.
12. *Ясперс К.* Философская вера // Смысл и назначение истории. – М., 1991.

ФУНКЦИИ СМЕХА В КУЛЬТУРЕ

И.М. Федорова
Научный руководитель: д.ф.н. Г.И. Петрова
Томский государственный университет

Человек отличается от животного тем, что имеет отношение ко всему, что вокруг него, то есть – дистанцию между собой и внешним миром. С этой дистанции он осмысливает и видит и себя, и другого. Эта специфика инициирует экзистенциальные характеристики человека: переживание, радость, счастье, тревога, забота, способность относиться к себе с юмором. Смех, являясь реакцией на юмористическую антропологическую ситуацию, выступает как одна из форм взаимодействия человека с миром и самим собой; это начало одновременно и разрушительное, и созидательное. Смех направлен на разрушение того, что привносит в мир хаос, показывает ненужность установленных порядков. Но смех и создает свой полный легкости, нелепости мир, который лечит душевные терзания человека.

Величайшие мыслители, начиная с Аристотеля, рефлексировали о понятии, характере, основе смешного. Классическая философия видела смех в ракурсе общего настроения рациональности, серьезности и логичности. Существенный вклад в постановку и раскрытие вопроса внес Платон, который считал комическое недостойным для свободных граждан идеального государства, поэтому отводил место смеху в «мире мнений», не заслуживающем внимания философии. Платон утверждал, что смешны слабые и неспособные отомстить, если над ними насмехаются. Платон не был настроен против смеха, он признавал всякого рода забавные шутки. Согласно аристотелевской теории комедии, людей с характером, который содержит «частицы безобразного», мы можем назвать смешными. К смешным относятся и «характеры вялые, жадные». Смешное для Аристотеля – область «безвредных» нарушений этики. Свободному же человеку подходит ирония, то есть прием, когда мы говорим одно, а делаем вид, что говорим другое.

Классическая, рациональная культура и культура современная – игровая – поразному описывают сущность смешного. Конкретные проявления смеха зависят от состояния философии, культуры, исторических и национальных особенностей конкретного региона. Например, А. Бергсон – французский философ XX века, представитель философии жизни – полагает, во-первых, что нет смешного вне человеческого, поскольку одна из рефлексивных особенностей человека состоит в его способности смеяться. Если даже мы смеемся над животными или вещами, мы отмечаем схожесть животного или вещи с человеком [2. С. 10]. Во-вторых, смех сопровождается нечувствительностью. Такие чувства, как жалость, симпатия, негодование, страх «убивают» смех. Смеющийся должен испытывать равнодушие к объекту смеха [2. С. 11]. Третье, последнее и центральное условие смеха, по Бергсону, – его социальный характер. «Смешное не может оценить тот, кто чувствует себя одиноким, – полагает Бергсон, – наш смех – это всегда смех той или иной группы». Случайное соседство со смеющейся от души чужой компанией не вызывает желания смеяться; ситуация кардинально меняется, когда человек является членом этой компании. «Чтобы понять смех, его необходимо перенести в его

естественную среду, каковой является общество, то есть смех должен иметь общественное значение» [2. С. 13].

Российский философ-культуролог Г. Л. Тульчинский пишет о смешном как о присущем исключительно человеку переживании. Смеется только человек и только над проявлениями человеческого: «выпученные глаза лягушки, малоподвижность бегемота, трусливость зайца и т.д. смешны не сами по себе, а как аналоги и напоминание каких-то чисто человеческих черт» [4].. У человека могут вызывать улыбку и объекты неживой природы (вещи, горы, различные архитектурные сооружения и т.д.). Различные виды смеха имеют единую онтологию и основываются на осознании несостоятельности отклонения от представления о желаемом должном, которые задаются человеку обществом. Поэтому смех – индивидуальное начало человека, которое имеет под собой социокультурную основу (каноны, которые задает окружающая социальная среда). Смешно то, что нам понятно и не кажется неопасным. Даже смех от щекотки возможен тогда, когда человек уверен в доброжелательности действий щекочущего.

Представленное понимание сущности смеха позволяет увидеть его функциональное назначение. К функциям смеха можно отнести разрушительное начало, так называемого, «нездорового» смеха. Эта категория смеха получила свое название, как выражение функции самозащиты, поскольку человеку необходимо отречься от беспомощности. Функцию разрушения философ двадцатого столетия Г. Тульчинский объясняет следующим образом: так как первооснова смешного есть противоречие между ценностно-нормативной структурой, которую создает социум, и характерами, поступками людей, порой отклоняющихся от этих норм, то можно сделать вывод о том, что смех не только объединяет, но и разъединяет, противопоставляет людей [4].

Рассмотреть влияние примирительной функции смеха можно с точки зрения теории агрессии К. Лоренца. Агрессия – инстинкт, присущий как животным, так и человеку. В связи с этим Лоренц уточняет формулу Дарвина «борьба за существование». Борьба – это, в первую очередь, *конкуренция* между ближайшими родственными особями. Возникающее в человеке агрессивное напряжение, во-первых, направлено на самых близких ему членов социума, а, во-вторых, постоянно накапливается и поэтому должно периодически разряжаться. *Ситуация, вызывающая смех, и есть самый безболезненный способ разрядки накопившейся социальной агрессии.* Сначала человек получает неприятный укол со стороны окружающих, но уже в следующее мгновение все понимают комизм произошедшего. Возникающий при этом смех как бы физически устраняет агрессию смеющихся. Отсюда – сопровождающее смех чувство радости [3. С. 54].

Созидательную функцию смеха можно рассмотреть на примере «метода Сократа». «Говорящий философ» Сократ изображал себя простаком, неудачи оппонента приписывал себе, добродушно посмеиваясь над собеседником. Форма самоиронии построена таким образом, что человек, к которому она обращена, самостоятельно приходит с помощью логических выводов к скрытому смыслу иронического высказывания. Ирония Сократа – нечто большее, чем обычная ирония: ее цель – не только в том, чтобы разоблачить и уничтожить, но и в том, чтобы помочь человеку стать свободным, открытым для истины.

Из российских исследователей о созидательной функции смеховой культуры пишет М.М. Бахтин. В своей работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» он определяет характеристики своеобразия народной смеховой культуры средневековья и Возрождения в контексте западноевропейской культуры, философии. Поскольку отличительной чертой средневековой философии являлась ее тесная связь с христианством, то смеховая культура противостояла официальной церковной культуре.

Смеховая культура этого периода носила характер вольномыслия, карнавальности, скептицизма. Большие средневековые города жили карнавалом в общем до трех месяцев в году. Карнавал – особый мир свободы, равенства, мир, в котором отсутствовало деление на зрителей и актеров. Карнавалы, различные смеховые действа, основанные на смехе, противостояли официальным культурным формам, церковным и государственным церемониям, создавали иной мир вне церкви и государства, мир «наоборот». Мир изобилия, свободы, мир, в котором отсутствовали иерархические отношения, мистицизм, религиозные догматы, где пародировался церковный культ [1. С. 18]. Это позволило М.М. Бахтину говорить о карнавале как о «второй жизни», «втором мире» [1. С. 14]. Обращение к иному (противоположному) миру было вызвано чувством отторжения реальности, полностью соответствующей духу христианского вероучения, а также негативным чувством к суровой действительности, рассматривающейся как пространственно-временная протяженность борьбы между добром и злом, богом и антихристом.

В начале XX века продолжается разработка идеи смеха в его созидательной функции. Ее разработкой занимался А. Бергсон. Известны его книги «Смех», «Смех в жизни и на сцене». Смех, по Бергсону, – плата злом за зло и в то же время – мера человеческого стремления к самоутверждению. Причину смеха Бергсон видит в *автоматизме*, отсутствии гибкости. На подобной неловкости основаны практически все виды комизма – от примитивного комизма случайного падения человека до его общественно значимых проявлений. Основной функцией смеха, таким образом, является функция социальной коррекции, и роль, которую он играет, направлена на исправление и совершенствование общества.

Созидательную функцию смеха рассматривает и современный российский исследователь Г. Тульчинский. Человек пытается понять бесконечный мир и потому вынужден принимать определенную позицию, с помощью которой он это будет делать. Мир ограничен рамками такого осмысления и понимания. Смех утверждает одни нормы и, ниспровергая другие, способствует новому осмыслению, социализации. Смех – это путь самопознания личности, механизм самозащиты и самоутверждения. Он дает уникальную возможность как человеку, так и обществу, в целом взглянуть на себя и на происходящее извне. По тому, над чем человек смеется, можно определить не только его состояние, но и его отношение (страх, власть и т.д.) к чему-либо. Смех служит верным критерием нравственного и интеллектуального развития личности, уровня культуры, характера осмысления своего места в ней [4].

Смеховая культура в XXI веке в большей мере начинает приобретать разрушительную функцию. Это культура, которая вместо ориентации на традиционное социальное примирение, переросла в стирание граней между добром и злом.

Информационное пространство, превращенное в сплошное юмористическое шоу, развращает сознание, делает его пассивным, равнодушным, готовым принять все, что угодно. Смех, войдя в различные структуры повседневности, принял на себя функции политической и идеологической прагматики. Смех сегодня в большой мере характеризует массовую культуру и служит в целях легкого жанра, для общего и пустого развлечения: натурального смеха. В нем нет глубины, грустной сатиры или иронии. Прав был А. Бергсон, считая, что «глупый смех», хочет человек этого или нет, служит «ампутацией человеческой души».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. *Бергсон А.* Смех. – М.: Искусство, 1992. – 127 с.
3. *Кошелев А. Д.* О сущности комического и природе смеха //Вопросы философии. – 2013. – №9. – С. 52-62.
4. *Тульчинский Г.* Культура личности и смех. // Человек. – 2012, – №2, – С. 20-34.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ И ИДЕОЛОГИЯ

В.В. Шкурко
Научный руководитель: к.ф.н. В.В. Петренко
Томский Государственный Университет

Мы живем в чувственно-воспринимаемом мире. Каждый день мы практически с неизбежностью задействуем нашу способность воспринимать, чувствовать мир вокруг нас. Мы видим вещи, которые нас окружают, мы видим себя, видим других людей. В последнее время все активнее в сфере культурных исследований тематизируется способность человека видеть. «Зрение первично, по отношению к речи, – пишет Дж. Бергер, – ребенок уже видит, но еще не понимает речь. Но зрение так же первично и в ином смысле. Понимание нашего места в окружающем мире формируется именно благодаря зрению; мы объясняем мир словами, но слова ничего не могут поделать с тем фактом, что мы этим миром окружены» [2. С. 9]. Появляется специализированная область гуманитарного знания – визуалистика, – занимающаяся изучением визуальной культуры в самых разнообразных ее проявлениях. «Мир, в котором мы живем, наполнен визуальными образами. Они являются ключевым аспектом наших способов репрезентации и коммуникации. Во многих отношениях, наша культура все больше и больше становится культурой визуальной» [6. С. 1], – так начинается работа «Практики видения» (*«Practices of looking»*), написанная американскими исследователями в обозначенной выше области – Мэритой Старкен и Лизой Картрайт. С этим тезисом сложно спорить, ведь наш ежедневный опыт подсказывает, что так и есть: нас окружают, да и всегда окружали, разного рода изображения (будь то кино, реклама, фотография в журнале, интернет-пространство и т.д.). Однако при скрупулезном рассмотрении можно отметить, что такое утверждение вряд ли является полным: дело в том, что утверждения *«мы живем в мире зримых вещей»* и *«мы живем в мире визуальных образов»* отнюдь не тождественные высказывания, как может показаться на первый взгляд. На каком основании мы можем различать эти феномены? Необходимо определиться для начала с тем, что есть *зримая вещь* и *визуальный образ*.

Безусловно, зримые вещи и визуальные образы нечто роднит: их способ явленности. Наше столкновение с ними начинается в одном и том же акте – акте видения. Мы видим вещи, мы видим образы. Но различие заключается в том, что, когда мы говорим: «мы видим вещь» – это означает, что мы обладаем опытом перцепции какой-то вещи. Акт чувственного восприятия оказывается исчерпывающим, когда речь идет о зримой вещи. Однако, чтобы «увидеть» визуальный образ, невозможно обойтись только способностью видеть: визуальный образ выводит нас за рамки материального мира в мир смыслов.

Правомерным тогда покажется следующий шаг: необходимо четко обозначить два разных употребления слова «видеть». Для этого прибегнем к маркерам «естественное» и «искусственное» видение. «Естественным» видением назовем способность видеть-чувствовать (такой способ видеть «естественный», поскольку *«всякое знание устанавливается в горизонтах, открытых восприятием»* [3, С. 267], «искусственным» – видеть-читать. Стоит сразу оговориться, что не нужно буквально воспринимать метафору чтения: здесь не идет речь о постули-

ровании идентичности визуального и вербального, поскольку эта идея требует отдельного исследования.

Схожие идеи различения двух разных способов видеть разрабатывались в рамках феноменологических проектов и в наиболее отчетливом виде сформированы в работах французского философа Мориса Мерло-Понти. В «Феноменологии восприятия», одной из главных тем которой является отношение человека и мира, а также поиск исходной точки, с которой эти отношения начинаются, он пишет, что существует ряд догм в вопросе о нашем восприятии, одна из которых «заключается в утверждении, что объект изначально имеет значение, не задаваясь вопросом о том, как это значение проникает в наш опыт. Рефлексивный анализ подменяет абсолютное существование объекта мыслью об абсолютном объекте и, желая обозреть его с высоты полета и помыслить его помимо конкретной точки зрения, он разрушает внутреннюю структуру объекта. Если существует для меня куб о шести равных гранях и если я могу воссоединиться с ним, то дело не в том, что я его постулирую из меня самого, дело в том, что я погружаюсь в толщу мира посредством перцептивного опыта. Куб о шести равных гранях – это предельная идея, при помощи которой я выражаю телесное присутствие куба, находящегося здесь, перед моими глазами, в моих руках, в его перцептивной очевидности. Грани куба – это не его проекции, а на самом деле грани. Когда я воспринимаю их одну за другой, в соответствии с тем, как они явлены в восприятии, я не конструирую идею геометрического, которая обнаруживает смысл этих перспектив, ибо куб – уже тут, передо мной, и проявляется через них» [3. С. 263]. Иными словами, он говорит о том, что первое наше столкновение с миром есть столкновение с его данностью в нашем ощущении, то есть в «естественном» зрении в данном конкретном случае. В процитированном фрагменте отчетливо фиксируется разница между смыслом и вещью, которая нам важна для различения зримой вещи и визуального образа. «С точки зрения моего тела я никогда не воспринимаю как равные шесть граней куба, даже если этот последний из стекла, и тем не менее слово "куб" имеет определенный смысл; куб сам по себе, действительный куб, независимо от того, как мы его ощущаем, имеет шесть своих равных граней. <…> На уровне рассуждения можно объединить понятие числа шесть, понятие "грань" и понятие равенства и связать их в одной формулировке, которая и является определением куба. Но это определение скорее ставит перед нами еще одну проблему, нежели дает что-либо конкретное для размышления. Преодолеть слепое символическое мышление можно, только воспринимая отдельное пространственное тело, которое обладает совокупностью своих предикатов» [3, С. 261-262].

Что же тогда представляет собой «искусственное» видение? Идея, близкая актуализации видения-чтения, находит свое отражение в семиотических концепциях, которые представлены, в частности, работами Ролана Барта и Умберто Эко. В работе «Риторика образа» Барт говорит о том, что одна из этимологий слова *«image»*, означающего «образ, изображение», восходит к слову *«imitari»,* которое можно перевести как «подражать». Этой предпосылкой и обуславливается понимание «видения» визуального образа через аналогию к чтению: видеть – значит интерпретировать визуальный знак. Иными словами, какое отношение визуальный образ занимает по отношению к категории «значение»? Чем исчерпывается значение изображения: является ли оно «рудиментарной системой, по

отношению к языку», или «сам термин «значение» неспособен исчерпать неизреченное богатство образа [1. С. 297]?

Анализируя визуальный образ на примере рекламного плаката, Барт приходит к выводу: «Итак, если все сказанное верно, то, значит, в рассмотренной фотографии содержатся три сообщения, а именно: языковое сообщение, затем иконическое сообщение, в основе которого лежит некий код, и, наконец, иконическое сообщение, в основе которого не лежит никакого кода» [1. С. 302]. Позволим себе опустить языковое сообщение: его мы при взгляде на рекламный плакат без труда можем отделить от визуального образа, и тем самым оно не представляет для нас в данный момент интереса. Иконическое сообщение, основанное на коде, вслед за Бартом, назовем «символическим» сообщением; сообщение без кода – «буквальным». Для французского философа это разделение имеет сугубо операциональный характер, поскольку он полагает, что буквального сообщения в чистом виде не существует. Но мы оставим этот вопрос открытым. Для нас важно то, что позволяет в конечном итоге разделить «символическое» и «буквальное» сообщения изображения.

Понятно, что «символическое» сообщение может быть по-разному прочитано разными субъектами коммуникативного акта. Однако такая вариативность не произвольна: она зависит от разных типов знания, которые мы проецируем на изображение во время его прочтения. Это разное прочтение обуславливает то, что Барт называет *словарями*: фрагментами языка, соотнесенными с определенными типами практики. Иными словами, «символическое» сообщение представляет собой конструкцию из знаков, которые содержатся в наших словарях. Постепенно разрушая данную конструкцию, мы сможем прочитать «буквальное» сообщение – сухой остаток. «Буквальное» сообщение самодостаточно, оно обладает одним твердым смыслом, а именно предметной идентификацией определенных вещей. «"Буква" изображения – это исходный уровень интеллигибельности, порог, за которым читатель способен воспринимать только разрозненные линии, формы и цвета» [1. С.308].

Таким образом, мы видим существенное отличие зримой вещи от визуального образа по многим параметрам: различие в субъектах восприятия (тело – разум); различие по составу (простое – сложное); различие по способу бытия.

Настал момент ввести в рассуждение понятие идеологии. Идеологию мы будем понимать в максимально широком смысле, а именно как область, общую для всех «символических» сообщений. Данный тезис требует пояснения. Умберто Эко пишет: «Мы будем понимать под идеологией все то, с чем так или иначе знаком человек и та социальная группа, которой он принадлежит, системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы» [5. С.137] Таким образом, под идеологией следует понимать, видимо, некий горизонт, который позволяет нам «читать» визуальные образы: постольку, поскольку их чтение возможно только тогда, когда наш словарь, наши знания, позволяют нам увидеть «символическое» сообщение в изображении. Для такой интерпретации идеологии нужно серьезное основание: это основание, которое позволяет нам выделить еще один общий момент для зримых вещей и визуальных образов. А именно «буквальное» сообщение в изображении. «Буквальное» сообщение несет в себе лишь предметную идентификацию вещей, которые оно изображает. Другими словами, «буквальное» со-

общение, в общем-то, является своеобразным «мостом» из мира зримых вещей в мир визуальных образов.

Значит ли это, что идеология, понимаемая в таком смысле, оставляет за собой право на визуальный образ как свой исключительный продукт? Иными словами, можно ли представить себе визуальный образ, который не будет формироваться схожим образом?

Во многом постановка такого вопроса стала возможной после и благодаря изобретению фотографии. В «дофотографическую эпоху» подобное деление изображения на «символическую» и «буквальную» составляющие было бы более размытым и туманным: именно фотография стала первой практикой, не трансформирующей зримые вещи в «буквальные» сообщения, а фиксирующей их. Иными словами, радикальное отличие, привнесенное фотографией, – это возможность создания сообщения без кода: «буквального» сообщения. Конечно, подобная структура имела место в изображении и до фотографии, но имела куда более условный характер: например, рисование не создает сообщения без кода – кодом является сам язык живописи, определенные правила, например, правило перспективы. «Буквальное» измерение рисунка имеет трансформативную природу, в то время как тот же аспект фотографии – природу аналогическую.

Однако при ответе на вопрос о том, возможно ли создание визуального образа без кода, возникает желание ответить положительно. И тому есть подтверждение, хотя оно и не столь однозначно. Этот пример – художественный авангард.

«При всей недостаточной ясности, размытости и спорности, – пишет Анатолий Осмоловский, – теория авангарда – это довольно строгая художественная теория, имеющая несколько магистральных линий, а также ряд тупиковых (экспериментальных) ответвлений. Если не вдаваться в подробности, то главная задача авангардного проекта заключалась в стремлении к максимальной конкретизации художественного объекта. Картина "Черный квадрат" изображает именно черный квадрат и ничего больше»[4.]

И ведь действительно: художественный жест авангарда – это, в первую очередь, жест, который ничего не символизирует, не имеет никаких иных законных прочтений. Черный квадрат – на самом деле черный квадрат – ни больше, ни меньше. Следовательно, авангарду, похоже, удается создать визуальный образ без «символического» сообщения: непорочное изображение. Таким образом, единственное, что изображается, есть сам предмет, то, как он нам дан. Авангард пытается сделать зримую вещь единственным смыслом визуального образа, и, соответственно, совершает революционный шаг. Он редуцирует «символическое» – изображение ускользает от идеологии в широком смысле, стирая границу между зримыми вещами и визуальными объектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Риторика образа // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 297-319

2. *Бергер Дж.* Искусство видеть. – Спб.: Клаудберри, 2012. – 184 с.

3. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – Спб.: Наука, 1999. – 608 с.

4. *Осмоловский А.* Этический код автономии. – URL: http://xz.gif.ru/numbers/58-59/kod-avtonomii/ (дата обращения: 25.04. 2015)

5. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – Спб.: Симпозиум, 2006. – 544 с.
6. *Cartwright L.*, Sturken M. Practices of looking: an introduction to visual culture. Oxford University Press, 2009. – 496 p.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

МАТЕМАТИЗАЦИЯ, ЕЕ МЕСТО И РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ МИНЕРАЛОГИИ

К.С. Зенина
Научный руководитель: к.ф.н. Д.Л. Ситникова
Томский государственный университет

Для решения самых разнообразных задач в современной науке широко применяется математический аппарат.

Проникновение математики в иную область знаний, использование ее средств, методов и языка для решения определенных задач определяется как математизация [6. С. 72]. Процесс математизации осуществляется на двух уровнях: 1) математизация «в малом» – проникновение в области различных наук вспомогательных математических процедур (например, математическая статистическая обработка данных), основные модели, применяемые в этих науках, остаются при этом нематематическими; 2) математизация «в большом» – переход к математическим моделям и моделированию в науках, которые раньше применяли другие способы моделирования, скажем, неформализованные модели [5. С. 134].

В истории практически каждой частной науки отмечаются определенные этапы, в которых начинается развитие процесса математизации. Кроме того, математизация является критерием научности [5. С. 134].

Математизация научного знания зародилась в античности. Первую математическую концепцию природы создали пифагорейцы, утверждавшие что, «все есть число» [6. С. 68]. Платон продолжил пифагорейскую традицию, выдвинув на первый план геометрию («Бог всегда является геометром»). Позже, в эллинистический период, Евклид создал первую аксиоматико-дедуктивную систему геометрии, ставшую основой математизации античных оптики и статики (Евклид и Архимед) и астрономии (Птолемей). «Античное наследие математических знаний было сохранено и преумножено арабскими учеными и средневековыми мыслителями» [8]. В эпоху Возрождения математика природы так же обожествлялась, как и в античное, и в средневековое время. Наиболее впечатляющим достижением математического подхода этого времени стала коперниковская гелиоцентрическая система. «Почти до конца Средневековья математика использовалась в очень немногих областях: в астрономии, оптике, музыке, в некоторых разделах механики, а также в практических задачах в торговле, строительстве и даже в теологии. Только к концу XVII в. методологи – в основном благодаря Декарту – математику «повысили в чине», сняли с нее наложенные в античности табу, придав ей статус универсальной науки» [5. С. 141]. В Новое время исследователи в естествознании (И. Кеплер, Г. Галилей, Х. Гюйгенс,

И Ньютон), и философы (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Г. Лейбниц) считали математику «прообразом мира» (например, Г. Лейбниц: «Как Бог вычисляет, так мир и делает») [8].

Математизация современного научного знания является характерной чертой и необходимым условием успешного развития наук геологического цикла, в том числе и минералогии, на роль математизации в которой хотелось бы обратить внимание в данном контексте.

Еще Р. Миллер и Дж. Кан указывали в 1960 году, что «…овладеть математическими методами решения геологических задач, значит получить способ действий, управляемый набором правил, применение которых всеми заинтересованными исследователями сведет к минимуму ошибки интерпретации, уменьшит неясность и неопределенность в выводах при обработке данных» [4]. Ф. Энгельс отмечал, что «применение математики: в механике твердых тел абсолютное, в механике газов приблизительное, в механике жидкостей уже труднее; в физике больше в виде попыток и относительно; в химии простейшие уравнения первой степени; в биологии – 0» [3]. О какой-либо роли математики в развитии геологии Ф. Энгельс даже не упоминает. Действительно, вплоть до конца XIX и начала XX столетия, несмотря на то, что почти все естествознание испытало на себе огромное революционизирующее влияние математических методов исследования, геология долгое время была не затронутой ими. Это объяснялось рядом причин. Во-первых, качественным своеобразием геологических процессов, во-вторых, трудностью, а подчас и невозможностью, выразить количественно геологические отношения. При этом необходимо учесть тот момент, что ряд факторов, входящих в комплекс геологических воздействий, остается, по-видимому, для нас еще неизвестным. В-третьих, труднопреодолимым препятствием выступает исторический характер геологии, огромная длительность времени, в течение которого протекает большинство геологических процессов. Но все эти трудности, хотя и представляют серьезные препятствия для внедрения математических методов в геологию, все же не означают полной невозможности их применения в данной области знания.

Накопление и постоянное усложнение минералогической информации, получаемой в процессе поисковых и научно-исследовательских работ, требует соответствующих способов ее анализа, обработки и представления, позволяющих существенно дополнять вербальные характеристики математическим обоснованием установленных закономерностей.

Первое применение математических приемов в минералогии связано с относительным измерением некоторых свойств минерала. Так, твердость минералов оценивается по десятибалльной шкале, предложенной немецким минералогом Ф. Моосом в 1811 году. Значения шкалы от 1 до 10 соответствуют 10 достаточно распространенным минералам от талька до алмаза [2. С.36].

Другим распространенным методом является количественный анализ, называемый количественным минералогическим анализом, заключающийся в определении количественного минерального состава горной породы и руд. Производится разными методами:

а) в плотных рудах (в аншлифах или шлифах) измеряют и суммируют площади, занимаемые зернами разных минералов (площадной метод), длину отрезков

параллельных линий, пересекающих минералы (линейный метод), или число точек, приходящихся на них (точечный метод);

б) статически весовой метод – взвешивается препарат, а масса ценных минералов определяется как произведение числа зерен (подсчитанных под бинокуляром или микроскопом) на их среднюю массу. Средняя масса отдельного зерна ценного минерала в каждой фракции (по крупности) устанавливается путем деления массы зерен на их число не менее 2–3 тыс.)

в) объемный метод – под бинокуляром подсчитывают зерна ценного минерала в всех остальных минералов препарата. Объемы зерен разных минералов в одной фракции принимаются равными. Содержание минералов выражается в объемных (Соб) или весовых (Св) процентах; например, по всем изложенным выше методам Соб или Св вычисляется по формуле: $C = \frac{\sum A}{\sum B} \times 100$, где С – объемное или весовое содержание изучаемого минерала; ΣА – сумма площадей изучаемого минерала, длин линий, пересекающих эти минералы и т. п.; ΣВ – сумма площадей, линий, число точек или зерен, вес препарата всех зерен исследуемой руды или горной породы [8].

Большое значение для развития минералогии и кристаллографии имело открытие 230 типов симметрии в конце XIX в. Е.С. Федоровым на основе применения алгебраической теории групп. Только спустя 20 лет этот математический расчет, связанный с качественной характеристикой минералов, был подтвержден опытами М. Лауэ по отражению рентгеновских лучей [7. С. 32].

В современных минералогических исследованиях наиболее популярны методы математической статистики. Обычно это статистическое сравнение большого числа выборок, заключающееся в проверке гипотезы равенства средних и дисперсий для отдельных признаков по t – критерию Стьюдента (равенства средних), F – критерию Фишера (равенство дисперсий), χ – критерию и других.

Н.П. Юшкин во второй половине XX в. ввел в минералогический анализ информационно-энтропийный расчет показателей минеральных систем. В основе такого анализа лежит понятие о величине информационной энтропии минеральных систем. Сущность анализа заключается в точном измерении характеристик минерала и вычислении по ним или частной информационной энтропии на каком-то одном информационном уровне, или суммарной энтропии на нескольких уровнях с последующим сравнением величин энтропии в естественных рядах минералогических объектов. Такой подход позволяет предельно «сжать» в единую информационную меру чуть ли не бесконечное количество характеристик и удобно оперировать ими. А поскольку изменение информационного содержания (внутреннего разнообразия) минеральной системы является количественным критерием необратимых качественных изменений ее структуры, т.е. критерием развития, информационно-энтропийный анализ открывает возможность установления количественных закономерностей в эволюции минерального мира [7. С. 98]. Энтропия в данном случае является универсальным показателем уровня организации различных минеральных систем и вычисляется как сумма произведений вероятностей различных состояний системы, взятая с обратным знаком, на логарифмы этих вероятностей по формуле Шеннона:

$$H = -\sum_{i=1}^{i=n} p_i \log_2 p_i \quad (1)$$

где p_i – встречаемость минерального вида [7].

Применение последнего анализа позволяет дать численную характеристику большому количеству показателей минеральной системы и определить сложность и закономерности в ее организации. В частности, данный метод широко применяется в исследовательской работе автора, с помощью которого была получена уникальная информация о минеральной организации редкого типа месторождений – агпаитового (высокощелочного) гранитного массива Халдзан-Бурэгтэг в Западной Монголии, представляющего собой крупное месторождение редких земель, циркония, ниобия и тантала.

Охарактеризованные выше примеры применения математического аппарата в минералогических исследованиях лишь малая толика действительного арсенала математики, применяемого в минералогии. Однако не всеми специалистами-геологами принимаются во внимание математические средства исследования геологических, в частности, минералогических систем. Главным фактором этой проблемы можно назвать не отсутствие должного математического образования у геологов, а определенный догматизм исследователей в отношении новых методов и преувеличение роли традиционных.

Тем не менее, роль математизации как в минералогии, так и в других геологических дисциплинах определена однозначно: математические представления обогащают арсенал познавательных средств и позволяют более полно осветить столь сложный объект исследования как Земля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Академик.* Геологическая энциклопедия. Минералогический анализ. URL: http://dic.academic.ru /dic.nsf/enc_geolog/6098/АНАЛИЗ (дата обращения 11.03.2014).
2. *Бетехтин А.Г.* Курс минералогии. – М.: Государственное Издательство геологической литературы, 1951. – 542 с.
3. *Маркс К.,* Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 20. – 587 с.
4. *Миллер Р.*, Кан. Дж. Статистический анализ в геологических науках. – М., 1965. – 482 с.
5. *Пойзнер Б.Н.*, Ситникова Д.Л. Самообновление культуры и синтез научных знаний. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 184 с.
6. *Ратников В.С.* Физико-теоретическое моделирование: основания, развитие, рациональность. – Киев: Наук. думка, 1995. – 290 с.
7. *Юшкин Н.П.* Теория и методы минералогии: Избранные проблемы. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977. – 289 с.
8. *Энциклопедия* эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАКТАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ГЕОЛОГИИ

А.Е. Марфин
Научный руководитель к.ф.н. Д.Л. Ситникова
Томский государственный университет

В последние десятилетия синергетическая методология прочно укрепилась в различных науках [1]; [5]. Математический аппарат синергетики давно перестал быть прерогативой физиков и математиков. Его активно стали применять представители самых разных наук – от естественнонаучных до гуманитарных. Целью данной работы, является рассмотрение одного из инструментов синергетики – фрактального анализа.

Термин «фрактал» ввел в научную терминологию Бенуа Мандельброт в 1975 году. Давая не строгое определение данному понятию, можно сказать, что фрактал – самоподобный объект, сохраняющий свои свойства при уменьшении масштаба [2. С. 13]. Одним из показательных свойств фрактала как такового, является дробная метрическая размерность [2. С. 31-32]. Яркими представителями подобных объектов служат «кривая Коха», «салфетка Серпинского», «губка Менгера» [6]. Такие объекты не «помещаются» в 1, 2 или 3-мерное пространства, а занимают промежуточные положения между ними. Например, размерность кривой Коха – 1,26 [2. С. 62]. Это значит, что она «больше» обычной прямой, но еще и не двумерный объект.

Стоит сразу отметить, что это не является математической абстракцией, а находит свое отражение в реальном мире. Строго говоря, для реальных объектов вычислить фрактальную размерность невозможно, но кроны деревьев, кровеносная система человека, снежинки, горные системы и др. – проявляют фрактальные свойства при определенных диапазонах наблюдений. Для их выявления обычно достаточно 3-4 итераций (изменений масштаба).

Исторически сложилось так, что основой для структурного описания геологических тел служат элементы евклидовой геометрии. Традиционно применялись понятия прямой, плоскости, окружности и т.д. Но использование для описательных целей идей фрактальной геометрии лучше отражает реальную картину мира [1. С. 77]. Ярким примером их применения является задача о подсчете длины береговой линии. При итерировании, длина побережья изменяется в 1,3 раза [4]. Примером другого масштабного уровня, является морфология минеральных индивидов [1. С. 90]. На фото представлены дендриты самородной меди (см. рис. 1) или пиролюзита (см. рис. 2).

Они обнаруживают фрактальную размерность агрегатов и по данным авторов, она зависит от условий кристаллизации [1 С. 90]. Применительно к месторождениям полезных ископаемых, интересным являются случаи непрерывного распределения полезного компонента, характеризующиеся участками с разным его содержанием и разной фрактальной размерностью. Сюда можно отнести, россыпные месторождения, пневматолитово-гидротермальные, аппатит-магнетитовые в ультраосновных щелочных породах и другие [1].

Так же, Автором данной работы был предложен метод анализа диаграмм концентраций элементов, при котором вычислялась их фрактальная размерность [3].

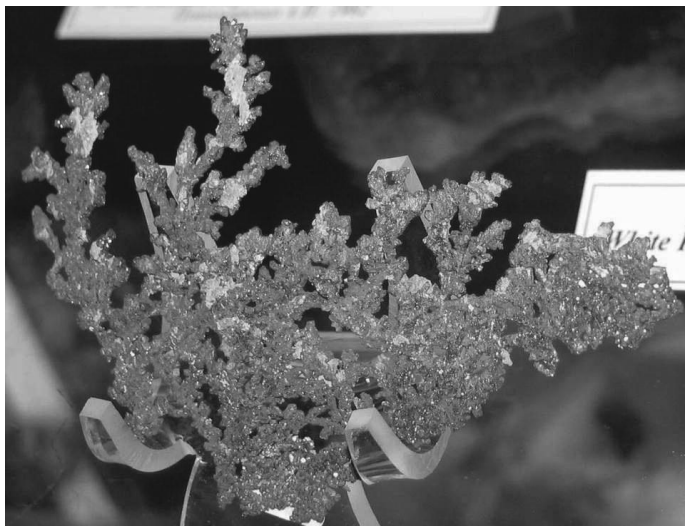

Рис. 1. Дендриды самородной меди, Албания

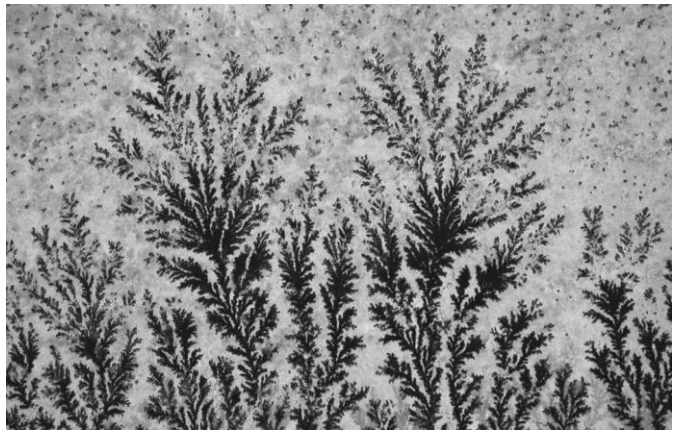

Рис. 2. Дендриты оксидов марганца в песчанике

Анализ размерности диаграмм позволяет объединять элементы в группы по сходным ее показателям. Это может являться критерием для объединения элементов в группы и выводов об их способности к концентрации или рассеиванию.

Однако данные направления исследований зачастую встречают довольно скептическое отношение большинства геологов [1. С. 11]. Это связано прежде всего с тем, что в отличие от математики или физики, где фрактальные объекты нашли свое убедительное применение, в геологии есть только объекты «похожие» на фрактальные. Можно ли использовать для их описания идеи фрактальной геометрии? Да, можно. Но вопрос в том, нужно ли.

Что, в сущности, дает данный подход в отличие от других апроксимационных моделей? Где тот класс проблем, суть которых продиктовала бы применение фракталов, а не явилась бы результатом модной тенденции? И если скепсис вызван именно этим, то стоит признать, что это оправданный скепсис. Естественно, что концепция нелинейности – всего лишь новое приближение. В реальном мире нет ни линейности, ни нелинейности. Но философия синергетики позволя-

ет взглянуть на мир с необычной точки зрения и есть надежда, что такой взгляд поможет добраться до сути вещей.

Ведь современной геологической концепции, которая должна адекватно оценивать окружающую действительность, уже невозможно игнорировать некоторые факты, как то – открытость и нелинейность развития некоторых систем, хаотический характер переходных состояний, проявление фрактальных закономерностей в природе и др. Именно последнее может явиться универсальным индикатором геологических сред [7].

Таким образом, современная геология стоит на пороге смены парадигмы, и произойти это должно в ближайшее будущее. Какой будет новая концепция покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горяинов П.М.*, Иванюк Г.Ю. Самоорганизация минеральных систем. Синергетические принципы геологических исследований. – М.: ГЕОС, 2001. – 312 с.
2. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. – М.: ИКИ, 2002. – 665 с.
3. *Марфин А.Е.* Методы фрактального анализа в геологии // Современные исследования в геологии. – СПб.: Питер, 2015. – С. 178
4. *Федер Е.* Фракталы. – М.: Мир, 1991. – 254 с.
5. *Филатов В.В.*, Светозерский О.Ю. Синергетические аспекты интерпретации геолого-геофизических данных (использование фрактальных моделей и динамических систем при геолого-геофизическом прогнозе). – М.: Геокарт-ГЕОС, 2010. 136 с.
6. *Шредер М.* Фракталы, хаос, степенные законы. Миниатюры из бесконечного рая. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 528 с.
7. *Шуталева А.В.* Синергетика и современная геологическая картина мира // Вестник Бурятского государственного университета. Серия 6, Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – Вып. 6. – С. 36-39.

ФИЛОСОФСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В МЕДИЦИНСКОЙ ОТРАСЛИ

Д.В. Шкуратов
Научный руководитель: к.ф.н. Г.М. Кафтонова
Сибирский государственный медицинский университет

Скорость научно-технического прогресса неуклонно растет. Наука добилась ни с чем несравнимых результатов в овладении силами природы, открывая перед человеком новые возможности, в частности в медицине. Научно-технический прогресс в медицине имеет двойственный характер: с одной стороны, новые медицинские технологии дают шанс отчаявшимся людям в отношении деторождения, позволяют существенно увеличить продолжительность и улучшить качество жизни, с другой – они порождают новые философские и этические проблемы.

Цель данной работы: выявить и показать основные философские проблемы научно-технического прогресса в медицинской отрасли. Для достижения вышеназванной цели были поставлены следующие задачи:

а) показать основные современные достижения медицины, требующие наибольшего внимания с позиции философии и этики;

б) раскрыть сущность основных проблем некоторых последних достижений в медицинской отрасли;

в) сделать общий вывод в отношении современных медицинских технологий в их нравственном аспекте.

Основными отраслями медицины, в которых активно происходит внедрение новых технологий и которые так же содержат наибольшее количество этических проблем, являются реаниматология, трансплантология, гинекология.

Трансплантология в принципе является достаточно спорной в этическом аспекте отраслью медицины. Изначально, зародившись в XIX веке в качестве отрасли хирургии, она занималась пересадкой различных тканей и частей тела от живых доноров. Сегодня же многие органы извлекаются посмертно, доставляя обществу множество этических и религиозных проблем, одна из которых – непозволительное с точки зрения религии отношение к покойному. Также исходя из недопустимости использования многих тел количество доноров намного меньше количества нуждающихся в пересадке пациентов. Использование новых технологий также делает лечение дорогостоящим. Всегда присутствует риск в отношении здоровья донора и реципиента. Рассматривая данные проблемы с позиции философии, выделим антропологический аспект: превращение людей в товар. Богатые в прямом смысле начинают выживать за счет бедных людей. Рассматривая данную проблему в аксиологическом аспекте, можно сказать, что человек воспринимается как механизм, в котором всегда можно заменить сломанную деталь. Кроме того данная позиция пересматривает ценность человеческого здоровья, делая его менее значимым, так как теперь организм можно обновить. Если рассматривать данные проблемы в онтологическом аспекте, то можно сказать, что у человека исказились понятия «жизнь» и «смерть» [3] . Ранее считалось, что человек с остановленным сердцем мертв, но сегодня человек с оста-

новленным сердцем считается живым, если функционирует мозг, кроме того человек может считаться мертвым при работающем сердце, если умер мозг.

В реаниматологии имеется аналогичная проблема в отношении понятий «жизнь» и «смерть», стоит подчеркнуть, что вопрос о границе живого и неживого является в медицине междисциплинарным. В данном случае особо остро стоит проблема границы врачебных возможностей. Сегодня активно изучаются посмертные изменения организма для того, чтобы ответить на сложный вопрос: «Когда следует прекращать реанимационные действия?»

Основными спорными технологиями в отношении этики в гинекологии являются аборты и экстракорпоральное оплодотворение. Наряду с положительным эффектом, наличие которого оспаривать абсолютно нецелесообразно, новые технологии в гинекологии породили целый ряд философских, этических и культурологических проблем. ЭКО и аборты уже долгое время являются предметом дискуссий биоэтиков и философов во всем мире. Во-первых, отсутствует единое обозначение подхода к данным процедурам религиозных конфессий мирового уровня и некоторых крупных национальных. Иудаизм допускает зачатие «в пробирке», «если сперма и яйцеклетка взяты от еврейской супружеской пары», но также иудаизм высказывает следующую позицию: «Искусственное осеменение анонимным донором может привести к непреднамеренному инцесту». Буддизм не высказывается категорично против искусственного оплодотворения, но выдвигает ряд условий: согласие обоих супругов, отсутствие вознаграждения донору, так как донор должен руководствоваться только желанием помочь людям, соблюдение анонимности донора. Но даже при таком либеральном отношении буддизм высказывает свое предпочтение в пользу воспитания приемного ребенка [1] . Позиция ислама тоже является довольно либеральной, обязательными условиями являются лишь использование гамет исключительно мужа и жены, а также яйцеклетка должна быть пересажена только той женщине, которой она принадлежит. Говоря о гинекологии, следует сказать и о суррогатном материнстве, которое отвергается большинством религий. Также суррогатное материнство имеет специфичную проблему в ряде случаев – проблема самоидентификации, возникающая в случаях, когда суррогатной матерью становится мать донора яйцеклетки. Случаи, когда ребенок имеет мать и бабушку в одном лице, уже зафиксированы и могут стать нормальной практикой[2]. Еще один кризис идентичности возможен вследствие рождения детей от мертвых доноров гамет. Косвенно новые технологии в оплодотворении влияют на социальные основы институтов семьи и брака: традиционная полигамная семья постепенно теряет свои позиции как образец.

Таким образом, современные продукты НТП в медицинской отрасли являются, безусловно, полезными, но содержат в себе ряд философских, этических и культурологических проблем, требующих решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Теоретические* основы биомедицинской этики. Основные этические теории-принципы и правила биомедицинской этики. – URL: http://studopedia.ru/2_21575_tema--teoreticheskie-osnovi-biomeditsinskoy-etiki-osnovnie-eticheskie-teorii-printsipi-i-pravila-biomeditsinskoy-etiki.html (дата обращения 26.02.2015)

2. *Философские* проблемы вспомогательных репродуктивных технологий –. URL: http://sibac.info/13560(дата обращения 26.02.2015)
3. *Шунькина А.В.* Проблемы трансплантологии с позиции философии // Философия: материалы межрегиональной студенческой конференции «Молодые ученые – здравоохранению». – Саратов, 2013. – С. 401.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

ФИЛОСОФИЯ СУФИЗМА

Н.А. Бахромова
Научный руководитель: д.и.н. И.В. Максимова
Томский государственный университет

Во все исторические периоды существовало представление о высшей форме знания, доступного только посвященным, которое достигается только через прохождение различных физических и духовных практик, способствующих нравственному совершенствованию. В религиозно-философской мысли ислама эта тенденция представлена суфизмом, сочетающим в себе идеи мистического озарения, философскую глубину и ярко выраженный оттенок неортодоксальной религиозности. Поэтому «суфизм исследуют как важнейший элемент мусульманской религии, как духовную составляющую исламской культуры, <…>, как мистико-аскетическое движение, <…> как особый стиль поведения и самовыражения» [2. С. 13] прежде всего творческих личностей.

Будучи первоначально религиозно-философским учением о правилах поведения и послушания путника, суфизм на протяжении свой истории стал неотъемлемой и важнейшей частью ислама, оказал мощнейшее влияние на различные сферы исламской культуры. Суфизм как мусульманское движение, несмотря на различные влияния, которым он подвергается в ходе своего развития, изначально опирается на кораническую тенденцию благочестия и пытается развивать духовные ценности коранических догматов [1. С. 103]. Данное направление признает равноправие всех религий на пути исканий Бога, что, с одной стороны, разрушает стереотипное представление об ортодоксальности ислама, а с другой – позволяет находить точки соприкосновения между различными культурными традициями. Все это делает исследование суфизма чрезвычайно актуальным. Исторический и философский анализ этапов его становления и развития является единственным средством получить представление об отношение суфизма к тому, что некорректно называют «официальным исламом».

Суфизм возник в VIII-IX веках. Происхождение этого термина происходит от арабского корня «суф» – «шерсть», так как суфиями первоначально называли тех мусульманских мистиков, которые носили одежду из грубой шерсти, как символ самоотречения и покаяния [2. С. 186]. Суфизм как исламское мистико-аскетическое направление на стыке суннизма и шиизма в свою очередь делится на массу сект и братств. Это говорит об определенном кризисе самих основ вероучения ислама, которые не отвечали духовным потребностям и социальным идеалам кругов халифата.

Главнейшая цель суфийского учения – это помочь суфию в его восхождении к Истине, и путеводная звезда в этом движении для всех едина – это Любовь. Значение любви в суфийском мировоззрение так огромно, что великий шейх Ибн-Араби и его последователи называли суфийское мировоззрение «религией Любви» [3. С. 6].

Центральная тема философии жизни суфия – свобода души: «Суфизм – сердце, чистое от загрязнения разладом» [5. С. 21]. Джунайда сформулировал определение суфизма так: «Суфизм – это свобода, великодушие и отсутствие насилия над собой» [4. С. 21].

Суфизм часто выражает себя через искусство, прежде всего поэзию и танец. Многие выдающиеся мусульманские поэты были одновременно суфиями (Д. Руми, Хафиз, Саади, Джами, Газали и др.).

Один из типичных представителей суфийского течения был Абу Хамид Мухаммад ибн ал-Газали (в русской традиции – Аль Газали) – теолог, законовед, суфий, философ, один из самых известных мыслителей мусульманского средневековья, живший в VI веке. Начиная как богослов, он разочаровался в теологии как в пути к истине и стал приверженцем суфизма, в котором он видел наилучший путь к спасению, тропу, позволяющую краем глаза увидеть мир, в который вписан закон Бога. Он считал, что человек должен преобразовать себя с помощью религии, чтобы по возможности уподобиться Богу. Хотя суфизм часто воспринимают как личное стремление к особым отношениям с Богом, ал-Газали считает, что если суфий хочет преуспеть в своем стремлении к спасению, он должен следовать традиционным правилам исламской жизни. Также ал-Газали полагал, что существуют два пути к Богу: один – личная дорога, по которой идет суфий, освоивший мистическую тропу; другой путь доступен обычному верующему.

Суфизм ставил содержание (любовь к Богу) выше формы (проведение обрядов), создал культ святых мистиков, которые считали таковыми благодаря возможности достигать экстаза и чудотворным способностям.

Анализ суфизма имеет не только историко-философское, но политическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корбен Л.* История исламской философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 360 с.
2. *Насыров И.Р.* Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). – М.: Языки славянских культур, 2009. – 552 с.
3. *Сурдель Д.* Ислам. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 157 с.
4. *Суфии:* Собрание притч и афоризмов. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 640 с.
5. *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма. – М.: Алетейа, Энигма, 2000. – 416 с.

ЗАРУБЕЖНАЯ СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИКА. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

О.И. Милованова
Научный руководитель: д.ф.н. Е.А. Найман
Томский государственный университет

Интенсивная исследовательская деятельность за последние годы сосредоточена на проблемах функционирования языка в разных областях общественной жизни. Особый интерес проявляется в изучении взаимодействия языка и права, «соотношению лингвистической и правоведческой составляющей в решении реальных проблем развития законодательства и отправления правосудия» [3.С.250]. К успешно развивающейся науке во многих странах мира относится судебная лингвистика (forensic linguistics), которая изучает комплекс языковых явлений и тесно взаимосвязана со смежными лингвистическими дисциплинами, такими как, социолингвистика, психолингвистика, юриспруденция и др. Целью данной работы является изучение ключевых вопросов правовой лингвистики, опираясь на достижения западных исследователей.

А.С. Александров, анализируя роль судебной лингвистики, обозначает различные задачи, стоящие перед учеными в рамках судопроизводства: исследование стратегий и тактик судебного следствия, разработка теоретических основ постановки вопросов, применяемых в судебном допросе, изучение техник ведения процессуальных действий, таких как перекрестный допрос и др. [1].

Активное развитие западной правовой лингвистики началось с организации работы международных сообществ и печатных изданий в этой области. Так, в 1991 г. была создана «Международная Ассоциация Судебной Фонетики» (International Association for Forensic Phonetics), в 1992 г. была основана «Международная Ассоциация Судебных Лингвистов» (International Association of Forensic Linguists). С 1994 г. в Лондоне выпускается печатное издание - журнал «Правовая лингвистика», международное научное издание в области исследования речи, языка и права (The International Journal of Speech, Language and law).

Исследование проблематики языка и права находит свое выражение в работах известных ученых, таких как Р. Шу, П. Тиерсма, Л. Солан, Д. Котерил, Д. Идс, Д. Гиббонс и др. Представители данного направления выступают в качестве экспертов, третейских судей в сложных судебных спорах, понимая необходимость использования лингвистического комплекса знаний в правовом пространстве. Как отмечает американский ученый Р. Шу, «эксперт-лингвист должен владеть специфичными умениями и профессиональными навыками в контексте судебного процесса в области фонетики, морфологии, синтаксиса, диалектологии, лингвистической прагматики и др.» [10.С.5-6].

В научной литературе западных стран используются разные терминологические сочетания: forensic linguistics (судебная лингвистика), legal linguistics (правовая лингвистика), jurilinguistics (юрислингвистика). Интерпретация терминов порой может не совпадать, поскольку специалисты представляют взгляды разных научных школ и направлений. В связи с этим, можно утверждать, что правовая лингвистика находится в стадии динамичного развития, актуальными вопросами которой являются судебный дискурс и лингвистическая экспертиза.

Судебный дискурс или судебная коммуникация считается особым объектом изучения зарубежных лингвистов (М. Култхард, У.О'Барр, Д.Конли, Д. Стайгол, Б. Думас, Д. Идс, С. Берк-Селигсон). Данная научная сфера рассматривается как вид «статусно-ориентированного общения», содержание и структура которого определяется процессуальными принципами состязательности в сочетании с эмоциональной напряженностью и использованием элементов обыденной разговорной и профессиональной юридической речи [5]. Речевая коммуникация в суде является конфликтной, так как обращение в судебную инстанцию уже подразумевает спор между сторонами или правонарушение.

При изучении судебной коммуникации следует учитывать речевые стратегии поведения участников в спорной ситуации. У многих исследователей, занимающихся прагматическими аспектами языка, вызывает интерес проблема дискурсивного взаимодействия в ходе судебного заседания, поскольку, во-первых, участникам требуется применять различные стратегии поведения, с помощью которых проявляются характерные черты речевой интеракции, во-вторых, в итоге такая модель речевой коммуникации в значительной степени влияет на характер судебных решений. Кроме того, в сферу внимания теоретиков попадают « стилевые и логические средства создания дискурса, с учетом рассмотрения таких факторов как, национально-культурный фон, статусные характеристики и интенции участников коммуникации, их индивидуальные особенности, например, психологическое и эмоциональное состояние, языковые способности и т.д.» [4.С.12].

Изучением проблемы судебной коммуникации занимается известный социолингвист Д. Идс, научные интересы которой сосредоточены на исследовании специфики речевого поведения Aboriginal Speakers в рамках Австралийской правовой системы. В своей работе автор уделяет внимание грамматическим и стилистическим различиям между Aboriginal English и Standard English [6]. В статье Д.Идс «Telling and retelling your story in Court» [7] проводится исследование свидетельских показаний на предмет межтекстовых связей в разных речевых ситуациях, анализ форм вопросов адвокатов и представителей полиции на досудебном этапе обнаружения доказательств и во время перекрестного допроса в зале суда. Считается, что при постановке вопроса юрист оказывает коммуникативное воздействие как на допрашиваемого, так и на состав суда в целом. Следует подчеркнуть, что определенные стратегии и тактики адвокатов в ходе проведения допроса, например, лингво-психологическое принуждение или собственное толкование фактов посредством показаний свидетелей, экспертов и других сведущих лиц, составляют главную часть состязательной процедуры. Таким образом, использование различных приемов речевого воздействия, умение связать факты в смысловую и логическую последовательность являются показателем успешности состязательного судебного спора.

Другим ключевым направлением в английской и американской юрислингвистике выступает лингвистическая экспертиза – исследование, проводимое лингвистом по постановлению суда. К основным видам экспертиз спорных судебных ситуаций относят: экспертиза по делам о защите чести и достоинства, деловой репутации личности; идентификация личности; экспертиза конфликтов межъязыкового перевода; лингвистическая интерпретация правовых текстов и спорных документов. Лингвистический анализ текстов позволяет оценить удачность

их построения, а также учитывать такой фактор как понятность. Текст экспертизы должен быть «упрощенным и модифицированным для того, чтобы он мог быть потенциально понят теми, кто не имеет специального лингвистического образования» [2.С.553].

Идея развития доступности и гибкости (flexibility) языка юрисдикции находит свое отражение в работах Д. Гиббонса [8]. Ученый подчеркивает, что текст законодательного органа должен быть ориентирован на среднестатистического гражданина, написан максимально ясным и понятным языком в соответствии с определенной лингвокультурой и правовыми традициями. Вследствие этого, он поддерживает концепцию совершенствия лингвистических стандартов в сфере языка законодательства.

На сегодняшний день издается большое количество тематических сборников, индивидуальных и коллективных публикаций, посвященных проблемам юрислингвистики. Так, в 2002 г. появился сборник «Язык судопроизводства» (Language in the Legal Process) под ред. Д. Котерил [9]. В это издание вошли научные труды ведущих западных авторов об актуальном состоянии и перспективах развития американской и английской судебной лингвистики. В первой части представлены статьи по практическим вопросам лингвистической экспертизы. Исследователь Р. Шу в своей работе анализирует особенности речевых актов и приводит доводы о несостоятельности протокола допроса на основе монолога обвиняемого. Г. Стайгол и П. Тиерсма исследуют юридические документы и дают экспертный лингвистический анализ, акцентируя внимание на ясности (comprehensibility) и удобочитаемости (readability) правовых текстов, предъявляемые лицам без специальных лингвистических и юридических знаний (lay readers).

Во вторую часть сборника включены статьи, освещающие проблемы коммуникации на стадии дознания в полиции. С. Рассел и А. Джонсон обращаются к теме допроса (police interview) для того, чтобы доказать, как определенные стратегии, используемые при допросе в полиции, могут повлиять на доказательства, полученные от свидетелей и подозреваемых. Данную тему продолжает исследовать С. Берк-Селигсон, анализируя одно из уголовных дел, в котором фигурирует полицейский, назначенный подозреваемому в качестве юридического переводчика. Автор показывает, что языковая тактика переводчика может привести к принуждению (coercion) подозреваемого дать признательные показания.

Третья часть книги посвящена проблемам судебного дискурса. Д. Котерил рассматривает свидетельские показания по делу Симпсона, обращая внимание на разные речевые ситуации. Д. Идс также проводит анализ свидетельских показаний, указывая на то, как лингвистические стратегии, применяемые юристами в перекрестном допросе (cross-examination) могут исказить показания свидетелей.

В заключительной главе рассматриваются проблемы понимания инструкций судьи присяжными. Б. Думас приводит анализ лингвистической экспертизы текста инструкций для жюри присяжных (jury instructions), в связи с тем, что присяжные вынесли вердикт о виновности, не понимая основных юридических терминов.

Таким образом, можно констатировать, что современная зарубежная юрислингвистика динамично развивается и ориентирована на дальнейшее изучение следующих проблем: судебная коммуникация, анализ юридических текстов, яс-

ность и понятность правовых документов, применение лингвистических экспертиз. Судебная лингвистика приобрела статус перспективной научной отрасли и воспринимается как фактор по укреплению сотрудничества правоведения и лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров А.С.* Введение в судебную лингвистику. – Н. Новгород: Нижегородская Правовая Академия, 2003. – 420 с.
2. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. Учебное пособие. – М.: Изд-во Флинта, 2007. – 592с.
3. *Власенко С.В.* Правовая лингвистика в США: научное наследие Питера М. Тиерсмы. Политическая лингвистика 3 (53), 2015. – С.250-254.
4. *Дубровская Т.В.* Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф.дис. …д-ра филол.наук. – Саратов, 2010. – 39 с.
5. *Усманова Е.*Ф. Классификация речевой коммуникации в юридической практике – // Гуманитарные научные исследования, 2015. – №1. URL: http//humansnauka.ru/ 2015//01/9416 (дата обращения: 28.01.2016).
6. *Eades* D. Understanding Aboriginal English in the legal system: A critical sociolinguistics approach. Applied Linguistics. – 2004. 25(4) – P. 491-512.
7. *Eades D.* Telling and retelling your story in Court: Questions, Assumptions and Intercultural Implications. Current Issues in Criminal Justice. – 2008. 20/2 – P.209-230.
8. *Gibbons J.* Forensic Linguistics. An Introduction to Language in the Justice System. – Oxford: Blackwell, 2005. – 337 p.
9. *Cotterill J.* Language in the Legal Process. – UK: Palgrave Macmillan, 2002. – 276 p.
10.*Shuy R.W.* Linguistics in the Courtroom. A Practical Guide. Oxford University Press, 2006. – 162 p.

ДВА ПОДХОДА К АНАЛИЗУ СОДЕРЖАНИЯ УБЕЖДЕНИЙ

А.Ю. Моисеева
Научный руководитель: д.ф.н. Д.В. Винник
Институт Философии и Права СО РАН

Убеждения составляют значительную часть содержания сознания, от них зависят особенности восприятия, памяти, вербального мышления, воображения и, опосредованно, поведения человека. Поэтому анализ убеждений – одна из приоритетных задач философии сознания. С логической точки зрения, убеждение является отношением между субъектом и лингвистическим объектом, который можно интерпретировать двояко: как суждение в абстрактной форме (пропозицию) или как предложение некоторого языка мысли.

Основы *пропозиционального* подхода к семантике убеждений заложены в работах Г. Фреге и Б. Рассела. Этот подход предполагает, что понимать предложение языка значит знать критерии его истинности, поэтому критерии истинности определяют, в конечном счете, содержание убеждений. Пропозиция – это и есть критерии истинности в контекстно-независимой форме. Например, предложение «Здесь идет дождь» означает пропозицию, истинную если и только если в определенной точке пространства в определенное время идет дождь.

Таким образом, убеждение должно задаваться в форме отношения

(1) $B\,(a, p)$,

где a – субъект, p – пропозиция.

Наиболее последовательное выражение этот подход получил у Я. Хинтикки. В эпистемической логике Хинтикки пропозициональное отношение интерпретируется как множество возможных миров, принимаемых во внимание субъектом при выборе действия. Так, быть убежденным, что p, значит принимать во внимание те миры, где p истинно. Такую интерпретацию иногда называют формальной семантикой. Она принимается также в логике вопросов и теории принятия решений. В функционалистских теориях сознания, основанных на этой интерпретации (например, в теории Р. Сталнакера), множество возможных миров в конечном счете задается через указание функциональной роли данного внутреннего состояния, то есть через указание соответствующей ему функции вида F (*Input, Output*), где *Input* – сенсорные данные, *Output* – поведение.

Я. Хинтикка постулирует следующие свойства отношения убеждения:

(а) субъект должен быть убежден в истинности всех следствий принимаемых им допущений;

(б) невозможно одновременно быть убежденным в истинности какого-нибудь высказывания и его отрицания;

(в) если некто убежден в пропозиции p, то он также убежден в том, что он убежден в ней;

(г) если некто *не* убежден в пропозиции p, то он также убежден в том, что он *не* убежден в ней.

Преимущества принятия всех четырех постулатов – простота моделирования системы убеждений человека и процесса познания, а также применимость к полученным моделям принципов классической логики, в первую очередь, принципа подстановочности тождественного. Но ясно, что данные преимущества обусловлены идеализированным пониманием рациональности, которое делает эпи-

стемическую логику практически непригодной для анализа убеждений, присущих людям, по их собственным представлениям. Причины этой объяснительной слабости данной версии пропозиционального подхода рассматриваются, например, Г. Харманом, утверждающим, что в жизни согласованность системы убеждений часто приносится в жертву прагматическим соображениям. Приобретая свои убеждения «в реальном времени» в процессе решения различных жизненных задач, мы, как правило, не имеем ни достаточных мыслительных ресурсов, ни достаточных причин для того, чтобы выводить *все* следствия этих убеждений. К тому же иногда процесс вывода следствий предполагает такие операции, для которых требуется вычислительное устройство с иной структурой или иной мощностью, чем мозг обычного человека. Если бы это было не так, тогда, например, всякий, кто усвоил школьный курс математики, был бы убежден в истинности всех математических теорем, которые когда-либо были и будут доказаны. Более того, вполне рациональные люди эпизодически ловят себя на том, что они уже некоторое время убеждены в двух противоречащих друг другу вещах. Поэтому, как полагает Г. Харман, адекватная теория убеждений должна строиться на понятии рациональности индуктивного типа и учитывать прагматический аспект.

Я. Хинтикка и сам признает, что его теория является скорее теорией информированности, чем теорией убеждения. Если приобретение знания (особенно научного знания в силу его подчеркнуто «безличного» характера) еще можно отождествить с простым получением новой информации, то формирование убеждения – принципиально иной процесс, исход которого, как правило, в значительной степени зависит именно от личных качеств субъекта, а также от других его убеждений, желаний и т.д. Можно сказать, что формальная семантика убеждений предназначена в первую очередь для анализа таких систем убеждений, которые эксплицитно или имплицитно включают в себя постулаты самой формальной семантики. Если субъект полагает, что обладать некоторым убеждением можно только при условии понимания предложения, которым это убеждение выражается, и что понимать предложение значит знать критерии его истинности, то его убеждения, скорее всего, действительно будут выражаться предложениями, критерии истинности которых будут ему известны. Но что если субъект *не* полагает так?

Существуют другие версии пропозиционального подхода, в которых не принимаются один или несколько из приведенных выше постулатов. Многие из них допускают дедуктивно незамкнутые, даже противоречивые системы убеждений. Так, Б. Лоар полагает, что логически эквивалентные убеждения могут быть функционально различны из-за различия их концептуальной роли. Концептуально-ролевая семантика – это теория значения, учитывающая более «тонкие» (fine) различия между предложениями, чем пропозициональные различия. С точки зрения данной теории, понимать предложение для субъекта означает знать, во-первых, из каких предложений и каких сенсорных данных оно может следовать, во-вторых, какие предложения и какое поведение может следовать из него. Иначе говоря, значение предложения (а также и отдельного понятия) – это его роль в процессе вывода, отсюда и название теории. Различие концептуальной роли предложений при их логической эквивалентности может быть обусловлено разными критериями верификации входящих в него терминов (крите-

риями, определяющимися параметром *Input*) и разными внутри-контекстными зависимостями (обусловленными, в частности, прагматическими факторами). Тогда убеждения, выражающиеся этими предложениями, согласно Б. Лоару, следует считать разными. Таким образом, применение концептуально-ролевой семантики не отменяет, но релятивизирует принцип подстановочности тождественного, что составляет ее решающее, с нашей точки зрения, преимущество перед формальной семантикой.

В еще большей степени, чем в пропозициональном подходе, концептуально-ролевая семантика используется в подходе, где содержанием убеждения считается предложение языка мысли. Этот подход называется *сентенциализмом*. Он неоднороден: в одних теориях язык мысли понимается как универсальный мыслительный код, с которого человек переводит предложения на естественный язык и обратно; в других считается, что мышление происходит обычно на том же языке, что и коммуникация, точнее, на индивидуальной версии естественного языка – идиолекте. В теориях первого типа значением предложения естественного языка считается мысль, которую оно выражает; но, как замечает Г. Харман, это оставляет нерешенным вопрос о значении или содержании самой мысли, то есть предложения мыслительного кода, каким бы он ни был. С такой точки зрения, пропозициональный подход является более последовательным, поскольку с помощью понятия критериев истинности он явно устанавливает взаимосвязь между убеждением и внелингвистическими реалиями.

Теорию второго типа развивает Х. Филд, который основывает свои взгляды на дефляцинистской теории истинности. Согласно этому автору, значение предложения языка мысли определяется не критериями истинности, а критериями его верификации конкретным субъектом. Иначе говоря, не существует никакого универсального значения языковых единиц, хотя можно так или иначе задать правила перевода из одного идиолекта в другой. Что касается истинности, то она, в соответствии с дефляционизмом, является избыточным понятием, которое выполняет по большей части инструментальную роль.

В сентенциализме убеждение представляется в виде

(2) B^* (a, s),

где a – субъект, s – предложение языка мысли a.

Семантика предложения языка мысли анализируется с точки зрения концептуальной роли. При этом для более «грубого» (coarse) анализа убеждения можно сконструировать теоретический аналог понятия «пропозиция», но, как подчеркивает Х. Филд, следует понимать его локально, то есть применять только к данному идиолекту. Тогда, если ввести дополнительное отношение обозначения

(3) M (a, s, q),

где q – пропозиция*, которую предложение s означает для субъекта a, то из сопоставления отношений (1) и (2) можно получить

(4) B (a, q),

которое и будет пропозициональным* содержанием убеждения субъекта a, выраженного предложением s.

Следует помнить, что, с точки зрения сентенциализма, при описании убеждения форма (2) является первичной и предпочтительной по отношению к форме (4), которая может легко ввести в заблуждение исследователя, поскольку наводит на мысль, что пропозиции* являются универсальными для всех субъектов.

Фактически, постулирование пропозиций* излишне, если не используется понятие критериев истинности. Его вполне можно избежать с помощью явного задания правил перевода.

Главная проблема сентенциальных теорий типа теории Х. Филда – неопределенность понятия верификации. Предполагается, что верификация производится согласно некоторым правилам, но установить, каковы эти правила в точности, невозможно. Вопрос сводится к тому, готов ли конкретный субъект признать предложение верифицированным в конкретном контексте. Такая готовность зависит не в последнюю очередь от прагматического значения, которое это предложение имеет для него «здесь и сейчас». Следует ожидать, что в одних контекстах решающее значение будут иметь одни способы верификации, а в других – другие. Например, принятие за истину предложения «Молитва за здоровье больного обеспечивает его более скорое выздоровление» для верующего и для врача имело бы совершенно разные основания. При этом, поскольку речь не идет о критериях истинности, нельзя говорить о том, что это предложение *вообще* ложно, а только о том, что оно ложно, как его понимает данный субъект. Сказанное означает, что любой закон, в том числе и психологический, может быть лишь вероятностным и контекстно-зависимым. Конечно, это противоречит общему стремлению научных теорий к точности и объективности. Однако остроту проблемы можно снизить с помощью следующего соображения: «Возможность чрезмерного релятивизма, которая присутствует в принятии диспозиций субъекта в качестве главного фактора, определяющего значения языковых выражений, исчезает в том случае, когда мы накладываем внутреннее ограничение на вербальную практику индивида, заключающееся в том, что одна из основных целей индивида в процессе коммуникации – быть понятым» [1]. А коль скоро мышление происходит в основном на том же языке, что и коммуникация, данное ограничение накладывается не только на речевую, но и на мыслительную практику. К этому можно добавить, что мы склонны думать о своих убеждениях как об основании для рационального выбора действий, причем неудовлетворительные результаты действий мы склонны объяснять тем, что в момент выбора придерживались каких-то убеждений, которых придерживаться не стоило; и наоборот, успешная деятельность, как правило, интерпретируется как свидетельство того, что наша система убеждений достаточно «хороша». А значит, использование субъектом тех или иных языковых единиц в процессе мышления ограничивается не только условием успешной коммуникации, но и условием успешной внелингвистической деятельности. Таким образом, достижение объяснительной согласованности в широком интер-субъективном контексте остается возможным. В целом же, думается, для теории языка мысли некоторый субъективизм не вреден, а возможно, даже полезен.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ламберов Л.Д.,* Тарасов И.П. В защиту дефляционной конвенции Т («кантианские темы» в современной эпистемологии) // Вестник Томского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 4. – С. 50-61.

2. *Field H.* Truth and the Absence of Fact. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – 401 p.

3. *Harman G.* Reasoning, Meaning, and Mind. – Oxford: Clarendon Press, 1999. – 291 p.
4. *Hintikka J.* Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1962. – 179 p.
5. *Loar B.* Must Beliefs Be Sentences? // Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. – 1982. – №2. – P. 627-643.
6. *Loewer B.* On Field's Truth and the Absence of Fact: Comment. // Philosophical Studies. – 2005. – № 124. – P. 59-70.
7. *Stalnaker R.* On Logics of Knowledge and Belief. // Philosophical Studies. – 2006. – № 128. – P. 169-199.

МОЖЕТ ЛИ РАССЕЛ ИЗБЕЖАТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРЕГЕВСКОГО ПОНЯТИЯ СМЫСЛА?

П. С. Спрукуль
Научный руководитель: д. ф. н. Е. В. Борисов
Томский государственный университет

Я хотела бы рассмотреть проблему, которую ставят Д. Д. Карни и Д. В. Фитч в своей статье «Can Russell Avoid Frege's Sense?» [3], а также предлагаемый ими способ ее решения.

В своей статье «О смысле и значении» Готтлоб Фреге формулирует знаменитую проблему, о которой впоследствии говорили многие аналитики. Она получила название «Загадка тождества» [The puzzle over identity] и может быть представлена следующим образом. Предположим, что a и b – имена одного и того же предмета. Рассмотрим предложения «a=a» и «a=b». Первое – неинформативно; оно является тавтологией и не утверждает ничего, кроме закона тождества. Второе – информативно; оно несет в себе новую информацию. Вопрос: чем обусловлена информативность второго предложения, если оно, как и первое, утверждает тождество предмета себе самому? Фреге говорит о том, что информативная наполненность выражения a=b дает нам новый способ интерпретации предмета, его понимание, и в результате мы можем говорить, что предмет a может быть понят в качестве b [См. 1. С. 230-231]. Это происходит благодаря специфическому элементу между именем предмета и его значением, который Фреге вводит в свою систему – смыслу. Он представляет собой некое описание, которое задает предмету определенные свойства. Например, можно сказать, что смысл имени «Санкт-Петербург» выражается дескрипцией «город на Неве, который находится в России и был основан Петром I». Таким образом, имя представляет собой «свернутую» [truncated] дескрипцию, которая имеет значение – определенный предмет и смысл – набор свойств, характеризующих данный предмет.

Бертран Рассел не принимал фрегеанской семантики. Различие точек зрения данных философов заключается в различной трактовке понятия определенных дескрипций. Согласно Фреге, определенные дескрипции – это имена, которые обозначают определенные, индивидуальные объекты. Такие имена имеют и смысл, и значение, и являются осмысленными сами по себе, вне контекста. Согласно же теории Рассела, определенные дескрипции являются неполными символами, которые сами по себе не имеют никакого значения, а приобретают его только в контексте.

Одним из центральных утверждений теории дескрипций Рассела является то, что фраза может способствовать осмысленности предложения, не имея смысла сама по себе, вне контекста. У Рассела можно найти следующее доказательство этого, где «Автор Уэверли» – определенная дескрипция:

(1) Если высказывание «Автор Уэверли» обозначает что-либо другое, нежели «Скотт», то высказывание «Скотт – это автор Уэверли» будет ложным, а это не так.

(2) Если высказывание «Автор Уэверли» обозначает «Скотта», то высказывание «Скотт – это автор Уэверли» будет тавтологией, а это не так.

(3) Таким образом, «Автор Уэверли» не обозначает ни «Скотта», ни что-либо еще, следовательно, высказывание «Автор Уэверли» не обозначает ничего.

Этим он намеревался доказать, что дескрипции являются неполными символами.

Рассел предпринял попытку разрешить загадку тождества Фреге, не используя его понятие смысла. Для этого он предположил, что обычные имена [ordinary names] являются подлинными именами [genuine names], т.е. они прямо отсылают к какому-либо объекту и не являются свернутыми дескрипциями. Подлинные имена – это выражения с референцией «вот это», они не требуют дескриптивного описания. В свою очередь, обычные имена как раз таки представляют собой свернутые дескрипции.

Необходимо заметить, что определенные дескрипции не являются подлинными именами. В своем труде «Мои философские открытия» [4] Рассел приводит два аргумента в пользу того, что выражение «Автор Уэверли» не является подлинным именем. Во-первых, согласно теории Рассела, существование чего-либо можно утверждать только с использованием дескрипции, т.к. в ней содержатся квантор существования и переменная. Поэтому мы не можем говорить, что Скотт существует, т.к. это было бы плохой грамматикой. Во-вторых, если «Скотт» и «Автор Уэверли» – подлинные имена, то в интенсиональном контексте мы не можем заменить одно на другое по принципу salva veritate, т.е. с сохранением истинности, т.к. в интенсиональном контексте не действует данный принцип взаимозаменимости.

Определенные дескрипции не являются подлинными именами, но, тем не менее, вполне естественно трактовать их подобно именам собственным. Если имена в загадке тождества Фреге являются свернутыми дескрипциями, то их можно использовать как способ, которым обозначенный объект представляется кому-либо, и, кроме того, мы можем производить референцию к данному объекту. Таким образом, если имена являются свернутыми дескрипциями, то мы говорим как раз о том, что можно назвать смыслом имени.

Прежде чем идти дальше, следует сказать о понятии пропозиции. Пропозиция есть отражение возможного или действительного факта, она есть информация о каком-либо факте.

Согласно точке зрения Рассела, если предмет имеет два имени, то мы получаем одно и то же утверждение, вне зависимости от того, какое из имен выбираем. Тогда, если «с» – это имя, то Рассел утверждает, что пропозиция «Скотт есть с» либо истинна, либо является тавтологией, в случае, если «Скотт» – это подлинное имя, а не свернутая дескрипция. Причина этого в том, что утверждение формы «Скотт есть с» идентично утверждению формы «Скотт есть Скотт». Тот способ, который использует Рассел, можно обозначить как чистую тавтологию. То, что он хочет выразить таким образом – это то, что утверждение формы «Скотт есть с» есть ничто иное, как соответствие предмета самому себе. Этот принцип может быть сформулирован следующим образом: Если «a» и «b» являются подлинными именами одного и того же объекта, то выражение «a есть a» выражает ту же самую пропозицию, что и «a есть b». Рассел считал данный принцип неопровержимым.

Рассмотрим знаменитый случай с Вечерней Звездой, Утренней Звездой и планетой Венерой. Предположим, что у нас есть вполне адекватные основания для того чтобы говорить о том, что некий S не верит в то, что Вечерняя Звезда это Утренняя Звезда. Если принцип Рассела является удовлетворительным, то

кто-либо может не верить в то, что Венера это Венера точно так же, как может не верить и в то, что Вечерняя Звезда это Утренняя Звезда, при условии, что «Вечерняя Звезда», «Утренняя Звезда» и «Венера» являются подлинными именами. Но S искренне сообщает, что он не верит в то, что Вечерняя Звезда – это Утренняя Звезда. Согласно точке зрения Рассела, либо у него должна быть возможность ошибиться в своих убеждениях, либо «Вечерняя Звезда» и «Утренняя Звезда» являются свернутыми дескрипциями. Но если они являются свернутыми дескрипциями и присутствуют «в разуме» того, кто их именует, то S не может ошибаться насчет своих убеждений. Но если, в свою очередь, они являются подлинными именами, то S попросту ошибается, он не знает что выражает пропозиция «Вечерняя Звезда это Утренняя Звезда». Именно ошибочное убеждение S в том, что «Вечерняя Звезда» и «Утренняя Звезда» – имена разных объектов, позволяет ему говорить о своем неверии в то, что Вечерняя Звезда это Утренняя Звезда.

Из этого всего следует, что обычные имена должны быть свернутыми дескрипциями, и дескрипции, ассоциируемые с именами, являются их смыслами. Вопрос о том, имеет ли Фреге достаточное основание для постулирования смысла, сводится к вопросу о том, являются ли имена свернутыми дескрипциями или нет. Может ли Рассел предположить, что обычные имена не являются свернутыми дескрипциями? Видимо, нет. Для Рассела такое допущение может привести к противоречию с его базовым эмпиристским принципом, который говорит о том, что каждая пропозиция, которую мы способны понять, должна полностью состоять из конституент, с которыми мы знакомы, т.е. из наших чувственных данных, универсалий или же из нашего знания о самих себе. Таким образом, имена в предложениях должны не только непосредственно отсылать к чему-либо, но и именовать что-то, с чем знаком говорящий. Поэтому, пропозиция, выраженная как «а не существует» будет служить примером противоречия, если «а» – подлинное имя. И употребление слова «существовать» будет, по Расселу, случаем плохой грамматики. В случае если «а» – обычное имя, не должно возникнуть никаких трудностей с «существовать» и «не существовать». Рассел понимал это и сформулировал свой эпистемологический принцип, который гласит, что обычные имена должны быть свернутыми дескрипциями. Из этого принципа следует, например, действительно ли предложение «Достоевский есть С» выражает сингулярную пропозицию и зависит от того, кто ее использует. Если сам Достоевский использует данное выражение, то оно будет выражать сингулярную пропозицию, т.к. у Достоевского есть соответствующая форма знакомства с референтом, т.е. с самим собой. Для остальных из нас употребление данного выражения не может выражать сингулярную пропозицию, т.к. нам не хватает соответствующей формы знакомства с а (в нашем случае с Достоевским), и, таким образом, «а» должно быть свернутой дескрипцией. Так как мы можем быть знакомы только с чувственными данными, универсалиями и самими собой, то обычные имена, когда мы используем их, должны быть свернутыми дескрипциями и не могут являться подлинными.

На основе всего сказанного можно сделать вывод, что теория значения Рассела может избежать использования фрегевского смысла, если предположить, что обычные имена являются подлинными именами. Но эпистемологический взгляд

Рассела и его эмпиристский принцип предостерегают его от предположения, что обычные имена – это подлинные имена.

Таким образом, в случае с подлинными именами Рассел действительно может избежать использования фрегевского понятия смысла. Но в случае с обычными именами, которые представляют собой свернутые дескрипции, Рассел сам, скрытым образом, использует понятие смысла Фреге.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рассел Б.* Избранные труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009. – 260 с.
2. *Фреге Г.*Логика и логическая семантика. Сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 511 с.
3. *Carney J. D.,* Fitch G.W. Can Russell Avoid Frege's Sense? // Mind. – 1979. – № 251. – P. 384-393.
4. *Russell B.* My Philosophical Development. – New York: Simon and Schuster, 1959. – 211 p.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И ПРОБЛЕММА ОПРЕДЕЛЕНИЯ RP (RECEIVED PRONUNCIATION)

В.С. Нестеренко
Научный руководитель: д.ф.н. Е.А. Найман
Томский государственный университет

Вопрос стандартного английского произношения (RP) является одним из самых спорных вопросов современной социолингвистики. Данной проблеме посвящены как многочисленные труды носителей английского языка, так и работы исследователей из других стран. Тот факт, что в настоящее время английский достиг статуса глобального, во многом объясняет подобный интерес. Возрастание его международной роли, по мнению Д. Кристалла, может сказаться и на произносительных традициях, поскольку «английский окажется открытым всем «ветрам языковых перемен» совершенно непредсказуемым образом» [1. С. 217]. Несмотря на то, что кодифицированный стандарт RP существует в Великобритании с конца XIX века, в настоящее время нет достаточно точного и универсального определения этого феномена. Некоторые фонетисты, например П. Традгилл, объясняют этот факт неполным описанием британского стандарта, в котором недостаточно представлено описание слитной речи [7]. Тем не менее, при оценке произносительных изменений принято обращаться к RP как эталонному произношению. Данная статья представляет собой попытку рассмотрения основных проблем, возникающих в ходе определения RP.

Термин Received Pronunciation был предложен знаменитым британским фонетистом Дэниэлем Джоунзом в начале XX века. В своих исследованиях он стремился описать некое «общепринятое произношение». Однако этот терминологический оборот нельзя понимать буквально, поскольку речь не шла о произношения, которое было принято в национальном масштабе. Следует отметить, что и в наши дни в Великобритании нет подобной общенациональной нормы. Давая определение RP, Джоунз исходил из критериев подчеркивающих социальный статус говорящих. По его мнению, основой Received Pronunciation является произношение жителей юга Англии, обучавшихся в крупных частных школах. Будучи родом из различных районов Великобритании, представители британской социальной элиты, вынужденные подстраиваться под речь окружающих, вырабатывали новый, престижный произносительный стандарт.

В настоящее время имеется множество описаний перечисляющих фонологические и фонетические характеристики данного типа произношения, но только совсем не многие говорят о критериях. Вопрос определения почти совершенно стараются избегать или рассматривать поверхностно. Определение разговорного варианта – задача не из легких. Любой языковой вариант в некоторой степени является абстрактным, и создается с цель описания и изучения. Фонетическая реальность еще менее систематична. В реальной жизни существует континуум между различными видами произношения, и деление его на части во многом искусственно. Определение современного RP особенно проблематично, поскольку его употребление не ограничивается отдельной территорией или отдельной социальной группой. Более того, этот произносительный вариант постоянно изменяется и в настоящее время включает в себя несколько разновидностей. Следует отметить, что у лингвистов нет разногласий относительно фоно-

логического ядра RP. Проблема возникает, когда речь заходит о вариантах и изменениях. В результате кодификации RP возникла опасность рассматривать его как нечто постоянное и неизменное, что усложняет процесс модернизации определения. Вопрос не в том чтобы дать окончательное и единственное верное определение, а скорее в том, чтобы выявить критерии, по которым можно оценивать те или иные изменения.

Со времени создания в 1921 году BBC начинается процесс распространения Received Pronunciation как в самой Великобритании, так и за ее пределами. Долгие годы RP оставался единственно возможным произношением BBC, и некоторые лингвисты, в частности А. Гимсон, определяют RP как произносительный стандарт ведущих новостей BBC [3]. В одном из изданий *English pronouncing dictionary* издатели, следуя модным тенденциям, даже решили отказаться от архаичного термина Received Pronunciation в пользу BBC English. В настоящее время RP все еще используется дикторами и ведущими новостей, но давать подобное определение не представляется возможным, поскольку политика компании в этом вопросе стала более либеральной. Среди ведущих новостей можно встретить представителей с ярко выраженными региональными акцентами, так что представляется не возможным поставить знак равенства между RP и ведущей британской телерадиокомпанией.

Традиционно RP ассоциируется с престижем и статусом. В самом термине содержится социальная оценка того, что правильно и приемлемо. Эволюция RP как престижного стандарта сопровождалась негативным отношением к местным диалектам и акцентам. Престиж RP не отъемлем от социального престижа тех, кто его использует. Благодаря своему высокому статусу, он был кодифицирован и стал образцом для сравнения и подражания.

Если престиж использовать в качестве критерия определения, его необходимо как-то зафиксировать и измерить. Для этих целей в социолингвистике принято использовать метод “подбора личин”(*match guise techniques*). Подобные исследования были проведены в Великобритании. В ходе этих экспериментов испытуемые должны были прослушать записанные на магнитофон различные акценты английского языка и определить статус говорящих, их уровень образования и личные качества. Суть эксперимента заключалась в том, что все записи были сделаны одним человеком – актером, владевшим разными типами произношения, что позволило участникам эксперимента делать свои выводы не на индивидуальных особенностях говорящих, а на их оценке разных вариантов английского языка. В результате получилась следующая картина: носителей RP характеризовали более положительно в плане их предполагаемого материального положения, социального статуса и интеллектуально деловых качеств. С точки зрения личной привлекательности предпочтение было отдано носителям других диалектов, которые испытуемые воспринимали как людей более дружелюбных, щедрых и отзывчивых [2]. Таким образом, для большей части населения понятие престижа может быть соотнесено только с определенными характеристиками, т.е. в настоящее время вряд ли можно сказать, что обществом в целом он оценивается как самый престижный вариант.

Еще одним из подходов определения RP является его соотнесение с некой социальной группой. Самые первые определения RP фокусируются на социальном аспекте и указывают на принадлежность говорящего к определенному клас-

су и уровень образования. До середины XX века им владели представители одной социальной группы, однако в дальнейшем структура британского общества начинает меняться. Классовые различия становятся менее четкими, в обществе появляется социальная мобильность и увеличивается количество людей имеющих доступ к высшему образованию. Те критерии, которые были актуальны раннее не могут быть применены сегодня, так как уже нет строго соотношения между социальным классом, образованием и профессией. В общественном сознании RP все еще ассоциируется с высоким уровнем образования, но он уже не является исключительной чертой одного класса и социальное происхождение не может точно указывать на то, что человек владеет этим видом произношения. Эту точку зрения разделяют многие лингвисты [4, 5]. А. Гимсон в частности указывает, что не для всех представителей высшего класса свойственен это акцент. По мнению Гимсона, образование так же не является надежным критерием определения RP, так как даже и среди очень образованных людей есть те, кто не говорят на этом диалекте.

Конечно, никто не будет утверждать, что социальные аспекты, не имеют никакого отношения к RP. Несомненно, он тесно связан с образованием и социальным статусом, и хотя сейчас он не ассоциируется исключительно с представителями одного класса, в основном его носителями являются выходцы из высшего и верхнего среднего классов. Вопрос заключается в том, что когда мы рассматриваем какое-то языковое явление или образец речи с целью, чтобы определить относится оно к RP или нет, социальное происхождение в этом случае не имеет особого отношения к делу.

Можно подойти к определению RP, избегая вопроса социального класса и образования и взяв за основу только фонетические критерии. В частности Гимсон указывает на то, что существует единая фонологическая система, которая развивается и которая может быть надежным критерием для определения RP. Однако возникает определенная трудность. Любой фонетист может представить набор характеристик, которые он определяет как RP и найти людей, которые вполне соответствуют всем его ожиданиям. В точности так же поступает другой фонетист, чей набор характеристик отличается, но он также обозначает его как RP. Специалист по фонетики Д. Льюис говорит о том, что вред ли в Британии найдутся два фонетиста, которые согласятся где проходит линия, отделяющая RP от не RP [6]. Эта проблема усложняется еще и тем, что произношение подвергается изменениям. Так, например, традиционно считается, что такое явление как “твердый приступ”(glottal stop) не относится к RP, тем не менее, его можно услышать в речи тех, кого считают носителем RP. В этом случае можно сделать вывод, что «твердый приступ» теперь входит в данный стандарт, в то время как другие специалисты могут утверждать, что этого человека уже больше нельзя считать носителем RP. Несомненно, что со временем любой акцент изменяется и на каком-то этапе необходимо вносить изменения, которые реально происходят в речи носителей. Чисто фонетическое описание может безнадежно устареть, если не будет периодически усовершенствоваться. Следует стремиться, чтобы критерий отбора фонетических характеристик был как можно более объективный и достаточно гибкий, что позволит учитывать происходящие изменения.

Социальные изменения, происходящие в обществе, во многом затрудняют процесс определения RP, в результате чего сам термин становится более рас-

плывчатым. Представление RP как неотъемлемой характеристики одного единственного класса больше не возможно, и поэтому социальное происхождение не всегда является надежным критерием для определения его носителей. В то же время фонетические изменения свидетельствуют о необходимости модернизации термина. Возникает вопрос, какой критерий выбрать в качестве основы определения. Выбор же определения во многом зависит от цели, которую ставит перед собой исследователь. Все аспекты, упомянутые выше, бесспорно имеют непосредственное отношение к RP и их необходимо включить, если мы хотим представить описательное определение, цель которого дать полную характеристику данного акцента. В том случае, когда мы хотим ограничить RP как объект исследования, необходимо остановиться на наиболее объективном критерии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кристал Д.* Английский язык как глобальный. – М.: Весь мир, 2001. – 240 с.
2. *Giles H.* Speech Style and Social Evaluation // European monograph in social psychology, Vol. 7 / H. Giles, P.E. Powersland. – London: European Association of Experimental Social Psychology, 1975. – 218 p.
3. *Gimson A.C.* British English pronunciation: standards and evolution // Praxis des Neusprachlichen Unterrichts. – 1970. – 17. – pp. 17–20.
4. *Gimson A.C.* The RP accent // Language in the British Isles / P. Trudgill (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 53.
5. *Honey J.* Acrolect and hyperlect: the redifinition of English RP // English Studies. – 1985. – Vol. 66, №3 – pp. 241-257
6. *Lewis J.W.* British non-dialect accents // Zeitschrift fur Anglistik und Amerikanistik. – 1985. – Vol.33, №3 – pp. 244-257
7. *Trudgill P.* Standart and Non Standart Dialects of English in the Uited Kindom // Problem and Policies. Dialect and Standart in Highly Industrialised Societies. – N.Y., 1979. – № 21 – pp. 9-23

СПОСОБЫ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АВТОРА И АДРЕСАТА В РАДИОПРОГРАММЕ «КНИЖНОЕ КАЗИНО»

У Юэ
Научный руководитель: к. филол. н. С.В. Фащанова
Томский государственный университет

Одним из способов структурирования информационно-массового дискурса является установление интерактивного взаимодействия с аудиторией. В качестве основного условия выбора такого типа отношений со стороны адресата выступает фактор эмоционализации общения, который можно рассматривать как результат целого комплекса воздействующих со стороны автора коммуникативных установок. Коммуникативная модель автора в восприятии адресата выстраивается через такие параметры, как «диалогичность, установка на игровое начало, гибкое отношение к этическим и этикетным нормам, общий развлекательный фон вещания» [3. С. 39-40].

Цель нашей работы – исследовать, как взаимодействуют автор и адресант в радиопрограммах о культуре на примере программы «Книжное казино» («Эхо Москвы») и выявить языковые средства, которые способствуют успешной коммуникации.

Под автором мы понимаем ведущего или гостя студии, адресанта, т. е. отправителя сообщения, если придерживаться классической схемы коммуникативного акта Р. О. Якобсона [4]. Под адресантом – слушателей и гостей студии, в зависимости от их роли в радиокоммуникации. Представляется необходимым определить элементы ситуации этикетного общения на радио и их роль в речевых действиях коммуникантов. Важнейшими составляющими классического коммуникативного акта, как известно, являются адресант, адресат, контакт, код, которые определяют и функционирование единиц речевого этикета. Адресант (в нашем случае – радиоведущий) инициирует речевой акт и поэтому отвечает за выбор правильной коммуникативной стратегии и соответствующей коммуникативной тактики; адресат – собеседник говорящего: радиослушатель, соведущий, гость в студии; контакт – в ситуации установки на эффективную коммуникацию опирается на реализацию стратегии вежливости, которая выражается в реализации этикетного общения. В научной литературе для квалификации такого рода ситуаций используется понятие коммуникативной комфортности как противоположное агрессии или языковой манипуляции. Код, т.е. языковое воплощение, завершает цепочку коммуникативного акта, определяется участниками коммуникации, в первую очередь адресантом [2. С. 44].

В качестве материала исследования выбрана программа «Книжное казино», которая транслируется на радиостанции «Эхо Москвы». В данную программу приглашаются руководители крупнейших российских книжных издательств со своими известными авторами, среди которых современные классики и знаменитые актеры. Девиз передачи звучит так: *«В этом казино проиграться невозможно. А вот выиграть книгу с автографом автора – пожалуйста!»* То есть уже в самом описании программы заложена игровая установка на общение, которое обычно проходит в неофициальном, непринужденном формате.

Охарактеризуем основных коммуникантов радиопрограммы «Книжное казино».

Ведущими программы являются Ксения Ларина, Майя Пешкова и Ольга Журавлева. Это не только профессиональные журналисты, но и специалисты в области театра (Ксения Ларина) и литературы (Майя Пешкова).

В качестве гостей программы приглашаются: писатели (Виталий Бабенко), журналисты (Николай Сванидзе), директора издательств (Алла Штейнман), редакторы (Игорь Алюков), переводчики (Сергей Ильин), актеры/артисты (Марина Ливанова), то есть все гости связаны либо с литературой, либо с книгоизданием, либо с постановкой литературных произведений на сцене. Таким образом, коммуниканты, участвующие в радиопрограмме – представители сферы культуры, профессионалы, и это позволяет считать программу «Книжное казино» культуроформирующей программой.

Выбор программы определялся также ее популярностью у слушателей. У радиостанции «Эхо Москвы» хорошо разработан сайт, на котором можно увидеть количество посетителей, прочитавших содержание программы (стенограмму) и количество комментариев к программе. Это не отражает количество всех слушателей программы, но может показать ее востребованность. Так, у самых успешных выпусков программы «Книжное казино» от десяти до тридцати тысяч просмотров и около ста комментариев к выпуску. Это хороший показатель для радиопрограммы о культуре.

Рассмотрим языковые средства взаимодействия автора и адресата в программе «Книжное казино» на примере выпуска «Осторожно, Толстой!» (22.02.2015). Ведущие этой программы: М. Пешкова, К. Ларина, гости программы – Ф. Толстая, П. Басинский.

В начале программы ведущая всегда сообщает слушателю, что началась программа о культуре, чтобы настроить аудиторию на общение и предупредить тех, кому может быть не интересна эта тема. Например, Ксения Ларина дает характеристику программе (*наша художественная программа*), сделала презентацию темы программы (*от театра переходим к большой прозе*). С первых минут общения становится понятным, что инициатором общения является одна из ведущих программы (*К.Ларина: Ну, давайте, мы вот с чего начнем*), она называет какое-либо из достижений гостя и предлагает обсудить его, используя императивные формы глагола («давайте»).

Следует отметить, что все общение проходит позитивно. Ведущие стараются быть корректными, при сомнениях в каких-либо фактах, задают уточняющие вопросы, чтобы не сделать ошибку (*такая должность у вас?*). Ведущие извиняются за вопрос, который часто задают гостю другие журналисты, но без него нельзя обойтись при беседе.

Ведущие хвалят гостя, так Ксения Ларина делает Фекле комплименты (*потрясающе, прекрасно*), в том числе имплицитные, говоря о том, что программы Феклы хранятся в Золотом фонде программ «Эха Москвы», значит Фекла – выдающийся журналист.

Если же гость программы – человек не очень известный, то ведущая называет причину, по которой они приглашают этого гостя в студию. В выпуске «Осторожно Толстой!» таким гостем является П. Басинский, ведущая перечисляет книги, которые гость написал, и становится понятно, что это человек, связанный с русским писателем Л.Н. Толстым. Кроме этого, книги гостя становятся пред-

метом розыгрыша для слушателей, и Ксения Ларина подчеркивает значимость и признанность этих книг, ставя на одну книжную полку Толстого и Басинского.

Стратегию поведения ведущих программы перенимают гости. Они также начинают говорить очень вежливо, соблюдая этикет. На протяжении всей программы слушатели активно вовлекаются к участию в передаче, для этого разыгрываются книги, причем книгу получает не первый дозвонившийся, а тот, кто правильно ответит на непростой вопрос (*А вопрос такой: в 1895 году в возрасте 66 лет Толстой неожиданно увлекая весьма экстремальным для того времени видом спорта. Назовите, пожалуйста, этот вид спорта*). Для тех, кто не может ответить на вопрос, предоставляется еще одна возможность выиграть книги: ответить на второй вопрос в конце программы. При завершении программы ведущий прощается неофициально, называя гостей программы друзьями.

В жанре интерактивного общения обычно реализуются речевые стратегии, направленные на дискуссию. Но специфика радиообщения проявляется в том, что участники не преследуют цель аргументировать выдвигаемый тезис; фокус тематически организуемой коммуникации смещается в сторону самовыражения, выражения мнения и оценки. При этом отчетливо прослеживается коммуникативная установка на развитие темы по нелинейной модели, когда каждый новый тезис может стать в рамках обсуждения специальной и отдельной темой [1. С. 23].

Среди языковых особенностей, используемых авторами программы, можно отметить повтор (повтор этикетных формул: *Здравствуйте, приветствую тебя; До встречи, Пока*; повтор вопросов к гостям и слушателям), использование синонимов *(потрясающе, прекрасно*); использование усилительных частиц (*же, все-таки, все же* и других), использование уточняющих вопросов: *Это бесплатный вход? Это абсолютно свободный для всех вход?*

Данные языковые средства направлены на создание комфортной атмосферы между автором и адресатом программы «Книжное казино», где авторы (чаще всего это ведущие) выступают в роли равноправного собеседника или даже хорошего друга, что способствует бесконфликтной, успешной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермоленкина Л.И.* Модели взаимодействия автора и адресата в дискурсивном пространстве информационно-развлекательного радио // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2008. – № 3 (4). – С.18-26.
2. *Нестерова Н.Г.,* Артамонова Л.В. Речевой этикет в современном радиодискурсе // Язык и культура. – 2013. – № 1 (21). – С.42-53.
3. *Резанова З.И.,* Ермоленкина Л.И., Катунин Д.А., Мишанкина Н.А. Дискурсивные картины мира: теория и практика социолингвистического исследования: Учебно-методическое пособие к спецкурсу и спецсеминару. – Томск, 2006. – 52 с.
4. *Якобсон Р.О.* Речевая коммуникация: Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.

АНГЛИЙСКИЙ РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ МЕДОТИКИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Фу Тун
Научный руководитель: к. филол. н. А.В. Двизова
Томский государственный университет

Реклама как средство агитации занимает важное место в процессах покупки и продажи товаров. По мере развития экономической глобализации, с одной стороны, международные торговые связи устанавливаются и развиваются быстрыми темпами: в этом аспекте перевод рекламного текста становится, естественно, востребованным. С другой стороны, английский, наряду с китайским и русским языками, широко распространен на международном рынке, что делает данное исследование актуальным.

Перевод – это межкультурное действие. Чтобы успешно перевести рекламный текст, переводчику, во-первых, необходимо иметь высокий уровень владения конкретными языками (в нашем случае английским, русским и китайским); во-вторых, необходимо разобраться в свойствах объекта перевода, то есть в свойствах рекламного текста; в-третьих, необходимо иметь достаточное знание в области культуры и страноведения.

Как известно, английский и русский языки относятся к индоевропейской семье языков, так что они имеют общие свойства: например, оба опираются на алфавит и являются флективными языками. Но так как английский язык принадлежит к германским языкам, а русский – к славянским языкам, они имеют и существенные различия, например, в грамматике русского языка отсутствует артикль, в английском языке нет грамматической категории «падеж» и т. д.

Что касается китайского языка, то разница между ними и остальными языками еще очевиднее. Китайский язык относится к сино-тибетской семье языков, опирается на идеографическое письмо. В китайском языке одно и то же слово может выполнять функцию и существительного, и глагола. Например, слово «学习» может обозначать два смысла: «учиться» и «учеба»: выбор значения зависит от местоположения слова в предложении, и, конечно, от сочетающихся с ним слов.

Известный китайский переводчик Янь Фу (1852–1921 гг.) первым заявил, что перевод включает три степени: «信» («достоверность»), «达» («норма»), «雅» («стиль») [1. С. 13]. Очевидно, разница между языками настолько большая, что достигнуть даже первой степени «信» («достоверность») – нелегкая задача.

Каждый день вольно или невольно люди подвергаются влиянию рекламы. Рекламный текст – понятие весьма широкое и имеет множество определений. Сравнивая определения рекламы в английском [8], русском [7. С. 599] и китайском [11] словарях, можно вычленить следующие общие компоненты:

– Адресат рекламы – потребители товаров, народ;

– Рекламный текст содержит информацию о товарах или услугах;

– В сфере рекламы выделяются разные жанры, например: телевизионная реклама, радиореклама, печатная реклама и т. д.

В качестве объекта данного исследования выступает такой основополагающий элемент рекламного текста, как слоган [2]. Слоган понимается как «рекламный лозунг или девиз; четкая, ясная и сжатая формулировка рекламной идеи,

которая призвана коротко и емко отразить то, чем данный товар или фирма отличается от прочих подобных» [3. С. 180]. Слоган имеет особый статус лозунга рекламной кампании. Эффективный слоган должен быть кратким и запоминающимся, должен соответствовать творческой рекламной стратегии (позиционированию марки), включать название марки [5. С. 266]. Что касается перевода рекламного текста, верная передача смысла, заключенного в оригинале, является его основной задачей.

В то же время, у рекламного текста есть особые функции. Основными функциями рекламы являются: информирование; напоминание; увещевание; формирование позитивной эмоциональной окраски; подталкивание покупателей к акту покупки; удержание покупателей, поддержка лояльности к рекламируемой марке; создание «собственного лица» фирмы; поддержка покупателей, уже купивших рекламируемый товар [6]. Как и оригинал рекламного текста, его перевод должен быть эффективным, то есть выполнять те же функции [4. С. 75]. Таким образом, перевод сможет достигнуть степени «达» («норма») и «雅» («стиль»). По этой причине мы исследуем перевод рекламного текста не только с точки зрения синтаксиса и лексики, но и с точки зрения прагматики.

Методики перевода рекламного текста можно разделить на две группы:

1. Методики перевода в аспекте лексики и синтаксиса:

– Поиск аналогичной конструкции:

57 varieties. / 57 видов. / 57 变. (Heinz)

По значению *variety* – «вид», но это не то же, что 变 («изменение» или «превращение»). В Китае известен персонаж известного китайского романа «Путешествие на Запад» Сунь Укун (царь обезьян), который владеет 72-мя видами превращений (72 变). Это выражение настолько широко распространено, что стало в китайском языке устойчивым, и в данном тексте перевод на китайский язык имитировал эту конструкцию. Также у слова «variety» в русском языке есть относительно заимствованное слово «вариант», но в данном случае употребили слово «вид». С одной стороны, это слово короче, с другой стороны, русский эквивалент предпочтительнее.

I am what I am. / Я тот, кто я есть. / 我就是我. (Reebok)

Буквальный перевод был бы длиннее: Я есть тот, кто я есть / 我是什么就是什么.

A taste of paradise. / Вкус рая. / 天堂口味. (Bounty)

Переводчиком использовано несогласованное определение, выраженное существительным.

– Выбор нужного слова:

Put the fun back into driving. / Верните веселье в вождение. / 重温驾驶乐趣. (VAUXHALL)

Если перевести этот слоган буквально, то получится «Вложи веселье обратно в вождение». Хотя это предложение можно понять, но русские так не говорят, именно поэтому выбрали лексему «вернуть». И на китайский также нельзя буквально перевести: «返回乐趣,放回乐趣» (*put fun back* как «вернуть веселье»), надо обратить внимание на сочетаемость слов [10. С. 124]. Только слова «重温» можно использовать со словом «乐趣», чтобы выразить смысл этого рекламного текста.

В разных языках присутствуют свои устойчивые выражения и словесные формулы, поэтому необходимо уделять внимание синтаксическим связям в словосочетании, то есть согласованию, управлению и примыканию (особенно при переводе на русский язык). Иногда, чтобы люди ясно поняли содержание рекламного текста, можно вписать в переводной текст дополнительную информацию.

– Выкидка лишнего слова:

Guinness is good for you. / Guinness – это хорошо! / 吉尼斯啤酒有益于您的健康. (Guinness)

Буквальный перевод звучал бы как «Guinness – это хорошо для тебя» или «Guinness хорош для тебя». При переводе убрали слова «для тебя», но реклама не стала менее эффективной, воздействие даже усиливается, потому что слоган стал короче, и его легче запомнить. В китайском переводе воспользовались второй методикой – выбор нужного слова – и дополнили значение словосочетанием «для здоровья».

Hungry? Grab a Snickers. / Проголодался? Сникерсни! / 饿了吧，把它吃掉，把它吃掉，士力架! (SNICKERS)

Словосочетанию «grab a Snickers» в русском языке соответствует окказиональный глагол «Сникерсни!»: очевидно, при переводе выкинули глагол «grab» (в переводе осталась форма повелительного наклонения), сформулировав определенно-личное предложение «Сникерсни!» с восклицательной интонацией, при этом сохранилось упоминание названия торговой марки. Слоган стал короче, ярче, и его легче запомнить. В китайском переводе – «士力架!» – произошло то же самое, а также информация была расширена за счет лексического повтора «把它吃掉，把它吃掉» («съешь его, съешь его»), который придал слогану особый ритм.

– Изменение синтаксической конструкции:

Give me a break. / Мне нужен перерыв. / 歇会儿,来点! (KitKat)

Как «me», так и «мне» в данном случае обозначает человека «я»; отметим, что «me» – это объект действия, а «мне» – субъект действия. Китайский же перевод является вольным, его общий пафос – это призыв: «Давайте отдохнем, и съешь KitKat!», этот вариант далек от оригинала.

Born to lead. / Рожден, чтобы быть лидером. / 天生领袖. (YAMAXA)

«Lead» (лидировать / 领导) является глаголом, а в переводах (как на русский, так и на китайский), слово «lead» превратилось в существительное «лидер» (leader / 领袖).

Once you pop you can't stop. / Попробовав раз, вы не остановитесь. / 停不住的美味. (Pringles)

Буквальный перевод: «Когда попробуешь один раз, ты не сможешь остановиться.» / «一旦你尝试，你就不会停下来». В данном переводе на русский употребили деепричастный оборот, а в переводе на китайский тот же смысл выражается прилагательным «停不住的» («безостановочный») [9. С. 12]. Это делает рекламный текст короче и четче. Второй вариант перевода: «Попробовав раз, ем и сейчас» (вводится рифма).

– Описание с другой стороны:

Impossible is nothing. / Невозможное возможно. / 没有不可能. (Adidas)

Двойное отрицание часто встречается в слоганах, и перевести его можно по-разному. В китайском переводе没有不可能 («нет невозможности») осталась форма двойного отрицания. Но, как правило, мы пользуемся утвердительным предложением, как в переводе на русский: «is nothing» – «возможно». Или переводят так: «Все возможно».

2. Методики перевода с точки зрения прагматики:

При переводе существует две основные тенденции. Первая заключается в том, что перевод превосходит оригинал:

A diamond is forever. / Бриллианты навсегда. / 钻石恒久远，一颗永流传 (De Beers).

«A diamond» – существительное, которое употреблено в единственном числе, а в переводе на русский язык «бриллианты» стоит во множественном числе, но основное значение не изменилось, и предложение стало короче за счет того, что глагол-связка опущен.

Что касается китайской версии, перевод этого слогана считают успешным примером рекламного текста, и его можно встретить во многих учебниках. Во-первых, используется прием параллелизма: в каждом предложении 5 иероглифов; во-вторых, по значению он полностью совпадает с английской версией: «恒», «永» – оба иероглифа ярко выражают смысл «forever», и, в-третьих, рифма «-ань» делает слоган похожим на стихотворение.

Good to the last drop. / Хорошо до последней капли. / 滴滴香浓，意犹未尽. (Maxwell House)

Можно сказать, что в переводе на русский язык в данном примере воспользовались методикой «поиск аналогичной конструкции», и перевод на русский язык похож на оригинал. А при переводе на китайский воспользовались тремя разными методиками, и пример такого перевода является очень успешным. Во-первых, конструкцию «to the last drop» (до последней капли) описали с другой стороны: «滴滴» («каждая капля»), и повторение иероглифа тоже очень важно; во-вторых, выбрали нужное слово: «good» («хорошо», «好») – «香浓» («ароматно и вкусно»), который выражает значение хорошего качества данного продукта; в-третьих, дополнили информацию «意犹未尽» (это китайский фразеологизм, который обозначает желание продолжить что-либо). Такой перевод, с одной стороны, образно передает покупателям ощущение, которое каждый сможет испытать после пользования товаром, с другой стороны, перевод полностью коррелирует с менталитетом китайской нации.

Вторая тенденция заключается в частичной потере функции оригинала. Так, некоторые слоганы, в которых есть игра слов или особая рифма, при переводе теряют свой двусмысленный эффект из-за разницы между языками:

Sharp minds, sharp products. / Острые умы, продукты Sharp. / 来自智慧的结晶 (Sharp).

В оригинале есть игра слов: с одной стороны, «sharp» – «острый», с другой стороны, это и есть название компании «Sharp». Русский перевод прямо выражает первый смысл «острые умы», потом упоминается название компании, а китайский перевод иной: «продукты умами».

В примере *Fly with US. / Летайте с нами* (USAIRWAYS) игра слов в том, что «us» – «мы», «с нами», «US» –«США». В переводе не выражен второй смысл.

Еще один пример:

Beanz meanz Heinz. / Бобы значат Heinz (Heinz).

В этом слогане особая рифма, так что потребители легко запомнят его: вместо «s» на конце глагола «z» (по аналогии с соседними словами). Но по-русски у существительного и глагола разные окончания, поэтому нельзя найти аналогичную рифму, и в переводе остался лишь смысл данного рекламного текста, форма же не сохранилась.

Рекламный текст является особым методом агитации, выполняющим определенные функции, и, таким образом, перевод рекламного текста должен оставаться не менее эффективным, чем оригинал. Использование определенного набора методик в процессе перевода делает слоган успешным в иноязычной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Китайский* язык. Теория и практика перевода. – М., 2004. – 224 с.

2. *Лучшие* слоганы по мнению пользователей интернета –. URL: http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/100-luchshih-sloganov-mirovoj-rekla my-23755 (дата обращения: 05.03.2015).

3. *Маркетинг:* большой толковый словарь. – М.: Омега-Л., 2010. – 153 с.

4. *Паничкина Г.Г.,* Носова Н.С. Как перевести успешную рекламную кампанию. – М., 2011. – 160 с.

5. *Подорожная Л.В.* Теория и практика рекламы: учеб. пособие. – М.: Издательство «Омега-Л», 2014. – 344 с.

6. *Реклама* – // Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. URL: http://efremova.slovaronline.com/ (дата обращения: 11.04.2015).

7. *Реклама:* учебник для вузов. 7-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 512 с.

8. *Oxford* Advanced Learner's Dictionary –. URL: http://www.oxforddictionaries.com/ (дата обращения: 11.04.2015).

9. *当代俄语*语法/张会森著. – 北京：商务印书馆，2010 ISBN 978 -7-100-06685-3.

10. 俄译汉教程：增修本（上、下册）上 / 蔡毅等编著 – 3版.2005.12 (2014. 4重印).

11. *新*华词典 –. URL: http://xh.5156edu.com/ (дата обращения: 11.04.2015).

Р. РОРТИ И КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

О.И. Целищева
Научный руководитель: д.ф.н. В.А. Суровцев
Томский государственный университет

Кризис современной западной философии, расколотой на несколько радикально различающихся направлений, является общепризнанным фактором в более широком контексте западной культуры. Основные разделы философии с различными методами, идеалами и целями, образуя общий философский дискурс, делают его собранием зачастую несовместимых практик. В связи с этим, встает вопрос, можно ли говорить о некотором едином философском знании, или специфическом философском методе. В стремлении некоторых философов преодолеть антагонизм внутри самой философии следует выделить усилия Р. Рорти, который в своих работах охотно совмещает в общем контексте истории идей самые разнообразные взгляды. Для того чтобы понять происхождение «синтетической» стратегии Рорти, следует остановиться на ситуации в современной философии. Признание очередного кризиса в западной философии становится общим местом в критических обзорах ее нынешнего состояния. Некоторые авторы выделяют три главных направления: аналитическую философию, континентальную философию, и историю философии [10]. При этом континентальная философия обвиняется авторами в том, что никогда не формировалась собственно теоретическим путем, и заинтересована лишь в политических и этических вопросах. Что касается истории философии, то она развивается по большей части на региональной основе, интересуясь скорее национальной культурой, а не объективными ценностями собственно философии. Аналитическая философия претендует на теоретическую строгость, в то же самое время предпочитая «терапевтическую» деятельность в отношении философских проблем.

Аналитическая философия претендует на то, что ее методология и ее цели максимально совпадали с методологией и целями естественных наук. В этом смысле она предполагается кумулятивной и достоверной областью знания. Это одна из причин, по которой релятивизм в отношении науки куновского толка не особенно приветствуется в аналитической философии, потому что смена парадигм противоречит кумулятивности науки. Правда, противоречие снимается тем, что можно говорить о нормальном периоде развития естественных наук. С другой стороны, традиционная философия, олицетворением которой является континентальная философия, предпочитает не единственный ответ на поставленные проблемы, а столкновение мнений, множество интерпретаций, относительную свободу в аргументации. Эта свобода практически приводит к ликвидации аргументации как таковой, поскольку она заменяется метафорами, лозунгами, и даже более радикальным пониманием философии как беллетристики [11].

Противоречия между аналитической и континентальной философий является «внутренним» делом философского сообщества, и люди, не занимающиеся непосредственно философией, не могут уяснить суть этих разногласий. Одна из попыток такого различения состоит в указании на то, что аналитическая философия осуществила переход от обсуждения опыта к обсуждению языка, – этот переход получил специальное название «лингвистического поворота». Однако внимание к языку, которое по мысли аналитических философов должно было

способствовать естественнонаучной направленности философии, не может служить критерием отличия, о котором говорилось выше. Лингвистический поворот свойственен всей западной философии XX века – действительно, герменевтика Гадамера, деконструкция Деррида, коммуникативный подход Хабермаса являются прямой апелляцией к принципам функционирования языка в описании мира и человека. Название очень известной в аналитической философии книги Айера «Язык, истина и логика» [1] характерно в этом отношении, не говоря уже о «языковых играх» Витгенштейна. Конечно же, использование аналитическими философами символической логики предполагало большую ясность и четкость в аргументации, чем это имело место у континентальных философов.

Аналитическая философия стремится к получению знания, как оно понимается в естественных науках. Здесь они конфликтуют с историками, поскольку суть исторических поисков состоит не только в отыскании «фактов», а в воспроизведении вариантов прошлого, вариантов, которые часто противоречат, или конкурируют друг с другом. Именно в этом смысле аналитическая философия претендует на кумулятивный характер, который подразумевает определенность и окончательность.

Континентальная философия не ориентирована на науку, и предлагает ликвидацию строгих дисциплинарных границ между философией и беллетристикой, историей идей и литературной критикой. Конфликт аналитической и континентальной философии имеет аналог в конфликте двух культу по Ч. Сноу в его концепции двух культур – технологической и гуманитарной [5]. Естественно, что в континентальной философии позволена большая свобода как в методах аргументации, так и в собственно философских конструкциях. Можно сказать, что континентальной философии присущ антисайентизм, который имеет не только психологические корни, но и философский фундамент, например, в системе Хайдеггера. Предпочтение континентальными философами культурного дискурса в противоположность научному дискурсу влечет отказ от поисков первыми объективной истины. Р. Рорти скептически относился к искусственному, с его точки зрения, разделению внутри самой философии, проявляя интерес ко всем трем направлениям, рассматривая их в виде составных частей истории идей. В своей статье об историографии философии он выделяет четыре направления, которые характеризуют современные тенденции в философии как разновидности философского дискурса в контексте мировой культуры [4].Это рациональная и исторические реконструкции, история духа (Geistesgeschichte), доксография и, наконец, интеллектуальная история.

Рациональная реконструкция философских взглядов прошлого с первого взгляда противоречит исторической реконструкции. Описание идей, высказанных в прошлом, может быть двоякой: с одной стороны, это может быть их критика, попытка исправления «неверных» взглядов или «ошибок» с точки зрения нынешнего этапа в развитии философии, либо же это попытки воссоздания интеллектуальной обстановки того времени. С точки зрения аналитической философии эти две стратегии антагонистичны. Историцизм Т. Куна [2] и несоизмеримость П. Фейерабенда [6] говорят в пользу второй стратегии, в то время как Венский Кружок был категоричен в принятии первой. Рорти полагает, что тут на самом деле нет конфликта, и что мы должны делать обе вещи, но делать их раздельно. Оба результата будут описаниями различных контекстов, в которые мо-

гут быть вложены идеи прошлого, и наличие множества контекстов отражает плюрализм человеческой практики в мире идей. Сам Рорти охотно допускает резкость оценок, «делая их раздельно»: так, он говорит, что мы должны признавать, например, что Г. Фреге был «оригинальным логиком с необоснованными эпистемологическими претензиями» [4. С. 323]. Дэвидсон становится у него фигурой, которая полностью подтверждает взгляд Рорти на истину и метафору, хотя сам Дэвидсон категорически отрицает какое-либо сходство. Но оправдание Рорти в такого рода случаях состоит в указании на принадлежность одной и той же дисциплинарной матрице, если речь идет о рациональной реконструкции. В какой степени мы можем «заставить» мыслителей прошлого принять наши правила игры и признать свои собственные «ошибки» – это большой вопрос, на который Рорти отвечает следующим образом: «Философ, который полагает какой-либо семантический тезис, например, что все слова являются именами, будет иметь совершенно иные разговоры с Платоном, нежели философ, который полагает, что философия языка есть проходящая причуда, не имеющая никакого отношения к настоящим проблемам, разделяющим Платона и его великих современных антагонистов (например, Уайтхеда, Хайдеггера, или Поппера). Сторонники Фреге, Крипке, Поппера, Уайтхеда и Хайдеггера будут каждый раз отправлять Платона на переподготовку на свой манер перед тем, как начать с ним спор» [4. С. 310]. «Переподготовка» состоит в рациональной или исторической реконструкции. При этом не обязательно речь идет мыслителях далекого прошлого. Правдоподобность классификации Рорти видна из недавнего анализа С. Фуллером концепции научных революций Т. Куна [8]. Фуллер рассматривает философию Т. Куна в контексте политического заказа от видного «ястреба» времен Холодной Войны Дж. Коннанта, сделанного с целью развертывания классических американских университетов к точным наукам, что было необходимо в противостоянии с СССР.

Оба жанра – историческая и рациональная реконструкция, – однако, менее масштабны, чем Geistesgeschichte, история духа. Здесь, по мысли Рорти, философское течение или философия отдельного философа помещается не просто в исторический контекст, а в контекст всего творчества философа, который претендует на понимание всего спектра мыслимых философских проблем. Больше того, для этого направления характерно обоснование того, почему философ выбрал ту или иную проблематику, исходя из понимания им сущности философии. В этом смысле Geistesgeschichte представляет собой широкую интеллектуальную историю, которая, в отличие от доксографии, подразумевает мотив исследователя, его стремление вывести из своей концепции определенную мораль. В качестве представителей «истории духа», помимо Гегеля и Хайдеггера, Рорти упоминает М. Фуко и А. Макинтайра. Нам кажется, что в данном случае Рорти непоследователен, потому что оба этих мыслителя хотя и представляют определенные истории, в основном «дескриптивны» в критике или просто описании определенных практик. Например, в одной из своих основных работ Макинтайр описывает моральные практики различных времен, отдавая предпочтение концепции добродетели Аристотеля [3]. Хотя рассмотрение моральных проблем по ходу всей человеческой истории Макинтайром и представляет собой интеллектуальную историю, тем не менее, «мораль» по поводу концепций морали задана Макинтайром изначально, хотя поначалу и в неявном виде.

История духа как философский жанр, в отличие от локальной исторической реконструкции, претендует на большую абстрактность и отвлеченность, которые подразумевают раздвигание границ дисциплины. Так, истории М. Фуко не апеллируют к специфическим философским категориям, претендуя на указание большей важности человеческих практик по сравнению с некоторым установленным каноном. Это опять-таки в определенной степени противоречит концепции Рорти, согласно которой Geistesgeschichte упрочняет канон [4. С. 317].

Следующий жанр – это доксография, которая подвергается у Рорти сокрушительной критике как оболванивание описываемых в канонических историях философии мыслителей, намеренную или ненамеренную их мумификацию. Основная ошибка доксографов состоит в «отчаянных попытках заставить Лейбница и Гегеля, Милля и Ницше, Декарта и Карнапа говорить об одних и тех же темах…» [4. С. 318].

Доксографы не могут справиться с проблемами описания философии как единого предприятия. Действительно, постановка в один ряд мыслителей французских материалистов и аналитических философов вроде С. Крипке будет в высшей степени искусственной. Рорти даже рекомендует прекратить написание книг под названием История философии, поскольку в такой единой истории обнаруживается, что многие великие мыслители вообще не обсуждали тех проблем, которые должны были бы увязать их в единую схему. Эта предполагаемая схема считается Рорти нереализуемой, и в то же самое время он реализует в своем творчестве такое единое видение совершенно различных философов современности. Действительно, одни только названия его статей удивляют привыкшим к устоявшимся канонам читателей: «Витгенштейн, Хайдеггер и овеществление языка» [12], или «Хабермас, Деррида и функции философии» [13], «Самотворение и установление принадлежности: Пруст, Ницше и Хайдеггер» [14] – список можно продолжать. Возникает впечатление, что Рорти под философским каноном понимает «вертикальную» структуру по времени, а сам выстраивает «горизонтальный» канон, под который подгоняются современные мыслители, сходство между которыми с первого взгляда может казаться весьма отдаленным. С этой точки зрения, вряд ли можно считать, что Витгенштейн и Хайдеггер сходились в том, что является «философскими вопросами», и что означает их решение.

Другая, с нашей точки зрения, уязвимая позиция, состоит в том, что Рорти всех философов загоняет в контекст прагматизма. Прагматизм Рорти тут можно рассматривать двояко. С одной стороны, Рорти является прямым наследником Дж. Дьюи, плюрализм философии которого избегал каких-либо жестких рамок, присущих европейской философии. С другой стороны, философия Рорти принадлежит в какой-то степени более узкой дисциплинарной матрице прагматизма У. Джеймса. Специализированные концепции в философии Рорти, в первую очередь, понимание им истины, относится к собственно прагматизму Джеймса, а вот «вольное» обращение с европейскими современными мыслителями – к философии Дьюи. Естественно, что такого рода разделение не является жестким, но все равно нужно иметь в виду, что сам Рорти превзошел ограниченность традиционного прагматизма, оставаясь, тем не менее, в его основном русле. Впрочем, как отмечено некоторыми философами, тенденция многих значимых философских фигур Америки к концу своего творчества находить корни своей фило-

софии в прагматизме, является довольно устойчивой. В качестве примеров можно привести У. В. О. Куайна [9] и Х. Патнэма [7].

Прагматистская позиция Рорти ведет его к заключению, что все четыре жанра в философии приемлемы, если нам позволено давать наш собственный канон, и более частном случае, нашу собственную Geistesgeschichte, собственную историю духа. В этом случае кризис западной философии состоит в уменьшении числа доксографий, ликвидации единообразия в преподнесении философии: «Чем более разнообразные каноны мы принимаем, чем больше конкурирующих историй духа есть перед нами, тем более вероятно, что мы реконструируем сначала рационально, а потом исторически, интересных мыслителей… Конкуренция подобного рода не приведет к разрешению спора, но пока она существует, мы не потеряем чувства сообщества, которое возможно только через бесстрастные разговоры» [4. С. 329-330].

Рорти полагает, что западная философия находится в «кризисе» с самого своего основания, поскольку кризис этот заключается в появлении все новых историй, которые дают разные описания и переописания человека и общества. Жанры философских сочинений находятся в теснейшей взаимосвязи друг с другом, и, по сути, выделение их является столь же произвольным и расплывчатым, сколь расплывчаты намерения философов и реализации их замыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айер А. Дж.* Язык, истина, логика. – М.: Канон+, 2010. – 240 с.
2. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 297 с.
3. *Макинтайр А.* После добродетели. – М.: Акад. Проект, Деловая книга, 2000. – 381 с.
4. *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра // Рассел Б. История западной философии. – Т. 2. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1994. – С. 305-330.
5. *Сноу Ч.* Две культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 142 с.
6. *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – 413 с.
7. Hilary Putnam: Pragmatism and Realism. – London & New York: Routledge, 2002.
8. *Fuller S.* Thomas Kuhn. A Philosophical History for Our Times. – Chicago University Press, 2000.
9. *Godfrey-Smith P.* Quine and Pragmatism // A Companion to Quine. – Wiley Blackwell, 2014. – P. 54-68.
10. *Milliagan K., Simons P., Smith B.* What's Wrong with Contemporary Philosophy // Topoi. – 2006. – №25. – P. 63-67.
11. *Rorty R.* Derrida and the Philosophical Tradition // Philosophical Papers, vol. 3. Truth and Progress. – Cambridge University Press, 1998. – P. 327-350.
12. *Rorty R.* Wittgenstein, Heidegger, and Reification of Language // Philosophical Papers, vol. 2. Essays on Heidegger and Others. – Cambridge University Press, 1991. – P. 50-65.
13. *Rorty R.* Habermas, Derrida, and the Function of Philosophy // Philosophical Papers, vol. 3. Truth and Progress. – Cambridge University Press, 1998. – P. 307-326.
14. *Rorty R.* Self-Creation and Affiliation: Proust, Nietzsche, and Heidegger // Contingency, Irony, and Solidarity. – Cambridge UniversityPress, 1989. – P. 96-121.

СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ И САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ПРОГРАММЕ «КНИЖНОЕ КАЗИНО» («ЭХО МОСКВЫ»)

Цзюй Чуанья
Научный руководитель: к. филол. н. С.В. Фащанова
Томский государственный университет

Одним из актуальных и наиболее активно развивающихся направлений в современной лингвистике является лингвистическая прагматика. В область изучения лингвопрагматики включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения [1].

Цель настоящего исследования соотносится с задачами лингвопрагматики, так как направлена на выявление языковых средств воплощения коммуникативных стратегий презентации и самопрезентации в современных радиопрограммах о культуре.

Под коммуникативной стратегией мы, вслед за О.С. Иссерс, понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [2. С.21]. Определение стратегии презентации другого и стратегии самопрезентации хорошо сформулировано в работе Н.В. Соловьевой. Так, стратегия самопрезентации связана с утверждением авторской позиции, доказательством своей точки зрения, убеждением адресата, а стратегия презентации другого, или стратегии оценивания, направлена на выражение авторского отношения к другому, проявляющегося через оценку: оценка деятельности другого или оценка восприятия содержания этой деятельности [3. С.29].

В качестве материала для исследования была выбрана радиопрограмма «Книжное казино». Это одна из передач радиостанции «Эхо Москвы», в которую приглашаются руководители крупнейших российских книжных издательств со своими известными авторами, среди которых – современные классики и знаменитые актеры. В качестве ведущей Ксения Ларина и Майя Пешкова вместе с гостями студии – деятелями культуры, разбираются в перипетиях культурной жизни.

Для анализа привлечем один из выпусков программы от 23.11.2014 г. под названием «Поэтка». Это воспоминания о поэтессе, переводчице Наталье Горбаневской. Ведущая выпуска – Ксения Ларина. Следует отметить, что К. Ларина непосредственно связана со сферой культуры, выступает специалистом в этой области: закончила ГИТИС, актерский факультет, работала актрисой в театре имени Пушкина и в театре «САТИРИКОН» имени А. Райкина. В то же время Ксения – профессиональный журналист «Эха Москвы». Это позволяет ей вести диалог на равных, не боясь показаться дилетантом. Гостем программы является Людмила Улицкая – современный писатель.

В рамках анализа данного выпуска радиопрограммы «Книжное казино» нами были выделены следующие тактики, реализующие коммуникативные стратегии презентации и самопрезентации.

Коммуникативная тактика шутки традиционно реализует стратегию самопрезентации в этой программе:

К. Ларина: 15 часов 12 минут, фонарь не зажгли, а я уже говорю без микрофона. Собственно, нас без микрофона все услышат. Добрый день еще раз. У микрофона Ксения Ларина.

Здесь ведущая пошутила со слушателями, сразу привлекла внимание слушателей. Ведущая в «Книжном казино» всегда одна и та же, постоянная, слушатель либо уже знает ее, либо может зайти на сайт и узнать информацию о ведущей и программе, поэтому Ксения Ларина коротко и официально представляет себя и программу: «Добрый день еще раз. У микрофона Ксения Ларина».

Радиопередача о культуре, предполагающая обсуждение тем, связанных с историей, искусством и т. п., направлена на выражение своей точки зрения по интересным вопросам, которые реализуются с помощью *коммуникативной стратегии презентации другого.*

Стратегия презентации другого может быть представлена *тактикой языковой игры*: ««Поэтка» – название программы, посвященной воспоминаниям о поэтессе, переводчице Наталье Горбаневской». В названии стоит ключевое слово «Поэтка», которого не существует в русском языке, в этом случае выражается креативность как черта речевого имиджа авторов и ведущих программы «Книжное казино», а также дана характеристика героине выпуска.

Тактика языковой игры усиливается *тактикой интимизации*:

Л. Улицкая: Нет, я, конечно, я была зрителем. Зрителем галерки. То есть я всех знала, я мыла посуду на кухне у *Маши* Слоним, у которой там клубилось…

К. Ларина: *Маша, привет тебе!*

Л. Улицкая: Да, *Маша* привет.

Когда гость рассказала свою историю, упомянула о подруге Маше. Случилось совпадение, что на радиостанции одну из ведущих тоже зовут Маша, поэтому Ксения Ларина перебила повествование гостя и поздоровалась с Машей, так как в программе Маша не может общаться с гостей и не участвует в обсуждении. Гостья с помощью этой возможности проявила хорошее отношение к Маше, но ведущая и гость использовали только слово «привет», а не официальное обращение «здравствуйте», они немного отступили от правил публичного общения, приблизившись к сфере личного, интимного общения.

Имплицитное выражение уважения к своей подруге и известной поэтессе реализуется через *тактику представления авторской эмоции*:

Л. Улицкая: Ой, вы знаете, дело в том, что 29 числа, то есть через несколько дней, будет годовщина смерти Наташи Горбаневской. И это, конечно, я просто счастлива. Ни один выход книги не вызывал у меня такой радости, как именно эта. Потому что она вышла, практически успела к годовщине смерти. Это то, что бы мне хотелось. И я совершенно не была уверена, что это получится.

Одобрительное отношение к выходу книги Натальи Горбаневской усиливается отрицательными местоимениями и частицей «не», а также словами с положительными оценками «счастлива», «радости», а также сравнением с радостью публикации других книг. Гость выразила свое уважение к поэтессе и одновременно порекомендовала свою новую книгу.

Коммуникативная стратегия презентации другого в этой дискуссии позволяет направлять на *тактику благодарности*:

Л. Улицкая: Ну и надо сказать спасибо Лене Шубиной, редактору, который тоже чрезвычайно много сделала. Все люди, которые принимали участие в рабо-

те над этой книгой, конечно, от всей души, от всего сердца, помогали, старались, и, в общем, вот, книга вышла. И она красивая. И я очень рада этому.

В программе гость специально благодарила тех, кто ей помогал. С помощью тактики благодарности гость представила неизвестного человека. Тактика благодарности входит в группу *этикетных коммуникативных тактик*, которые также реализуют коммуникативную стратегию презентации, например, *тактика приветствия*:

К. Ларина: Здравствуйте, Андрей; Виктор, приветствую, здрасьте.

Данные примеры позволяют продемонстрировать общую для средств массовой коммуникации и для радиодискурса, в частности, тенденцию к интимизации общения.

На примере другого выпуска мы можем увидеть, как радиоведущая часто делает неофициальную презентацию гостя через его хобби, например, как в случае с приглашенным в студию Виктором Матизеном:

К. Ларина: Как это называется, когда туда и обратно читается одинаково? Как называется это? Ну, знаете, вы же умные люди. А роза упала на лапу Азора – как это называется? Палиндром?

Гость: Да, я специалист по палиндромам.

Стратегия презентации другого может быть также представлена *тактикой введения положительной оценки*:

К. Ларина: Андрей Кавун, режиссер, автор таких фильмов, как «Кандагар», «Охота на пиранью», «Шерлок Холмс». Что еще назвать, Андрей? «Курсанты».

В. Матизен – «Дети до 16-ти» я бы особо отметил.

К. Ларина: Фильмография обильная. Здравствуйте, Андрей.

Прилагательное «обильная» подчеркивает значительный вклад в кино одного из гостей радиопрограммы и презентует его с положительной стороны.

Из всего сказанного выше мы можем делать вывод: коммуникативные стратегии презентации и самопрезентации реализуются в радиопрограмме «Книжное казино» с помощью тактик шутки, языковой игры и интимизации, что отражает отношение ведущей программы к гостю и отношение гостя к другим коммуникантам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н.Д.* Прагматика – // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: http://tapemark.narod.ru/les/389e.html (дата обращения: 27.04.2015).

2. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.

3. *Соловьева Н В.* Стратегии презентации коммуникантов в текстах научных дискуссий // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 29-37.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АКСИОЛОГИИ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Беккер
Научный руководитель: к.ф.н. О.Б. Панова
Томский государственный университет

В современном быстро меняющемся мире отчетливо проявляется тенденция нарастания серьезного духовного кризиса человеческого общества - кризиса в большей мере *ценностного*, то есть, связанного с утратой и забвением глубинного смысла важнейших общечеловеческих ценностей, ценностных универсалий в человеческом мировоззрении. В обществе все больше снижается «порог» морали, меняется отношение к ценностям, да и сами ценности, как на всемирно-культурном, так и на национальном уровне, отходят на второй план.

В такой ситуации для ученых гуманитарного направления – философов, культурологов, социологов, филологов – становится особо актуальным поиск способа сохранения утрачивающихся, «умирающих» ценностей и, следовательно, самого пристального их внимания требуют культурные «системы», способные к сохранению и восстановлению «ценностной» памяти. Такой системой представляется Язык – «зеркало культуры», способное хранить всю историю Культуры, отражая все ее изменения. Ценности с историко-культурной точки зрения не есть нечто статичное, раз и навсегда данное, неизменное; в истории Человечества непрерывно идет *ценностный процесс*: ценности рождаются, меняются вместе с человеком, предаются забвению и могут умереть, а могут подлежать восстановлению и возрождению. Язык способен фиксировать этот процесс, поскольку и сам он – сложная, динамическая, самоорганизующаяся система [3].

С учетом вышесказанного, и в целом – в связи с осуществленным в XX-XXI в.в. лингвистическим поворотом в философии, очевидна необходимость все более получающего признание *«синергетического», «динамического»* подхода к изучению языка и "жизни" в нем ценностей в интегрированном *лингвоаксиологическом* аспекте, дающем возможность обретения знания о ценностях едином междисциплинарном гуманитарном дискурсе общими усилиями философских наук и лингвистики.

Проблема ценностей является одной из основных философских проблем с античности – еще Сократ задавался вопросом «Что есть благо?». Далее классическая аксиология развивалась в трудах Канта [8] и неокантианцев. Вопросами

аксиологии, в том числе, аксиологии языка, занимались также такие русские ученые, как Н. Лосский, [11] М. Бахтин [1], из более современных – Ильин В.В., [7] Ивин А.А [6]. Постепенно приходило осознание насколько неразрывна *связь* языка, культуры и ценностей, что и вызвало необходимость появления *лингвоаксиологии* - особого научного направления, находящегося на границе аксиологии и лингвистики, которое рассматривает *ценностный процесс в Языке* в нерасторжимом комплексе «язык – сознание – общество – культура – ценности - человек" [13]. Предметом лингвоаксиологии является язык как средство трансляции ценностей. Аксиологическая методология включает обычные лингвистические методики – традиционные (структурно-семантический анализ) и новейшие (когнитивный анализ), – но выводы формулирует в терминах и лингвистики, и аксиологии. [13] Как осуществляется ценностный процесс? Именно этот вопрос долгие годы стоял перед исследователями и на сегодняшний момент известно, что ценности не просто отражаются в языке, они формируют языковую и мировоззренческую картину мира. Концепты, мировоззренческие и ценностные универсалии – «кирпичики», создающие ценностно-языковую картину мира.

Из монографии «Картины русского мира» мы узнаем, что как с точки зрения герменевтики, так и аксиологии, осуществляется ценностное моделирование мира и, как следствие, текста, описывающего этот мир. Такое ценностное моделирование по-разному осуществляется в текстах разной природы, как, например, «Вечные ценности» (любовь, добро, мир) отражаются в формах фольклора, современные ценности отражаются в различных политических призывах и т. д.

Как уже было сказано выше, ценности динамично и гибко изменяются вместе с языком и культурой. Целесообразнее изначально наблюдать этот процесс в языках достаточно древних для того, чтобы говорить о его существовании на протяжении жизни хотя бы двух культур, имеющих долгую и богатую историю и существующих в настоящее время. Такими языками являются, например, русский язык и его прародитель – древнеславянский язык и китайский язык, также сохраняющий в себе до сих пор значимые исторические ценностные универсалии древнекитайского языка.

Мировоззренческие – ценностные универсалии – это, по В.С. Степину, категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт, в системе которого человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в единое целое все явления действительности, попадающие в сферу его опыта [17]. Общеизвестно, что ценности могут быть общечеловеческими (универсальными) и национальными. Для анализа *динамики ценностей* важны как общечеловеческие, так и национальные ценностные универсалии.

И. Кант в своей книге «Антропология с прагматической точки зрения» утверждает следующее: Человек - это высшая ценность, это личность, индивидуальность. [8] Н.О. Лосский выделяет среди абсолютных ценностей любовь, красоту, свободу и прочие. Первичной всеобъемлющей ценностью у Н.О. Лосского выступает Бог как «абсолютная полнота бытия, сама в себе имеющая смысл оправдывающий ее, делающий ее предметом одобрения, дающий ей безусловное право на осуществление и предпочтение чему бы то ни было другому» [11]. Также всеобъемлющей абсолютной ценностью, по мнению Н.О. Лосского, является человеческая личность, наделенная качествами, с помощью которых

возможно соединение с Богом. В.С. Степин выделяет следующие общечеловеческие ценностные универсалии: «человек», «общество», «сознание», «добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «долг», «совесть», «справедливость», «свобода» и т. п. [17]. В.В. Ильин выделяет такие общечеловеческие ценности как «мыслящий дух», «общество», «человек» [7]. Все вышеуказанные ученые, а также многие другие авторитетные исследователи в области аксиологии выделяют как важнейшую ценностную универсалию концепт *«Человек»*.

Также, как в русской, так и в китайской традиционной культурах широко распространен ценностный концепт «Всеединства», в русской культуре встречаемый как в древнеславянских литературных источниках, как, например, «Слово о полку Игореве» [14], так и в классической литературе – например, романах Достоевского [10], и в поэзии – творчестве Марины Цветаевой [12]. Концепт «Всеединство» присутствует у многих великих русских ученых и философов, например, Всеединство содержит в себе также эксплицитный смысл единения человека с природой, окружающим его миром. В китайской культуре наиболее близок к концепту «Всеединства» концепт «道».

Соответственно, целесообразно в данной статье рассмотреть, прежде всего, эти ценности, ценностные универсалии для отображения динамики развития ценностей и лингвоаксиологии на примере китайского иероглифа «道» в сопоставлении с русским концептом «Всеединства» и ценностной универсалии «人», в сравнении с русским концептом «Человека».

В славянской языческой культуре антропоцентризм славян построен на идее соответствия человека и Природы [13]. Человек отождествлял себя с природой, наделяя неживые объекты человеческими качествами, ставя себя «над» всем миром.

В русской православной культуре, Человек воспринимается только как Человек с большой буквы, прообраз Бога – воплощения всепобеждающего Добра [18]. В.С. Соловьев в своей докторской диссертации «Критика отвлеченных начал» уделял данному концепту очень большое внимание [15].

В китайской же культуре Человек тоже находит выражение. Концепция 人 (Жень) занимает центральное место в учении Конфуция. В «Дао дэ цзине» 人 признано благотворной основой общения людей [4], а в «Чжуан-цзы» распространено и на неживую природу в качестве «принесения пользы вещам» [19]. Дун Чжуншу во 2 в. до н.э. объявил 人 воплощением «воли Неба» в человеческом. В позднем даосизме, философии сюанъ сюэ и буддизме 人 стало играть роль одной из важнейших добродетелей - милосердия, преодолевающего барьер между Я и не-Я. Неоконфуцианцы в VIII-XIX вв. трактовали 人 как атрибут Неба (тянь), органическую единосущность индивида со всем мирозданием. Философы XX в., толкуют 人 в изначальном конфуцианстве как сознательное следование этическим нормам (Ху Ши) или спонтанную нравственную интуицию, а в неоконфуцианстве как принцип моральной метафизики, выражающий самосозидающее личностное начало.

В обеих вышеуказанных культурах человек воспринимается не просто как живое существо, а как носитель духовности, фиксирующий в сознании и выражающий в языке, посредством языка, милосердие, добро, любовь, единосущность с окружающим миром, а следовательно, всеединство.

Концепт *«Всеединство»* в русской ценностной картине мира широко представлен как в народных сказках, так и в былинном эпосе, в пословицах, поговорках, классических литературных произведениях. Единство проявляется и во всей религиозной православной концепции – идея единого Бога, единения супругов до сегодняшних дней является для человека значительным. Кроме того, идея единства присутствует и в советском политическом дискурсе (Пролетарии всех стран объединяйтесь) и в современном [2].

Основной философской универсалией в культуре Востока в целом и китайской культуре особенно，является 道 – Дао, очень близкое к понятию русского «Всеединства», что есть Путь (подход, график, функция, метод, закономерность, принцип, класс, учение, теория, правда, мораль, Абсолют). В целом Дао представляет собой соединение человека и «гуманности» [5].

Не менее интересным является сочетание 人и 道 в китайском языке. 人 (Жень) так же является и одной из самых употребляемых графем в составе других иероглифов, морфем в составе слов. Если обратиться к словам, то сочетание 人 с наиболее важными конфуцианскими и даосскими иероглифами довольно ярко выражает ценностную сущность языка. Например: 人 и 道 (Дао) вместе образуют 人道 (Женьдао) – человечность, гуманность, высшая мораль. Почему высшая мораль? Очевидно, если рисовать даосскую картину мира, мы видим две извечные истины – Небо и Землю, а между ними – человек, цель которого постичь Дао. Постигая Дао, человек стремится к высшему, духовному, соединяя в себе Небо и Землю, сплетая два этих понятия в языке и на более тонком уровне в единое Дао – идеальное бытие, или «Небытие», как утверждают китайские мудрецы.

Оттого и Высшая Мораль – одно из значений 人 – «высшие качества» соединяется с одним из значений 道 – «совершенство», то есть «совершенство есть высшие качества в человеке».

Кроме того, в китайском философском дискурсе понятия 人 и 道 определенным образом «сливаются» в единое целое. Так, неоконфуцианец Ван Гэнь утверждал: «Моя личность (шень) и дао изначально – одна вещь (цзянь). В высшей степени почтенное – это дао, [следовательно], в высшей степени почтенное – это [и] моя личность. Дай Чжэнь (XVIII в.), определяя Дао с помощью его этимологического компонента – син (движение, действие, поведение), образующего термин у-син («Сэен-цзы цзы и шу чжэн»), там же утверждал: «Человеческое дао коренится в [индивидуальной] природе, а [индивидуальная] природа имеет исток в небесном дао» [5].

В русском философском дискурсе концепты «Человека» и «Всеединства» также очень близки. Например, по В. С. Соловьеву, «Человек» входит в понятие «Бога» и это единение человека и мира и есть – «Всеединство». Кроме того, нравственной целью, по В. Соловьеву, для человека выступает всеединство как абсолютное состояние. В своей работе «Критика отвлеченных начал» В.С. Соловьев дает следующее определение человека: «Человек или человечество есть существо, содержащее в себе (в абсолютном порядке) божественную идею, т. е. всеединство, и осуществляющее эту идею (в естест-венном порядке) посредством разумной свободы в материальной природе». Также В.С. Соловьев утверждает: «Человек не хочет и не может быть только человеком; у него есть стрем-

ление к безусловному, стремление быть *всем* в единстве, или быть всеединым» [15].

Одно из значений Всеединства, выделяемое Л.П. Карсавиным – «усовершенствованное или обожествленное (абсолютизированное) тварное всеединство, отличное от Бога тем, что, когда оно есть, Бога нет, а оно само есть ставшее Богом «ничто»». Несмотря на то, что Л.П. Карсавин в целом не считал тварные существа частью Всеединства, тем не менее, допускал возможность воплощения Бога, а следовательно, и Всеединства, в человеке [9].

Таким образом, становится очевидной близость культурных особенностей двух, изначально кажущихся несопоставимыми, народов именно в ценностно-языковой картине мира.

В целом, можно сделать вывод о возрастающей роли лингвоаксиологических исследований и их значении в едином междисциплинарном гуманитарном дискурсе, в центре внимания которого по-прежнему главенствует *ценность* Человека, человеческого – гуманного – общества и Культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 426 с.
2. *Гаврилова М.В.* Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX-XXI вв. // Политическая лингвистика. –2010. – №4 (34). – С. 13–18.
3. *Гураль С.К.* Дискурс-анализ в свете синергетического видения: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 176 с.
4. *Дао-Дэ цзин*. Книга пути и достоинства. – М.: Центрполиграф, 2012. – 222 с.
5. *Духовная* культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. – М.: Восточная литература, 2006. – Т.1. – 727 с.
6. *Ивин А.А.* Аксиология. – М.: Высшая школа, 2006. – 389 с.
7. *Ильин В.В.* Аксиология. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.
8. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения. – М.: Мысль, 1798. – 743 с.
9. *Карсавин Л.П.* Сочинения. О началах (опыт христианской метафизики). – Париж: YMKA-PRESS, 1994. – Том VI. – 375 с.
10. *Кузнецова Е.В.* Художественная аксиология в романе Ф.М. Достоевского "Идиот": дис. … канд. филол. н. – Магнитогорск, 2009. – 206 с.
11. *Лосский Н.О.* Ценность и бытие. – Париж: YMCA Press, 1931. –135 с.
12. *Маслова В.А.* Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учебное пособие. – М.: Флинта Наука, 2004. – 256 с.
13. *Павлов С.Г.* Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект // Вестник Мининского университета. – 2013. – №2. – С. 11–23.
14. *Слово* о полку Игореве. – М.: Просвещение, 1984. – 14 с.
15. *Соловьев В.С.* Критика отвлеченных начал // Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т 1: Россия. – С. 581–745.
16. *Соловьев В.С.* Чтения о Богочеловечестве. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 381 с.
17. *Степин В.С.* Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. Вест. финансового университета. – 2011. –№1. – С. 8–17.

18. *Фомин В.Е.* Миф в системе русского православия // Бренное и вечное: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной. – Новгород, 2004 – С. 132–136.
19. *Чжуанцзы*. – СПб.: Амфора, 2013. – 367 с.
20. *Штумпф С.П.* Духовность. Аксиологическая направленность и социокультурная природа феномена –. URL: http://elib.kspu.ru/ upload/documents/books/2011/05/2cc90dfe85eab3ebc002a6938e48bf5d/shtumpf-sp.pdf (Дата обращения: 5.04.2015)

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

С.В. Ведренцева
Научный руководитель: к.ф.н. Ю.С. Осаченко
Томский государственный университет

Известно, что в каждом обществе, в любой период развития можно заметить трудности. Однако относительно недавно появилось представление о том, что они являются социальными проблемами, в отношении которых необходимо предпринять что-то действенное.

Термин «социальная проблема» появился в западноевропейских обществах в начале XIX века и первоначально использовался для обозначения одной конкретной проблемы – неравномерного распределения богатства. А в дальнейшем это словосочетание стало употребляться при нежелательной ситуации, которую необходимо изменить, и желательно в ближайшее время, для того, чтобы как можно раньше предотвратить появление негативных, отрицательных явлений, происходящих в обществе [5].

В настоящее время одной из главных и острых социальных проблем является преступность – следствие испорченной человеческой природы, которая находит свое отражение во всем мире. Сейчас преступление, как единичный случай преступности, воплощает такое философское понятие как «социальная проблема».

В ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) преступление определено как «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [4. СПС Консультант Плюс]. Данное определение по способу конструирования является формально-материальным, так как содержит указание как на формальный, то есть нормативный признак – запрещенность деяния уголовным законом, так и на материальный признак, то есть общественную опасность деяния, раскрывающий социальную природу преступления.

Все-таки, преступление – это порок цивилизации, или преступление – это норма? На этот вопрос испокон веков люди пытаются найти ответ. Постараемся разобраться в этом.

С самого появления общества человек живет и развивается внутри образованного нормативно-ценностного континуума. Поведение человека направляется, регулируется путем влияния социальных норм и ценностей, которые созданы для сдерживания деструктивных действий и намерений. И в случае, когда это сдерживание не работает, и действия выходят за рамки норм права, следует говорить о таком феномене, как преступление.

И как следствие, это преступление, порождаемое обществом, может быть рассмотрено со стороны, как социальной аномалии, порока, которая противоречит нормам существования.

Однако, преступность, в том же качестве производного следствия, выглядит и как, если не нормальное, то, по крайней мере, закономерное, неизбежное явление в жизнедеятельности общества.

Итак, преступность по своей природе деструктивна: она своим существованием вносит элементы дисбаланса, в большей мере, неустойчивое положение сфер общества, в его равновесие.

Преступность, направленная против конкретных субъектов, против их жизни, здоровья, чести, достоинства, собственности, против культурных ценностей несет в себе разрушение экономических, моральных и, безусловно, правовых устоев порядка в обществе. Это обуславливает создание специальных средств, в том числе, правовых, для предотвращения преступности, с целью защитить и сохранить охраняемые объекты от преступного посягательства.

Говорить о деструкции следует не только применительно к преступности, но и деструкции относительно самого субъекта преступления, так как, именно преступление «стирает» человеческое в человеке.

Что касается точки зрения о преступности, как о нормальном, закономерном явлении общества, то она является спорной.

Считается в школе социальных исследований, идущей от Г. Зиммеля, что цивилизации необходимы конфликты, опасность, нарушения для дальнейшего постепенного развития. Там, где потребность в этом исчезала, цивилизации приходили в упадок.

Сущность цивилизаций состоит в предоставлении возможности для каждого члена общества реализоваться, занять определенное место.

Натура человека неоднозначна: она способна не только создавать, но и разрушать. Поэтому изменения в обществе будут способствовать тому, что исчезновение одних видов преступлений, станет причиной, соответственно, появления новых.

Избежать же, а тем более устранить преступность, представляется невозможным, это по своей сути – утопия. Так как преступность, в первую очередь, призвана испытывать общество на прочность. Покушаясь на отдельные элементы, она тем самым заставляет его лишь укреплять свои основы, искать средства и способы для сдерживания деструктивного явления.

При этом, задача общества – не уничтожить преступность, как таковую, а ограничить масштабы ее распространения, не позволить ей подниматься выше определенного порога допустимости (в зависимости от конкретных социально-исторических обстоятельств), а также находиться под контролем уполномоченных органов и должностных лиц.

Итак, если преступление – это все-таки аномалия, то возникает вопрос: откуда в человеке зло?

Одни философы, в частности, Т. Гоббс, утверждали, что человек по своей природе злое существо, и цивилизация, гражданское общество необходимы для того, чтобы обуздывать его изначальную злонамеренную сущность.

Другие философы, например, Ж. -Ж. Руссо, напротив, были убеждены в том, что человек изначально добр и все зло проистекает вследствие деформации, извращения человеческой природы.

Третья группа философов полагала, что человек по своей природе ни добр и ни зол; он становится тем или другим в зависимости от жизненных обстоятельств. Такой, в частности, была точка зрения французских материалистов XVIII века. Философ И. Кант, автор работы «Об изначально злом в человеческой природе», представляется, во всяком случае, на первый взгляд, сторонником убеждения Т. Гоббса, он часто говорит о злонамеренности человеческой природы.

Все философы, говоря о человеческой природе, имеют в виду такие сущностные черты человеческого существа, которые ему свойственны, неизменны и

совершенно не зависят от его сознания и воли. Человек не властен над своей природой – таково убеждение всех предшественников Канта. Кант вовсе не отрицает объективной обусловленности определенных сущностных характеристик человеческого существа. Он анализирует объективно присущие человеку задатки животности, задатки человечности, задатки личности. И. Кант говорит именно о задатках, то есть таких чертах человеческого существа, которые могут и должны быть развиваемы, совершенствуемы человеком [3].

Можно обозначить три позиции, выделяемые в философии: зло является такой же силой в мире, как и добро; зло – это просто отсутствие добра; добро – от Бога, а зло – от человека, которому Бог дал свободу воли, а человек в силу ущербности своей натуры не может использовать свою свободу во благо.

Так, проявления преступности заставляет нас сплотиться, защитить гуманистические ценности, понять, что может потерять человечество, если это не предотвратить.

Зло приходит в мир только через человека, путем совершения им преступлений, сам по себе мир не добрый и не злой. Зла нет и в животном существовании. Зло есть только в человеке, который, несмотря на то, что стал человеком, продолжает в той или иной степени оставаться животным.

Для злых поступков всегда есть конкретные причины, для добрых же – нет. Всегда можно сказать, почему украл, убил, обманул. Добрые поступки неестественны, так как не имеют естественных причин. Мы не удивляемся, когда видим жадность, лень, жестокость, потому что это все естественно, это соответствует нашей животной природе, но мы всегда удивляемся человеку, который готов отдать последнее, готовому пожертвовать своей жизнью [2. С.17–18].

По мнению Ф. Аквинского, как существо биологическое, природное человек, безусловно, подчиняется естественным законам. Но, в тоже время, будучи одновременно существом социальным, то есть, существом разумным и действующим, он постоянно нарушает законы естественного развития. С точки зрения Ш. Монтескье это происходит в силу ограниченности человеческого разума, а также подверженности разума влиянию страстей, эмоций и заблуждений, которые и являются основной причиной преступлений.

Философ Т. Гоббс считал, что равенство людей по природе предполагает их равные возможности вредить друг другу. Так же как и Ф. Бекон, он видел в человеке три основные причины вражды (или агрессивности): соперничество, недоверие, любовь к славе. Следовательно, естественным состоянием для людей, по мнению Т. Гоббса, является состояние всеобщей непрекращающейся войны «всех против всех» до тех пор, пока люди живут без общей власти, держащей их в страхе. Но в этой борьбе «всех против всех» каждый человек имеет право защищать и отстаивать свое естественное право на жизнь, свободу и имущество [1. С. 21–29].

Стоит согласиться с позицией Ф. Аквинского о том, что люди могут быть как добрыми и совершенными, так и злыми и порочными. Он подчеркивал, что общество и закон должны воспринимать людей такими, какими они есть в действительности – со всеми их слабостями, недостатками и достоинствами. Однако, каждый человек, в частности, и все общество, в целом, должны стремиться к предотвращению противоправных деяний, чтобы каждый человек чувствовал себя уверенно и свободно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуревич П.С.* Философия человека. – Ч. 1. – М.: Ифран, 1999. – 166 с.
2. *Обществознание* в вопросах и ответах: учебное пособие / под ред. А. Б. Безбородова, В. В. Минаева. – М.: Проспект, 2011. – 336 с.
3. *Ойзерман Т.И.* Учение Канта об изначальном зле в человеческой природе –. URL: http: // kant-online.ru/ (дата обращения: 19.04.2015).
4. *Уголовный кодекс* Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.03.2015 г.) // Система Консультант Плюс: – / СПС Консультант Плюс. – Электрон. дан. – [М., 2015].
5. *Ясавеев И.* Социологическая проблема в социологическом лексиконе –. URL: http: // corp.fom.ru/ (дата обращения: 23.03.2015).

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНССЕКСУАЛЬНОЙ ХИРУРГИИ

С.В. Ли
Научный руководитель: А.С. Гапонов
Сибирский Государственный Медицинский Университет

В России транссексуализм относится к числу наиболее проблемных областей психиатрии, сексологии и юриспруденции. Проблема смены (коррекции) пола весьма актуальна, поскольку затрагивает не только биологический признак человека, но и его психологическую и социальную сущность. Неоднозначное отношение к смене пола современного общества, агрессивность к людям с сексуальными отклонениями приводит к тому, что для транссексуалов характерна высокая степень суицидальной активности. Это вне зависимости от причин, лежащих в основе данного заболевания, делает его социально острым и значимым. В российском законодательстве на данный момент не закреплено понятие «смена пола», отсутствуют правила об основаниях, условиях и порядке проведения транссексуальных операций, а также правовом положении лиц, которым была проведена пластическая реконструкция анатомических половых признаков.

Так же из-за наличия различных точек зрения, нет единой последовательности лечебно-реабилитационных мероприятий для транссексуалов.

Так ли необходимо проводить хирургическую коррекцию тела людям, страдающим транссексуализмом? Можно ли найти в данном случае компромисс между интересами общества и отдельного человека? Какова оптимальная последовательность этапов лечения и реабилитационных мероприятий таких больных?

Однозначных ответов на эти вопросы нет, несмотря на то, что история данного заболевания насчитывает более 150 лет. Термин «транссексуализм» был введен в 1953 году Г. Бенджамином [11].

Транссексуализм – желание жить и быть принятым в качестве представителя противоположного пола, сопровождающееся стремлением привести свое тело в как можно более полное соответствие с предпочитаемым полом с помощью гормонального лечения и хирургических методов [3].

Транссексуальная идентификация не является симптомом другого психического расстройства, такого как шизофрения, и не сочетается с хромосомной аномалией. Различают женский и мужской транссексуализм.

Ранее считалось, что в основе развития данной патологии лежат нарушения, изменения в глубоких психических процессах, формирующих самосознание, самоощущение личности. Однако результаты последних исследований свидетельствуют, что в основе развитии данной патологии лежит нарушение биологических процессов, контролирующих развитие половой идентичности во внутриутробном периоде развития [2. С.215].

Первые упоминания о транссексуалах уходят корнями в далекое прошлое, где заметки о них можно найти у Геродота, который, описывая поход скифов в Азию и Египет, упоминает про «женскую болезнь» - проклятье, ниспосланное богиней Афродитой, когда внешне нормальные мужчины носили женскую одежду и делали женскую работу [12]. Случаи половой трансформации описываются и в римской мифологии, а сведения о том, что мужчины живут в роли

женщин, полученные исследователями в ходе путешествия вглубь Северной Америки, показывают, что данный феномен существовал во все времена и в разных культурно-этнологических группах [1. С.7].

В древних культурах именно транссексуализм в значительной степени определял возникновение ряда религиозно-мистических культов, таких, например, как поклонение Молоху, «жрецы» которого культивировали обряд кастрации. Этот обряд вполне можно объяснить как свидетельство «неодолимого физиологического и психического отвращения» к собственному полу, и само оскопление как «торжество» освобождения от него [10]. В литературе описан обычай, по которому «мужчины одевались в платья женщин, и наоборот. Юноши как бы обращались в девушек после посвящения их божеству после того, как они лишались детородных органов» [9. С.168–169].

С точки зрения философии в норме существование человека рассматривается как единство материального и духовного. В случае транссексуализма возникает внутренний конфликт между этими двумя составляющими: несоответствие материального (тела) духовному содержанию. Для достижения гармонии с самим собой транссексуальным людям необходимо устранить этот дисбаланс, что и определяет их стойкое стремление в смене своего пола [4. С.1188].

Хирургическая коррекция пола направлена на устранение несоответствия между физическим и психическим полом, так как главным фактором, определяющим поведение человека в обществе, в том числе его способность быть субъектом и объектом права, является его психический пол. Необходимо иметь в виду, что при этом акушерский или хромосомный пол остается неизменным [2. С.215–219].

О первой полной операции по трансформации мужчины в женщину было сообщено в 1931 году. В России подобные операции начали проводиться с начала 70-х годов прошлого века.

Транссексуальная хирургия стала отражением реальных изменений в морально-мировоззренческом и правовом сознании человека. Медицинские разработки этого направления явились медицинским средством обеспечения этих изменений, средством обслуживания прав пациента, в частности прав на изменение пола.

По статистике признаки транссексуализма обнаруживаются у 1 из 100 000 человек [11]. В настоящее время к операциям по коррекции пола (мужского на женский; женского на мужской), ежегодно прибегают десятки тысяч людей во всем мире. Средний возраст людей, идущих на хирургическую смену пола, – 29 лет. В России ежегодно проводится более 2000 таких операций. Формально процедура смена пола бесплатна, но на практике она обходится примерно в 10 тысяч долларов, также после операции нужно проходить длительный гормональный курс, и он может стоить до 30 тысяч долларов в течение 5-6 лет [6].

Лидером по количеству хирургических вмешательств остается Таиланд. В Таиланде транссексуалам выделили отдельный пол – третий. Согласно буддийским верованиям, транссексуалы – это несчастные души, наказанные за деяния в прошлой жизни столь экстравагантным способом.

Сведи наиболее известных людей, которым была проведена хирургическая коррекция пола – израильская певица Шарон Коэн, ставшая всемирно известной исполнительницей, выступавшая под псевдонимом Dana International, актриса

Кристина Йоргансен, поменявшие мужской пол на женский; американский врач и писатель Алан Харт, американский актер и писатель Чез Салваторе Боно (сын знаменитой исполнительницы эстрадных песен Шер [8].

Среди лечащих врачей, по сей день, нет единого мнения в способах и тактике лечения пациентов из-за отсутствия единого понимания понятия «смена пола» и слабой по этому вопросу законодательной базы.

Ряд авторов полагают, что больным транссексуализмом следует оказывать психотерапевтическую помощь с тем, чтобы вернуть гармонию тела и мышления, т.е. преодолеть последствия дуалистического понимания [4. С. 1188].

Большинство же придерживаются мнения, что лучшим способом разрешения внутренних конфликтов пациентов транссексуалов является проведение операций по хирургической коррекции пола, приводящих в соответствие анатомического пола с полом психическим, с дальнейшим изменением паспортного «гражданского» пола на пол, соответствующий новым внешним данным и внутреннему ощущению [5. С. 63-67]; [9].

Последняя точка зрения в полной мере способствует разрешению внутренних конфликтов больных транссексуализмом, их скорейшей социально-бытовой адаптации и возвращению в общество.

Однако современное общество имеет отрицательное морально-эмоциональное отношение к транссексуалам. Некоторые отрицают существование этого феномена, другие проявляют любопытство, большинство же осуждают, испытывают презрение, вплоть до физического воздействия и изгнания.

Современная Православная Церковь считает, что «стремление отказаться от принадлежности к тому полу, который дарован человеку Создателем, может иметь лишь пагубные последствия для дальнейшего развития личности, а смена пола посредством проведения хирургической операции во многих случаях приводит не к разрешению психологических проблем, а к их усугублению, порождая глубокий внутренний кризис. Церковь не одобряет такого рода «бунт против Творца» и не признает действительной искусственно измененную половую принадлежность [7. С.84].

Рассматривая отношение общества, в том числе и Церкви на операции по смене пола, можно говорить о социальной дискриминации лиц, страдающих транссексуализмом, ведь каждый человек вправе сам определять свое будущее, делать свой выбор, в том числе и право на смену пола.

Для того чтобы люди, сменившие пол, смогли гармонично вписаться в общество в том виде, в котором они себя комфортно ощущают, обществу необходимо признать транссексуализм как болезнь, выработать толерантное отношение к транссексуалам и проведению операций по коррекции пола; разработать правила и законы об основаниях, условиях и порядке проведения транссексуальных операций, а также правовом положении лиц, которым была проведена пластическая реконструкция анатомических половых признаков.

Таким образом, круг правовых и социально-этических вопросов, возникающих как до момента операции по смене пола, так и после нее требует дальнейшего глубокого, детального изучения и обсуждения в научной среде, и законодательного разрешения с учетом положений, разработанных наукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калинченко С.Ю.* Транссексуализм. Возможности гормональной терапии – М.: Практическая медицина, 2006.
2. *Каплан Г.И., Седок Б.Д.* Клиническая психиатрия. М.: Медицина, 1994. – т.1. – С. 215–219.
3. *Классификация* психических расстройств по МКБ-10. Клинические описания и диагностические указания –. URL: http://psychiatr.ru/download/1310?view=1&name=МКБ+10+Исследовательские.pdf (дата обращения: 27.06.2015).
4. *Майданова А.Р., Степанян Ю.Ф.* «Смена (коррекция) пола» сквозь призму биоэтики. Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. – Т. 4. – № 11. – С.1188
5. *Матевосян С.Н.* К вопросу о медико-социальных и юридически-правовых аспектах смены пола. Андрология и генитальная хирургия. 2008. № 3. – С.63–67.
6. *Операция* по смене пола поможет людям, живущим не в своем теле –. URL: http:// udoktora.net/operatsiya-po-smene-pola (дата обращения: 27.06.2015).
7. *Основы* социальной концепции Русской Православной Церкви. – ИБ ОВЦС Московского Патриархата. – 2000. – № 8. – С.84.
8. *Отделение* Реконструктивной Хирургии, Андрологии и Сексопатологии (РХАС), г. Москва –. URL: http://tmedi.ru/operacii/o-smene-pola/operaciya-po-smene-pola (дата обращения: 27.06.2015).
9. *Розанов В. В.* Люди лунного света. – М., 1990. – С.168–169.
10. *Силуянова И. В.* Биоэтика в России: ценности и законы. –. URL: http://rsmu.ru/334.html (дата обращения: 27.06.2015).
11. *Шишкина Ю.С.* Медико-правовые проблемы смены пола. Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. – № 73. – С.66–70.
12. *Surgical* conversion of genitalia in transsexual patients L.Jarolim Department of Urology of the 1st Medical Faculty, Charles University of Prague, Czech Republic –. URL: http://library.transgenderzone.com/?page_id=1036 (дата обращения: 27.06.2015).

СВЕТ – ЧАСТИЦА ИЛИ ВОЛНА?

С.Н. Росляков, Д.Ю. Гаврилов
Научный руководитель: И.Ю. Кузьменко
Томский Государственный Университет

В вопросе о том, что такое свет до сих пор не поставлена точка. Теория корпускулярно-волнового дуализма, одна из основ физике, пытаться нам описать, что такое свет? Разберемся с этим понятием. Для начала определимся с тем, что это такое. Корпускула – это частица, дуализм – «двоякость», а само явление корпускулярно-волнового дуализма заключается в двояком существовании света: он может быть и частицей, и волной.

Это явление является одним из самых спорных и неясных в физике. Но, тем не менее, оно не только имеет место быть в такой точной, естественной и серьезной науке, но и находит свое применение. Наиболее бытовое применение, с которым сталкивался каждый это современные фотоаппараты. Но мы не будем останавливаться на технических деталях, а постараемся показать это явление в философском свете и продемонстрируем таким образом одну из проблем естественных наук. Долгое время физики верили, что свет – это волна. Есть какой-то источник света, он колеблется, создает волны света и они передаются до нашего глаза, к примеру. Потом появились сторонники того, что свет – это все таки совокупность частиц, и, начиная оспаривать старую теорию, ученые в итоге сошлись на том, что одно другому не противоречит. Изначально свет является волной, т.к. это, «удобнее» для его перемещения, потом, встретив на своем пути огромное по сравнению с самой волной препятствие он «превращается» в частицу, чтоб ему снова стало «удобнее» ударится об препятствие и оттолкнуться, чтобы лететь дальше в виде волны. Опять же, если он встретит на своем пути незначительное препятствие в виде пылинки, он останется по-прежнему волной, т.к. ему «проще» такое препятствие проще обойти, нежели оттолкнуться от него.

Опыт юнга является толчком к теории о корпускулярно-волновом дуализме. Было проведено два простых опыта со светом. Первый опыт: была стенка с щелью и экран (см. рис.1а). Когда свет падает на стенку, то на экране мы видим след по длине и ширине совпадающей с щелью. Путем несложных выводов Юнг понял, что в данном опыте свет ведет себя, как совокупность фотонов – т.е. мельчайших частиц. Второй опыт был проведен следующим образом: была стенка с двумя щелями и экран (см. рис. 1б). После того как Юнг посветил светом на щель, то на экране он не обнаружил двух следов, которые по длине и ширине напоминали бы щели. Он увидел иную картину, множество полос темного и белого цвета.

Юнг понял, что в этом опыте свет ведет себя как волна. Юнг не понимал, как свет может вести себя двояко? Он решил продолжить опыт. Он принес прибор, который должен был зафиксировать, как именно себя ведет свет при столкновении с двумя щелями второй стены, т.е. прибор должен был выполнить функцию обычного глаза, который видел очень мелкие детали. Когда использовался прибор на опыте с двумя щелями осталось только две полосы (от каждой щели), то есть свет вел себя уже как совокупность мельчайших частиц.

Рис. 1. Опыты Юнга. Слева (а) опыт с одной щелью, справа (б) опыт с двумя щелями.

Юнг пришел к выводу, на который в наши дни опираются многие знаменитые авторы (такие как Вадим Зеланд «Трансерфинг реальности» или Берн Ронд «секрет»), сторонники того, что мысли материальны, он понял, что поведение света зависит не только от наличия препятствий, как мы говорили ранее, но и от наличия наблюдателя. Если наблюдатель есть, он «следит» за светом (причем наблюдатель, как мы заметили, может быть искусственным), то свет будет совокупностью частиц не зависимо от остальных обстоятельств, если же наблюдателя не будет, то свет может быть и волной. Утрированно говоря, что когда кто-то за светом наблюдает, то свет «стесняется» вести себя, как волна и ведет себя как частица.

С изотерической точки зрения, да и с точки зрения банального литературного и художественного символизма, свет имеет огромное значение и в большинстве случаев преподноситься людям как нечто божественное. Если принять это предположение за условно верное направление, но все же отнестись к нему со скептицизмом (а в физике собственно так многие открытия и делались), можно предположить, что свет действительно «думает о людях» и хочет освещать все более ярко при наличии наблюдателей, а еще и при желании этих же самых наблюдателей, как собственно многие современные авторы, о которых говорилось ранее, взять и обыграть такое поведение света, как проявление божественного начала в этом, несомненно важном физическом явлении. Но эти рассуждения нам лучше прекратить, т.к. это однозначно все сведется к спору, в котором ни одна из сторон не сможет опереться в конечном итоге на неоспоримый факт. Мы пытаемся оголять недостатки естественных наук, проливая на них свет философии. Явление корпускулярно-волнового дуализма было подтверждено опытом. Есть формулы, по которым можно предсказывать поведение света, эти формулы приводят к верным результатам. Многие ученые утверждали, что это явление существует во всех мельчайших частицах, а не только в фотонах (частицы света) и это были авторитетные ученые, которым было на что опираться.

Но, по сути, это явление не сводится ни к каким аксиомам и соответственно не помещается ни в одни рамки какой-либо физической теории полностью. То есть, продолжая спор, часть ученых решила что поверит, часть решила, что не станет.

Ни в коем случае мы не хотим сказать, что гуманитарные науки это что-то не важное, и мы сейчас подчеркиваем это, но для нас, как и для большинства людей занимающихся естественными науками (проводился формальный опрос), создается впечатление, что почти в каждой гуманитарной науке все упирается в вечный спор из-за отсутствия каких-либо аксиом, на которые в конечном счете можно опереться, и в итоге сказать: «Именно поэтому я абсолютно прав, а ты ошибаешься». Но даже физики, люди далекие от гуманитарных наук, понимаем, что именно в этом и заключается, красота всех этих наук. Но для естественных наук, по мнению большинства физиков и математиков, наличие теорий, не упирающихся ни в одну из аксиом, – это непозволительная роскошь. Ни один самолет не стал бы летать, если бы причины по которым он может летать шли бы в разрез с причинами, по которым не летает стул. Ни одно оружие не давало бы гарантию выстрела, если бы его поведение зависело бы от наличия или отсутствия наблюдателя и уж тем более его каких-либо мысленных желаний. Естественные науки не любят таких спорных моментов, и мы видим, что их отсутствие дает толчок научно-техническому прогрессу.

Суть Специальной теории относительности (СТО) – все явления везде протекают одинаково; скорость света везде одинакова, ни от чего не зависит и является максимальной скоростью распространения материи. Одним из создателей СТО является авторитетный ученый Эйнштейн. Согласно эффекту релятивистского замедления времени каждый из близнецов считает (и это подтверждается его наблюдениями), что часы другого близнеца идут медленнее, чем его часы. Если один из близнецов улетит, а потом вернется, то кто из них окажется младше? Согласно СТО младше окажется улетавший и вернувшийся. Возникает парадокс: Почему, если каждый видел, что время замедляется у другого, младше становится именно улетавший? Этот мысленный эксперимент разрушил все, что знали люди. Тогда ученые нашли достаточно простой выход из этой ситуации, они решили, что любая теория имеет свои частности. СТО – это частный случай для тел, которые движутся медленно. И что тогда в итоге может быть, если есть случай, когда все очень быстро летает? Или очень медленно?

Большинство воистину гениальных открытий было совершено именно с принятием того, что в естественных науках, как и в гуманитарных, можно вечно спорит. Даже о том, что уже давно доказано. А проблема естественных наук заключается не в том, что есть теории, не упирающиеся ни в одну аксиому, а в том, что большинство ученых, все еще стереотипно полагает, что у нас мало параллелей с гуманитарными науками, отвергает спорные теории и тормозит прогресс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бройль Л.* Революция в физике. – М.: Атомиздат, 1965. – 230 с.
2. *Бройль Л.* Введение в волновую механику. – Харьков- Киев: Госнаучтехиздат Украины, 1934.
3. *Гейзенберг В.* Физика и философия. – М., Наука, 1989. – С. 3–132.
4. *Кузнецов Б. Г.* Беседы о теории относительности. – М.: Наука, 1965. – 157 с.
5. *Матвеев А.Н.* Механика и теория относительности. – М.: Высшая школа, 1976 – 225 с.
6. *Пан В.Б.* Физика причины и следствия & Физика свойств состояний времени или Общая теорема временных пространств. – М.: Идан, 2011. –146 с.

ВЕГЕТАРИАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

И.С.Фадина
Научный руководитель: Афанасьева Д.О.
Томский государственный университет

Вегетарианство становится все более распространенной практикой как в мире, так и в России. По данным Федерального статистического управления Германии в 2013 году в стране насчитывалось 10% вегетарианцев, это число практически постоянно и даже имеет положительную динамику (от 2012 до 2013 года) [6]. Также, по данным исследовательского портала «Superjob», в России насчитывается 3% вегетарианцев на 2008 год и 4% на 2013 год [1]. Существует несколько мотивов перехода к вегетарианству – это религиозный, экономический, экологический, этический и стремление к здоровому образу жизни. В контексте данного исследования, автор будет сосредоточен на распространенном мотиве перехода на вегетарианство – стремлении к здоровому образу жизни. Отметим его в количественном аспекте. Фонд общественного мнения проводил опрос на тему вегетарианства в 2014 году среди Россиян, в ходе которого было выявлено, что 11% опрошенных считают: люди, следующие вегетарианству, заботятся о собственном здоровье [3]. Отметим, что опрашивались люди вне зависимости от того, являются они вегетарианцами или нет. Также университетом Йены в 2007 году были отмечены важнейшие основания вегетарианского образа жизни, где было выявлено, что для 28% мужчин и 16% женщин основанием перехода к вегетарианству является стремление к здоровому образу жизни [5]. Таким образом, и во всем мире, и в России практика вегетарианства присутствует, при этом можно предположить, что она оказывает определенное влияние на здравоохранительное поведение и отношение к здоровому образу жизни. Ситуация такова: в России как и в других странах практика вегетарианства присутствует, но не исследована должным образом. Но, несмотря на то, что вегетарианство имеет вклад в составляющие компоненты здоровья, а также в России присутствует практика вегетарианства, исследований на эту тему проведено не было. При написании данной статьи автор использовал следующую теоретическую базу: феноменология Альфреда Щюца, социология культуры Ионина и Михайловой, понятия здоровья и болезни Толкотта Парсонса в работе о понятии общества: его компонентах и их взаимодействиях. Эмпирической базой послужили исследования университета Йены 2007 года о вегетарианстве, данные исследовательского портала «Superjob», статистические данные о количестве вегетарианцев Германии Федерального статистического управления Германии, также собственное разведывательное исследование автора о понятии «здоровый образ жизни». Объем выборочной совокупности – 120 человек. Способ формирования выборки – случайная гнездовая. Опрашивались студенты ТГУ: включая 16% Факультет иностранных языков, 17% Геолого-географический Факультет, 17% Физико-технический факультет.

Одна из особенностей здравоохранительного поведения – «социальность». Здравоохранительное поведение имеет свою социальную детерминированность. Согласно Толкотту Парсонсу: «Здоровье и болезнь – состояния индивидов не только на личностном, но и на социальном уровнях, оцениваемые и институци-

онально закрепляемые в культурах и социальных структурах различных обществ». На основе этого определения, здравоохранительное поведение вегетарианства в системе здоровья и болезни выступает функцией человека, преобразующей его социальный опыт. К социальному опыту относятся – поведение вегетарианца и окружающих в тех или иных ситуациях – история его жизни, мировоззренческий уклад, а также личное отношение к ситуациям, имеющим отношение к понятиям здоровья биологического и социального, к понятию вегетарианства. Причем данная функция формируется с включением личных возможностей и потребностей индивида [2].

Для того чтобы вписать вегетарианство в контекст здорового образа жизни и здравоохранительного поведения, определим точку зрения институтов здравоохранения по отношению к вегетарианству. В среднем, отношение медицинских организаций к вегетарианству можно признать положительным, даже несмотря на трактовку и представления многих людей о вегетарианстве как о крайне экстремально ограниченной диете, с исключением многих необходимых питательных веществ. В первую очередь, в стороне от острой критики оказывается нестрогое вегетарианство, допускающее употребление молочных продуктов и/или яиц. Медицинские организации имеют представление о (нестрогом) вегетарианстве как о диете, способной положительно влиять на биологические, социальные и психологические тенденции человеческого организма. Однако о сыроедении и макробиотике данные организации отзываются отрицательно.

Автором было проведено разведывательное исследование на тему «Здоровый образ жизни», использовался метод группового анкетирования. В анкете присутствовал вопрос, отражающий отношение учащихся к вегетарианству. Был задан проективный вопрос: «Представьте себе ситуацию в будущем: Ваш ребенок сообщает Вам, что хочет перейти на вегетарианство, как Вы поступите?». Предложенные варианты ответов отражали отношение учащихся к вегетарианству:

1) Поддержу идею на словах – положительное отношение;

2) Помогу составить рацион – положительное отношение, стремление к рациональному действию;

3) Оставлю выбор за ним – нейтральное отношение;

4) Объясню свое негативное отношение, но решение оставлю за ним – негативное отношение, но рациональное действие при этом;

5–6) Запрещу «своевольничать» в отношении питания и буду «тайно» подкладывать продукты мясного происхождения – негативное, нерациональное поведение (см. табл. 1).

Таблица 1

Поведение при вегетарианстве ребенка (%)

Поддержу идею на словах	6
Помогу составить рацион	26
Оставлю выбор за ним, это его личное дело	25
Объясню свое негативное отношение, но решение оставлю за ним	38
Запрещу «своевольничать» в отношении питания	5
Буду «тайно» добавлять ему в пищу продукты животного происхождения	1

Из представленной таблицы видно, что большая часть опрошенных склонны к негативному отношению, но рациональному действию при этом, далее следует положительное отношение с рациональным действием, и менее всего опрошенных отметили просто положительное отношение и негативное отношение с нерациональным действием. Связывая данные показатели по способам поведения при вегетарианстве ребенка с полом опрашиваемых, было выявлено более толерантное отношение девушек к вегетарианству.

Здоровый образ жизни имеет центральное положение в изучении здравоохранительного поведения, а также здоровья населения в целом. *88%* опрошенных признают, что здоровый образ жизни помогает обрести человеку успех в других сферах жизнедеятельности. Наибольшее влияние на здоровье человека оказывает способ его жизнедеятельности, его поведенческие привычки.

Связанность повседневности и здравоохранительного поведения обусловлена следующим показателем: 30% опрошенных утверждают, что здоровье, в первую очередь, помогает обрести успех человеку в повседневных ситуациях. Также здоровье помогает обрести успех человеку в организации досуга и сфере занятости, по мнению 27 и 26 процентов, соответственно. Меньшая часть опрошенных утверждали, что здоровый образ жизни помогает человеку обрести успех в общественной и научно-исследовательской деятельности (см. табл. 2).

Таблица 2

Сферы, в которых здоровье помогает обрести успех (%)

В повседневных ситуациях (общение с другими людьми, атмосфера дома и т.д.)	30
В организации досуга (путешествия, развлечения)	27
В сфере занятости (работа или учеба)	26
В общественной деятельности (политическая активность, волонтерство и т.д.)	12
В научно-исследовательской деятельности	3
Другое	3

Таким образом, автором может быть включена повседневность в анализ. Шюц выделял шесть типов или же элементов повседневности, определим их относительно данного исследования: 1) Трудовая деятельность. Спектр присутствующих профессий вегетарианцев широк: от инструктора по фитнесу, домохозяйки, «йога-тичера» до менеджера по продажам, кассира-операциониста, экономиста и инженера. 2) Уверенность в существовании мира – предполагает убежденность человека в существовании окружающего мира и своем существовании в нем, является ли этот мир реальным по отношению к самому человеку (вегетарианцу) и по отношению к внешней среде приверженца вегетарианству. 3) Напряженность в отношении к социальной реальности – предполагает комфортность вегетарианца проживания в имеющемся социуме, отдельной социальной группе, в которую он включен, его отношение, негативное или же позитивное по отношению к социальной действительности. 4) Индивидуальное переживание времени и пространства. 5) Особенности личностной уверенности и определенности действующего члена общества, в данном контексте, вегетарианца. Определенно, уверенность в ведении вегетарианского образа жизни,

настойчивое его ведение, следование его «стандартам», подкрепленным стремлением к здоровью - важный фактор. Если человек не уверен в том, чему он следует, то и соответствующей определенности в своем образе жизни он иметь не может [4].

Проявление такого поведения в контексте вегетарианского образа жизни, основой которого является здоровый образ жизни, представлено занятием физкультурой и спортом, контролем массы тела, соблюдением режима дня – продолжительный сон, своевременное сбалансированное питание, с учетом исключения мясных продуктов, поддержанием эмоционального благосостояния, отказом от вредных привычек. Также в результате анализа проведенного исследования была определена зависимость готовности перехода к вегетарианству от наличия вредных привычек. Среди респондентов, не имеющих вредных привычек, доля тех, кто считает, что вегетарианство является приемлемым способом питания и жизни – выше и составляет 26%, по сравнению с аналогичным показателем среди респондентов, имеющих вредные привычки, при этом мы можем говорить о статистической значимости этой зависимости. Ассимптотическая значимости Хи-квадрат Пирсона = 0,081, ассимптотическая значимость отношения правдоподобия = 0,075 (см. табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь между приемлемостью вегетарианства и наличием вредных привычек (%)

	Есть вредные привычки	Нет вредных привычек
Вегетарианство приемлемо лично для человека	17	26
Вегетарианство не приемлемо лично для человека	78	60
Затрудняюсь ответить	5	15

В заключение, приведем последнюю таблицу из разведывательного исследования, проведенного автором. Диаграмма отражает, что 50% опрошенных понимают здоровый образ жизни, как норму жизни каждого человека. 25% - признают ЗОЖ обязательным условием развития общества. И оставшиеся 25% распределены между категориями негативного представления ЗОЖ – излишняя нагрузка на организм, преувеличенная проблема и трата большого количества времени и денег (см. табл. 4).

Таблица 4

Суть понятия «здоровый образ жизни» (%)

Это излишняя нагрузка на организм	8
Это обязательное условие развития общества	25
Это преувеличенная проблема	4
Это норма жизни каждого человека	50
Это трата большого количества времени и денег	8
Другое	4

Таким образом, на основе анализа собранной информации из статистических источников и источников литературы, а также на основе проведенного разведы-

вательного исследования, можно говорить о возможности включения вегетарианства в контекст здорового образа жизни и здравоохранительного поведения. Также значительная часть респондентов ассоциирует вегетарианство со здоровым образом жизни, что может повлечь за собой трансформацию здравоохранительного поведение и здравоохранительных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исследовательский* центр портала Superjob.ru. К вегетарианству в России относятся благожелательно, но практикуют редко –. URL: http://www.superjob.ru/research/articles/111380/k-vegetarianstvu-v-rossii-otnosyatsya-blagozhelatelno-no-praktikuyut-redko/ (дата обращения: 06.05.15)
2. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения: пер. с англ., фр., нем., ит. // Теоретическая социология: антология: в 2 ч. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 103–107.
3. *«ФОМнибус»*. Кто такие вегетарианцы? Почему становятся вегетарианцами? Легко или трудно отказаться от животной пищи –. URL: http://fom.ru/Obraz-zhizni/11676 (дата обращения: 06.05.15)
4. *Щюц А.* Структура повседневного мышления: пер. с анг. // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.
5. *Der* Friedrich-Schiller Universität Jena. Der Vegetarierstudie der Friedrich-Schiller Universität Jena. Ergebnisse der Vegetarierstudie –. URL: http://www.vegetarierstudie.uni-jena.de/ (дата обращения: 06.05.15)
6. *Statistiken* und Marktdaten zu Ernährung und Lebensmittelindustrie. Umfrage in Deutschland zur Anzahl der Vegetariener bis 2014 –. URL: http://de.statista.com/statistik/daten/studie/173636/umfrage/lebenseinstellung---anzahl-vegetarier/ (дата обращения: 06.05.15)

СЕТЕВЫЕ ИСТОЧНИКИ И РАБОТА ИССЛЕДОВАТЕЛЯ: АВТОРИТЕТ ДРУГОГО

А.С. Цыганков
Научный руководитель: д.ф.н. И.Н. Федулов
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Проблема использования сетевых источников информации является одной из самых актуальных для современного исследователя-гуманитария. В особенности для тех ученых, которые осуществляют свои научные изыскания в области философии, политологии и новейшей истории. Для того, чтобы приблизится к возможному разрешению данной проблемы, следует предварительно определить что дает возможность рассматривать сферу виртуальной реальности в качестве того пространства, в границах которого информация воспринимается как истинная? Каким образом трансформировался образ авторитетного Другого, предоставляющего информацию о событии, после перехода его в виртуальную реальность?

В основе восприятия информации как достоверной лежит пресуппозиция доверия к тому, кто эту информацию предоставляет. Так, у меня нет лично возможности побывать в каком-либо месте и времени, чтобы увидеть своими глазами нечто и тем самым убедится в том, что мой информатор сообщает мне истину об этом нечто. Доверие взаимосвязано с авторитетом информатора, чем он выше, тем менее критично воспринимается передаваемая им информация. Для того чтобы как-то проверить ту информацию, которую я получаю, я могу сравнить ее с другой информацией, имеющейся по тому же вопросу, обратиться к другому авторитету. При этом сама истинность понимается в таком случае как совпадение информации о том, или ином явлении, проблеме с тем, как обстоит дело с этим явлением или проблемой самой по себе. Подобное восприятие истинности информации пребывает в границах классической теории истины, что открывает иную пресуппозицию, согласно которой авторитет способен на более точное и четкое восприятие действительности, а также в принципе на отражение вещей такими, какими они являются сами по себе.

Подобный метод работы с источниками был хорошо известен и в досетевую эпоху, на чем отдельно останавливал свое внимание специалист в области философии истории Р. Дж. Коллингвуд в книге «Идея истории». Но что изменилось с возникновением виртуальной реальности и появлением сетевых источников? Авторитеты потеряли свое лицо, были деперсонализированы, что особенно характерно для платформы Web 2.0., той платформы, которая подразумевает практически полную «открытость системы» для пользователей, ее интерактивность. Получается, что исследователь-пользователь вынужден доверять некоему глобальному Другому, который не может быть авторитетом в старом значении этого слова, поскольку просто не известен как личность. Другой может быть кем угодно, из чего следует, что доверие исследователя становится обезличенным. Нельзя знать ни политических предпочтений автора, ни его национальной принадлежности, т.к. за иконкой-аватаром с европейским именем может скрываться так называемый «тролль», чья родина находится где-нибудь в Средней Азии и чьи религиозные и политические предпочтения ближе к исламскому фундаментализму. В подобного рода ситуации исчезает возможность проверки информа-

ции, содержащейся в источнике, посредством обращения к иному источнику, авторитету, т.к. Другой безличен в целом на платформе Web 2.0 [3]. Иными словами нет большой разницы, какую статью из Википедии просматривать. В этой связи не представляется удивительным, что на карте Web 2.0, разработанной на конференции FOO Camp, несколько раз ограничена область «доверия» как «Радикального доверия» и «Доверие к пользователям». «Радикальность» доверия в данном случае обозначает не что иное, как невозможность выявить ту границу, за которой пролегает недоверие. С таким же успехом возможно было бы говорить о «радикальном недоверии», однако в таком случае сама идея Web 2.0, основанная на возможности коммуникации пользователей и создании ими своего интернет-ресурса и своего виртуального пространства, в котором они определяют ценность информации, не смогла бы реализоваться. Это было невозможно в виду того, что любая успешная коммуникация, т.е. так коммуникация, в результате которой удалось достигнуть желаемой цели, основывается на доверии.

При этом несмотря на то, что Другой не может быть вписан в привычные представления об авторитете, он не менее принуждает к доверию. В отличие от старых авторитетов, которые являлись персонами и с легкостью могли быть маркированы именно в качестве авторитетов, дигитальный Другой ускользает от подобного определения за счет своей обезличенности. Сама опора на авторитеты опасна для гуманитарного познания, поскольку с легкостью приводит к искажению реальности по причине отсутствия критики, которая дает возможность «со-мыслия» носителю информации, освобождает путь по следам его мысли, благодаря чему и возможно выяснение истинны утверждения. В этой связи представляется правомерным утверждение Р.Дж. Коллингвуда, обосновывающего возможность работы историка, звучащее следующим образом: «В определенном смысле эти мысли сами представляют собой события, случившиеся во времени, но так как единственным способом, с помощью которого историк может открыть их, оказывается их воспроизведение им в самом себе, то в другом смысле, и смысле очень важном для историка, они вообще вне времени» [1. С 207].

Отдельно следует сказать о проблематике власти Другого над исследователем. Она проявляется уже в момент поиска информации, которая отбирается в согласовании с так называемым «коллективным разумом» – мнением пользователей о полезности того или иного найденного ими источника информации. Исследователь подчинен системе виртуальной реальности уже в момент подключения к ней. Так, при поиске интересующей вас информации в поисковых системах типа Google или Яндекс страницы, которые открываются по вашему запросу, расположены именно в согласии с их уровнем востребования у других пользователей. «Компания Google достаточно удачно применяет в своей работе элементы "коллективного разума": ее поисковик учитывает количество входящих ссылок для ранжирования веб-страниц в результатах поиска. Кроме того, Google учитывает мнение пользователей по поводу этих самых результатов поиска» [2]. Иными словами если ложная информация, становится популярной, то она вытесняет из наиболее доступного для пользователя интернет пространства, любую непопулярную информацию. Подобный виртуальный Другой, утверждающий свою информационную власть над исследователем-пользователем, начинает сильно напоминать хайдеггеровского «das Man», переведенного на

русский язык В.В. Бибихиным как «люди». «Мы наслаждаемся и веселимся, как люди веселятся; мы читаем, смотрим и судим о литературе и искусстве, как люди смотрят и судят; но мы и отшатываемся от "толпы", как люди отшатываются; мы находим "возмутительным", что люди находят возмутительным» [4.С.213].

Таким образом, работа с сетевыми источниками сопряжена с новой формой авторитета, которая представлена в образе обезличенного Другого. В отличии от авторитетов-личностей авторитет Другого основывается на более тонкой манипуляции исследователем-пользователем, что может привести к искажению действительности в сознании последнего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коллнигвуд Р.Дж.* Идея истории. – М.: Наука. 1980. – 485 с.
2. *О'Рейли Т.* Движение в новую реальность –. URL: http:// geektimes.ru/post/30877/ (дата обращения: 23.04.2015)
3. *О'Рейли Т.* Что такое Web 2.0? –. URL: http://old. computerra.ru/think/234100/ (дата обращения: 23.04.2015)
4. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Академический проект, 2013. – 460 с.

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА: ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ АВТОМАТИЗАЦИИ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

К.С. Кочергина
Научный руководитель: д.филол.н. Т.А. Демешкина
Томский государственный университет

В судебной практике лингвистическая экспертиза назначается по делам различных категорий: административным (обвинение в клевете, оскорблении), гражданским (защита чести, достоинства и деловой репутации) и уголовным (обвинение в неуважении к суду, оскорблении представителя власти; обвинение в экстремистской деятельности, угрозах, возбуждении расовой, религиозной, национальной и социальной ненависти и вражды). *Судебная лингвистическая экспертиза (СЛЭ)* – это «процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и (или) письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в языкознании и судебном речеведении» [5]. *Объект* СЛЭ – продукты речевой деятельности (зафиксированные устные/письменные тексты), представленные на любом материальном носителе; *предмет* СЛЭ – «установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных познаний в области лингвистики» [5]. В ходе проведения СЛЭ решаются такие типовые *задачи*, как: 1) интерпретация смысла высказываний и 2) их лингвистическая квалификация (например, экстремистская направленность, угроза, оскорбление).

СЛЭ является одной из главных форм использования возможностей современного языкознания в судебной практике [4]. Формулировка из приведенного выше определения предмета СЛЭ «*познания в области лингвистики*» означает привлечение в качестве эксперта такого специалиста, как лингвист, что одновременно и обозначает сферу его возможной деятельности в ходе экспертизы, и накладывает ограничения на область других (смежных с лингвистикой) вопросов. К.И. Бриневым описаны *пределы компетенции лингвиста-эксперта* по различным категориям дел: «В компетенцию лингвиста-эксперта входят вопросы, относящиеся к науке лингвистике, которая изучает закономерности устройства естественного языка и закономерности использования естественного языка при производстве и восприятии речевых произведений теми, кто пользуется кон-

кретным естественным языком, например, русским» [2. С. 6]. В компетенцию лингвиста входит установление следующих фактов: является ли речевое произведение призывом, угрозой, рекламой или является оскорбительным, а также выражает ли говорящий оценку в приличной или неприличной форме. Однако в компетенцию лингвиста не входит решение вопросов из следующих сфер:

1) из юридической сферы,
2) из сферы психологии, социальной психологии,
3) из сферы этики,
4) из теории познания (гносеологии),

поскольку лингвист не является специалистом в каждой из этих областей – психологии, юриспруденции и других.

Лингвист-эксперт как специалист в обозначенной выше области должен следовать своей профессиональной этике, поскольку его действия (решения) и их последствия могут оказывать разного рода влияние на людей. *Профессиональная этика* представляет собой особую форму ответственности, обусловленную тем или иным родом профессиональной деятельности [1]. В данном случае специфика деятельности лингвиста как судебного эксперта заключается в даче экспертного заключения, которое может стать основанием для вынесения судебного решения в отношении другого лица.

Охарактеризованные выше параметры экспертной деятельности лингвиста – ограничение пределов компетенций и соблюдение профессиональной этики – характерны для традиционного формата СЛЭ, проводимой вручную. Вследствие этого на процедуру проведения СЛЭ с применением средств автоматизации также распространяются эти ограничения, однако помимо них возникают дополнительные. Прежде чем перейти к их описанию необходимо определиться с выбором типа разрабатываемой лингвистической *экспертной системы* (ЭС): автоматическая или автоматизированная. Автоматическая ЭС отличается от автоматизированной тем, что не предполагает участия человека-оператора в управлении ходом работы программы. Исходя из описанной выше специфики СЛЭ, участие человека не может быть полностью исключено из этого процесса. Следовательно, разрабатываемая ЭС не должна выполнять все задачи, поставленные перед лингвистом-экспертом в рамках назначенной судом экспертизы, поэтому она должна носить лишь автоматизированный характер и ограничиваться выполнением действий на тех этапах, которые могут быть алгоритмизированы и легко проверены, то есть вне области интерпретации. По мнению Ю.К. Орлова, «автоматизация экспертного исследования не колеблет основных принципов судебной экспертизы. При автоматизированном исследовании эксперт также дает заключение от своего имени и несет за него личную ответственность» [6. С. 49].

Определение границы применения средств автоматизации обработки текстовой информации при проведении судебных экспертиз в целом и лингвистической экспертизы в частности является актуальным дискуссионным вопросом, который не может быть решен однозначно. Существует две точки зрения на решение проблемы соотношения «человек или машина», однако «несмотря на неоднозначность решения этого вопроса, превалирует концепция, требующая передачи ЭВМ любого количества формализуемых операций с оставлением экс-

перту только частей исследования, требующих его творческих способностей» [3. С. 322].

Полученные результаты являются конечным продуктом работы программы, но не итогом лингвистической экспертизы, поскольку требуют последующей интерпретации специалистом на основании его профессиональных знаний: он будет опираться на полученные «сигналы» при составлении экспертного заключения.

Описываемый тип ЭС представляет собой дополнение к основной методике СЛЭ – систему интеллектуальной поддержки процедуры СЛЭ, цель которой заключается в сопровождении процедуры СЛЭ посредством автоматической обработки естественно-языкового текста (на русском языке), а именно выполнение двух задач:

1) поиск и маркирование оценочной лексики в конфликтных текстах;

2) определение адресного/безадресного характера употребления инвективной лексики с дальнейшим установлением объекта оценки.

Из преимуществ проведения экспертизы с применением средств автоматизации можно назвать следующие:

1) оптимизация процесса проведения экспертного исследования (сокращение временных и трудовых затрат);

2) объективизация результатов за счет возложения части ручной работы оператора (эксперта-лингвиста) на машинную обработку;

3) возможность вывести (распечатать) промежуточные результаты для проверки хода работы заложенных в программу алгоритмов. Последний пункт представляется одним из важных для разработки ЭС в том плане, что «достоверность машинного вывода определяется, прежде всего, надежностью алгоритма и программы, в соответствии с которыми этот вывод сделан» [6. С. 49].

Отметим, что особенностью лингвистической ЭС является то, что и запросы пользователя, и ответы ЭС, а также сам объект экспертирования представляют собой тексты на русском языке. Специфика современного русского языка (например, контекстуальная зависимость оценочной семантики слов) не позволяет добиться абсолютной достоверности машинного вывода, что также является одной из причин необходимости его финальной интерпретации лингвистом.

Взаимодействие пользователя с данной ЭС осуществляется на естественном языке (русском языке) в вопросно-ответной форме, то есть реализуется *человеко-машинный диалог*. Условно человеко-машинный диалог может быть представлен в трех вариантах в зависимости от смещения акцента с одного вида деятельности на другой в их сочетании:

1) машинный труд,

2) человеческий труд,

3) человеко-машинное взаимодействие.

В первом случае минимизируется доля человеческого труда, во втором – машинного, а для третьего характерно разделение обязанностей: принятие важных решений остается за человеком, а неосновных – передается машине. Оптимальным вариантом (с учетом специфики предметной области) является комбинация человеческого и машинного труда – человеко-машинное взаимодействие, что соответствует приведенной выше точке зрения В.Г. Кусова. При таком подходе ЭС можно использовать в паре с человеком (лингвистом-экспертом) как допол-

нение к человеческому ресурсу не только для проведения СЛЭ, но и для проверки результата экспертизы, проведенной ранее в традиционной форме (например, если результаты в определенной степени схожи, то они подтвердятся, если имеют место значительные расхождения, то потребуется вмешательство третьей стороны – другого, независимого, эксперта). Таком образом, лингвистическая ЭС становится вспомогательным средством в деятельности эксперта.

Создание не автоматизированной, а автоматической лингвистической ЭС на данный момент развития компьютерной лингвистики и технологий проектирования интеллектуальных систем принятия решений представляется технически осуществимым, но использование таких систем недопустимо в настоящее время. В связи с возросшей ролью информационных технологий в человеческой деятельности возникло множество правовых, этических и моральных проблемных вопросов, часть из которых могут задерживать процесс внедрения интеллектуальных технологий. В трудах С. Рассела и П. Норвига приводится ряд вопросов, с которыми, по мнению исследователей, должен считаться каждый разработчик интеллектуальных систем, а именно выделяется «шесть потенциальных угроз обществу, создаваемых искусственным интеллектом и связанной с ним технологией» [7. С. 1272], в их числе:

1) возможность увеличения количества безработных в результате автоматизации тех или иных процессов;

2) изменение (увеличение/уменьшение) свободного времени, имеющегося в распоряжении людей;

3) потеря людьми чувства собственной уникальности;

4) потеря некоторых прав на личную жизнь;

5) возможность возникновения ситуации, когда люди станут более безответственными;

6) наступление конца человеческой расы при успешном развитии искусственного интеллекта.

Одна из отмеченных С. Расселом и П. Норвигом проблем, сформулированная как возможность возникновения ситуации, когда люди станут более безответственными, касается нашего направления исследования, а именно связана с наступлением правовой ответственности эксперта, который применит интеллектуальную систему в своей практике. Следовательно, при проектировании ЭС необходимо учитывать тот факт, что она повлияет на поведение эксперта, поскольку он будет следовать полученным от нее рекомендациям.

Помимо этого следует обозначить ряд других вопросов, возникающих перед разработчиками подобной системы. Наметим некоторые из них:

1) Кто должен нести ответственность, если результат окажется неверным?

2) Какой способ проведения СЛЭ предпочтет лингвист-эксперт: традиционный или автоматизированный?

При ответе на первый вопрос возможно рассмотреть три варианта: разработчик (автор программы); или оператор, взаимодействующий с компьютером (если не сам эксперт был в роли оператора); или собственно лингвист-эксперт, использовавший эти данные и заверивший их своей подписью. Второй вопрос является прямым следствием первого: в пользу какого из доступных ему способов сделает выбор эксперт при условии, что традиционный способ является для него привычным (а его результат не подвергается сомнению, поскольку получен экс-

пертом лично), но более трудоемким, в то время как автоматизированный минимизирует трудоемкость процесса, но может вызывать у эксперта сомнения в корректности заложенных в программу алгоритмов и правил. Однако дать ответы на эти (а в перспективе и другие) вопросы нам не представляется возможным, поскольку это выходит как за рамки нашей исследовательской компетентности, так и за рамки данной статьи.

Использование системы интеллектуальной поддержки процедуры СЛЭ позволяет оптимизировать и объективировать процедуру экспертирования конфликтных текстов за счет возложения части ручной работы оператора (эксперта-лингвиста) на машинную обработку, но в то же время не нарушает юридических и этических норм, так как итоговую интерпретацию результатов проводит лингвист-эксперт, опираясь на свои профессиональные навыки. Немаловажной является функция предоставления промежуточных результатов для проверки хода работы заложенных в программу алгоритмов. Введение информационных технологий в область СЛЭ несколько трансформирует сам процесс: не только расширяет возможности, но и влечет за собой ряд ограничений, а также приводит к возникновению некоторых этико-правовых вопросов, требующих разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Р.Г.* Вид на профессиональную этику // Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. – С. 166–187.

2. *Бринев К.И.* Лингвистическая экспертиза: Справочные материалы. – Барнаул, 2012. – 24 с.

3. *Кусов Г.В.* Выработка рекомендаций по совершенствованию информационных технологий в практике производства судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №10. – С. 321–326.

4. *Кусов Г.В.* Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: решение проблемы «неприличная форма» // Российский судья. – 2013. – №5. – С. 43–48.

5. *Методические* рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов: письмо Минюста России от 18.09.2014 №00043/14/56151–ВВ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW;n=148806 (дата обращения: 10.03.2015).

6. *Орлов Ю.К.* Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании: Уголовно процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы: автореф. дис. … д-ра юр. наук.. – М., 1985. – 54 с.

7. *Рассел С.,* Норвиг П. Искусственный интеллект, современный подход. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. – С. 1248–1276.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ

ЛОЖЬ И МАНИПУЛЯЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

А.В. Агафонова
Научный руководитель: д. п. н. А.И. Щербинин
Томский государственный университет

Коммуникация играет одну из основных ролей в определении современной политики. Процесс коммуникации формирует информационно-политическую сферу общества, политические установки, политическую культуру, отвечает за производство и распространение общественно-политических идей и пр. Политических дискурс современной России есть выражение идей правящей элиты и нацелен он на стимулирование населения к определенным политическим действиям [5]. Таким образом, господствующий класс распространяет соответствующую своим интересам идеологию, стремясь при этом убедить граждан, что эта идеология отвечает в первую очередь интересам самого народа. Таких тактик создания политической картины не мало, а сейчас мы заострим внимание на лжи и манипуляции.

Слово манипуляция происходит от латинского слова manus, что в переводе означает рука. Таким образом, манипуляция – это обращение с объектами, умение управлять ими. Позже, человечество приходит к выводу, что объектами манипуляции могут быть и сами люди. В психологическом энциклопедическом словаре Еникеев М. И. дает следующее определение: «Манипулирование – система средств идеологического и социально-психического воздействия с целью изменения позиций и поведения людей вопреки их интересам…Манипулирование массовым сознанием и поведением – характерная особенность командно-административной системы. Развитие демократии, гласности содействует самодеятельности масс, блокирует возможность манипулирования общественным сознанием» [1. С. 205]. Однако Герберт Шиллер – профессор факультета средств массовой информации в университете Калифорнии в Сан-Диего – придерживается противоположной точки зрения. Проанализировав деятельность правительственного аппарата пропаганды, он обнаружил, что американское правительство, называющее себя отцом демократии, играет главенствующую роль в процессе производства и распространения информации, средства массовой информации оказываются подконтрольными правительственному ведомству. Результатом такого стечения обстоятельств становится монополизация

распространения информации и подрыв активного участия граждан в информационном процессе. «Заправилы средствами массовой информации Америки создают, обрабатывают, ловко оперируют и полностью контролируют распространение информации, которая определяет наши представления, установки, а в конечном счете и наше поведение. Намеренно фабрикуя сообщения, они превращаются в манипуляторов сознания» [10. С. 7–19].

Кара-Мурза С.Г. называет манипуляцию технологией «программирования мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции». Он выделяет основные характеристики манипулятивного воздействия: во-первых, манипуляция – это вид духовного и психического воздействия, поскольку объектом подобного действия является человек; во-вторых, это – скрытое воздействие, незаметное для манипулируемого; в-третьих, эта технология предполагает наличие определенных знаний, умений и мастерства.

Манипуляцию можно сравнить с фокусом. Аудиторию просят внимательно сосредоточиться на каком-либо моменте, дабы ничего не пропустить. В этот момент манипулятор концентрирует внимание «зрителей», отвлекая от самого акта манипулирования, создает иллюзию на основе психологических уловок [4. С. 13–16].

«Согласно тезису о производстве согласия, в демократических государствах гармония и консенсус достигаются не благодаря преданности гражданскому долгу, а через манипуляцию людьми, которую осуществляют с помощью искусного использования СМИ и передаваемых через них сообщений».

Впервые о "производстве согласия" заговорил Уолтер Липпман в 1922 году. Он полагал, что согласие в политике можно достичь при помощи "необходимых иллюзий" с целью сохранности невысокого уровень несогласия, который нельзя считать экстремистским.

Позже Герман и Хомски развили данный концепт. Они вывели такую формулу – чем выше уровень демократичности и открытости общества, чем более граждане политически активны, тем интенсивнее и изощреннее будет «будет контроль над их мыслями и идеологическая обработка» [6. С. 147–150].

Развивая идею согласия, Антонио Грамши вывел свое учение о гегемонии. Он развивал мысль Н. Макиавелли и утверждал, что власть правящего класса строится не только на принуждении, но и на убеждении. Гегемония строится на культурном ядре общества: на традициях, опыте, предрассудках, знаниях и представлениях о мире и о человеке и пр. Согласие и устойчивость общества сохраняется до тех пор, пока стабильно это ядро. В случае назревания кризиса гегемонии необходимо мобилизовать все средства, направленные на воздействие на сознание, вывести массы из этого состояния. Это своеобразная «цепочка синтезов», реакция, стимулирование культурного ядра. Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное во времени и пространстве». Необходимо постоянное непрерывное воздействие на обыденное сознание человека, чтобы повторяемые утверждения принимались уже на веру.

Такие понятия, как манипуляция, пропаганда, ложь, идут бок о бок, все они представляют технологии воздействия на общественное мнение, сознание, и часто используются в совокупности друг с другом. Пропаганда также ставит своей целью не довести информацию до реципиента, а добиться «добровольного» принятие идеи последними. Все эти тактики стремятся к одному – не дать усомниться адресату в донесенном сообщении.

Ложь в своем арсенале средств имеет в основном три технологии: искажение, умалчивание и фактоиды. Искажение включает в себя как сокрытие правды, так и предоставление ложной информации под знаком истинной. Умалчивание – недосказанность, уход от ответа [11. С. 31]. Фактоид – недостоверное утверждение не подкрепленное фактами. Чаще они используются в СМИ и выполняют роль развлечения, и реципиент принимает такую информацию за чистую монету.

Еще одним интересным методом организации политический действительности является рефрейминг. Термин фрейм был введен американским лингвистом Ч. Филллмором, в переводе с английского – рамка(frame). Рефрейминг в политике используется для формирования мировоззрения населения, идеологического обоснования поставленных целей. Целью фреймов является «влияние на восприятие смысла другими людьми,… а созданный фрейм должен восприниматься как истинный» [5]. К способам создания информационных фреймов можно отнести: традиции, афоризмы, лозунги и метафоры. Метафора может стать одним из способов создания рефрейминга. Метафора категоризирует окружающую действительность, она «превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [9. С. 122].

Фреймы являются вспомогательным эффектом манипуляции, позволяют «все сюжеты связать в одну историю», упрощают информацию, отвлекают и сосредотачивают внимание аудитории на одной или нескольких темах [6. С. 113–117]. Так, за последние два года ТВ и интернет переполнены информацией о происходящем в рамках украинского конфликта. Лишь по результатам проведенной Прямой линии с В.В. Путиным 2015 года была отмечена большая заинтересованность в социально-экономической ситуации страны [7] и менее бурная реакция по украинскому вопросу.

«Для достижения наибольшего успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно. Короче говоря, для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться» [10. С. 27–28]. В этом можно похвалить политический дискурс нашей элиты. Многие публичные выступления, интервью видных российских политиков (Путина В.В., Лаврова С.В. и др.) содержат идеологическую обработку, пропагандирующую идеи национального единства и патриотизма. Эффективность прослеживается по результатам проведенных социологических опросов за 2014–2015 гг., а именно, признание эффективности российской политики, рост патриотических настроений, гордость за свою страну и пр.

На формирование такого мнения могли послужить клише нынешнего политического дискурса: «единый народ», «абсолютная преданность своему народу», патриотизм – неотъемлемая суть нашего народа», «Иначе в Крыму Россия по-

ступить не могла», «помощь, которую оказывает Россия Украине», «мы должны сотрудничать, быть вместе» и пр. [8]; [3].

Неоднократно в речах президента РФ звучала нотка дискредитации оппонента в лице США и нынешнего правительства Украины. (Из Прямой линии с В.В. Путиным, 2014 г.: «Как только он(Янукович) выехал из Киева и как только вывел подразделения МВД из столицы, сразу же пошли дальше, захватили и его здание администрации, и правительственные здания, совершили государственный переворот в полном, классическом смысле этого слова. Зачем это было сделано, зачем надо было действовать так непрофессионально, так глупо…») [8].

Новые политические реалии требуют новых коммуникативных форм и способов подачи информация. Процесс информатизации XX–начала XXI вв. упростил для СМК процедуры создания коммуникативных образов и контроля поведением и настроениями граждан [2], но в тоже время мог способствовать выработке иммунитета. Несмотря на то, что в последние несколько лет дискурс российских политиков не подкреплялся поддержкой населения, не внушал доверия, то в свете нынешних событий наблюдается поддержка политического курса, одобрение действия властей, рост национального самосознания и духа патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Еникеев* М. И. Психологический энциклопедический словарь. – М.: Проспект, 2009. – 205 с.
2. *Иванов* Д.Д. Развитие политической коммуникации в условиях совершенствования ее форм и каналов –. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-politicheskoy-kommunikatsii-v-usloviyah-sov ershenstvovaniya-ee-form-i-kanalov (дата обращения 22.12.2014).
3. *Интервью* Сергея Лаврова. Онлайн-репортаж РИА-Новости –. URL: http://ria.ru/politics/20150422/1060148264.html (дата обращения 22.04.2015).
4. *Кара-Мурза* С.Г. Власть манипуляции. – М.: Академический проект, 2009. – 380 с.
5. *Карпова* А.Ю. Контуры публичной политики и технологии политической риторики в современной России –. URL: http:// cyberleninka.ru/article/n/kontury-publichnoy-politiki-i-tehnologii-politicheskoy-ritoriki-v-sovremennoy-rossii (дата обращения 22.12.2014).
6. *Лиллекер* Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2010. – 297 с.
7. *Стенограмма*: Прямая линия с Владимиром Путиным от 16 апреля 2015 г. –. URL: http://moskva-putinu.ru/#page/main (дата обращения 20.04.2015).
8. *Стенограмма*: Прямая линия с Владимиром Путиным от 17 апреля 2014 г. –. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/20796 (дата обращения 20.04.2015).
9. *Чудинов* А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие для студентов, аспирантов, преп.- филологов. – М.: Наука, 2007. – 254 с.
10. *Шиллер* Г. Манипуляторы сознанием. – М.: Мысль, 1980. – С. 7–19.
11. *Экман* П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2013.

ОСОБЕННОСТИ ПРОПАГАНДЫ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

А.С. Данилова
Научный руководитель: д.п.н. Н.Г. Щербинина
Томский государственный университет

В условиях глобализации меняется информационное пространство, усиливаются тенденции контроля информации государством и влиятельными группировками, расширяется спектр средств воздействия на сознание и поведение граждан. Все это актуализирует проблему специфики политической пропаганды.

В современной научной литературе понятие «коммуникация» принято рассматривать с трех сторон: как *действие* (не предполагающий обратной связи односторонний процесс передачи информации и сигналов); как *взаимодействие* (двусторонний процесс), как *коммуникативный процесс*, подразумевающий непрерывное чередование ролей источника информации и получателя [4. С. 193]. То есть коммуникация как процесс представляет собой не только обмен информацией, но и ее распространение.

В свою очередь, политическую коммуникацию следует понимать скорее как односторонний процесс передачи информации, а точнее как «инструмент воздействия на *массовое сознание и поведение»*. Д. Ольшанский называет политическую коммуникацию «особым информационно-психологическим воздействием, призванным изменить политическое сознание и поведение людей в интересах достижения политических целей коммуникатора». Она реализовывается особыми *средствами*: политической рекламой, политической пропагандой и политическим PR, которые являются системообразующими элементами политической коммуникации [6. С. 208]. Поскольку в основе политической пропаганды, как и политической коммуникации, лежит однонаправленное воздействие и влияние, то по праву стоит назвать ее одним из специфических видов массовой информации.

К концу XX века пропаганда воспринимается как массовое «внушение» или влияние посредством манипуляции символами и психологией индивидуума; как распространение какого-либо воззрения в целях «добровольного» принятия какой-либо позиции получателем [1. С. 9].

Можно наблюдать столкновение различных взглядов и точек зрения на сущность пропаганды. Многие считают, что пропаганда и PR определенным образом соотносимы друг с другом. Э. Бернейс, например, называет PR «новой пропагандой»; Б. Борисов находит символичность в том, что слово «ПРопаганда начинается с аббревиатуры ПР»; Ф. Джефкинс видит различие только в «неблагородстве» или «благородстве» целей; Э. Старобинский, определяет Public Relations всего лишь как форму пропаганды.

Наряду с теориями, связывающими пропаганду с PR, существуют и такие, где пропаганду сопоставляют и с политической рекламой. Например, А. Лебедев-Любимов отмечает, что пропаганда является видом политической рекламы; Ф. Ильясов отождествляет политическую пропаганду и политическую рекламу по методам воздействия, но различает по объектам воздействия и целям. В учебнике «Политическая психология» А. Деркач, В. Жуков и Л. Лаптев, наобо-

рот, пишут, что сопоставление определений политической пропаганды и политической рекламы показывает, что реклама может рассматриваться лишь «в качестве интегративной агитационно-пропагандистской технологии». Д. Лиллекер видит пропаганду во взаимодействии всех коммуникативных технологий, определяя каждой свою роль. Он считает пропаганду частью политической рекламы, но с условием, что доказательством ее присутствия служит использование пиара [3. С. 229].

Каждая из перечисленных коммуникативных моделей выполняет свою роль, что стоит учитывать при разведении понятий PR, реклама и пропаганда в политической сфере (см. табл.1).

Таблица 1

Специфика характера структурных элементов ПК

	Реклама	*PR*	*Пропаганда*
Предмет	Кандидат, партия, правительство, их программы, политическая акция	Кандидат, партия, правительство, их программы, политическая акция	Идеология, система ценностей, стратегия определенных политических сил
Цель	Воздействие на массовое сознание		
Задача	Побуждение к определенному политическому поведению	Формирование отношения к тому или иному объекту политической мира	Навязывание, популяризация идеалов, целей, желаний
Стратегия достижения цели	«Стратегия желания»; мобилизация сторонников, а также побуждение их к удовлетворению собственных желаний	«Стратегия доверия»; подготовка массового сознания к восприятию пропагандисткой активности и к последующей смене своей идентичности	«Стратегия убеждения»; убеждение и отправление идей в массовое сознание
Методы воздействия	Агитация, создание стереотипов	Искусственное «раздутие» проблемы, утечка информации, скрытая реклама	Повторение громких лозунгов, акцент на более значимых событиях, утаивание фактов, передергивание фактов
Целевая ориентация	На сторонников	На сторонников и неопределившихся	На сторонников, противников и неопределившихся
Фокус деятельности	Ориентация на рынок кандидатов, политических предложений, их продажу, на количественное решение проблемы	Ориентация на отношения или ситуацию, на качественное решение проблемы	Ориентация на массовое сознание, на количественное решение проблемы

Как всякий политический процесс, пропаганда помимо перечисленных в таблице классических аспектов, имеет ряд характерных только для нее отличительных особенностей. Она обращается к таким своеобразным средствам как *риторика*, *миф* и *символизм*, что обеспечивает кумулятивную эффективность применения именно этого вида политической коммуникации. Заметим, что в основном механизм пропаганды действует по определенному принципу: символизм созда-

ет понятный обществу образ, риторика воспроизводит его, а миф оправдывает. По сути, именно символически конструируется мифореальность.

Д. Лиллекер дает *риторике* развернутое определение: *«это использование символизма и языка с целью обеспечить такую кодировку сообщения, какая необходима создателю коммуникации. Риторическая коммуникация намеренно направлена на убеждение, она лежит в основе пропаганды и используется для того, чтобы спровоцировать изменения в поведении членов аудитории»* [3. С. 257]. Получается, что «древняя» риторика впоследствии стала неким базисом для появления не только пропаганды, но и многих современных коммуникационных моделей. Американские исследователи Ч. Элдер и Р. Кобб, исследуя *символизм* в политике, приходят к выводу, что *«символом может стать любой объект, значение которого порождено социумом и не содержится непосредственно в самом объекте».* Иначе говоря, под политическим символом понимается наделение чего-либо различными характеристиками, даже не присущими данному объекту. Так же специалисты отмечают особенную роль символов в политике: они служат мобилизирующим стимулом для объединения людей; в них содержится эмоциональный компонент, влияющий на потенциал человека (но «эффект» символа слабеет, если речь идет о его смысловом содержании) [2]. В отличие от риторики и символов *миф* служит оправданием политической власти в любой системе. Он отвлекает от реального положения дел и таким образом создается «вымышленная реальность» – некий оксюморон в политической действительности. Политический миф выступает как «*превращенная форма политического сознания, в которой знание и понимание фактов заменяется образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них»* [5. С. 580]. Таким образом, вырисовывается важная функциональная особенность мифа: распространение нового мировоззрения (пропаганды), способного управлять политическим сознанием. Визуальные, символические и риторические средства должны быть хорошо проработаны, чтобы общество смогло их декодировать так, как требуется самому создателю пропаганды. Их совокупность эффективно влияет на эмоциональные всплески сознания, побуждая человека к действию.

Принято считать, что система политической коммуникации и вся информационная политика напрямую зависят от политического режима. Эта теория не лишена основания, так как в действительности в условиях того или иного режима считается необходимым или невозможным свободное использование коммуникативных технологий. Кроме того, идеология, исходящая от правительства также оказывает влияние на роль и место средств массовой коммуникации в обществе.

Так, проявление особого исключительного характера политической пропаганды можно наблюдать в условиях политических режимов (см. табл. 2). Любой режим создает собственный институт МПК, устанавливает свои правила и ограничения для политических акторов ПК. Если роль таких коммуникативных технологий, как PR и политическая реклама в различных политических режимах преимущественно остается той же, то роль политической пропаганды меняется в зависимости от содержания и принципов идеологий, которые она «обслуживает». Так же следует отметить, что описанные ниже модели «поведения» пропаганды не означают прямого следования определенному режиму, а представляют собой совокупность черт действия пропаганды, характерного для этого режима

вообще. Более того, нужно разделять уровни осуществления пропаганды: внутригосударственный и международный. Если на внутригосударственном уровне реальность будет соответствовать модели, то на международном политическая пропаганда приобретает иной смысл, и зависимость характера пропаганды от политического режима не представляется такой важной.

Таблица 2

Характер пропаганды в различных политических режимах

	Тоталитарный	*Авторитарный*	*Демократический*
Поток информации	Сверху вниз	Сверху вниз	Свободный, но в рамках закона
Место, роль пропаганды	Движущая сила политического процесса	Рупор правительства	Противоборство пропаганд, как проявление политического плюрализма
Вид пропаганды	*Военная* – использование ресурсов для информационной поддержки ведущихся военных действий и общих целей, поставленных перед собою воюющими сторонами	*Конверсионная* – информационное воздействие на ценностные ориентации человека или групп людей с целью изменения его (их) установок в отношении политики, проводимой высшим руководством страны	*Разделительная* – информационное воздействие, направленное на усугубление противоречий в рамках одной группы людей. Основная задача – ослабление единства в рядах оппонента вплоть до его раскола
Цель	Завоевание масс ради обеспечения поддержки существующего режима, распространение его идеологии и устранение оппозиционных настроений.	Показать людям, что правительство сильно и способно навязать народным массам иллюзорную реальность	1) У государства – популяризация каких-либо позитивных норм, ценностей и т.д.; 2) У партий – привлечь общественность на свою сторону
Владение информацией	Полная монополия на информацию	Существуют источники информации с альтернативной во взглядах	Множество альтернативных источников
Методы пропагандистского воздействия	Стереотипизация, создание «образа врага» и «образа друга», ложь, повторение громких лозунгов	Искажение реальности, передергивание фактов, акцент на более значимых событиях, утаивание фактов	Громкие короткие лозунги, утаивание фактов, пробуждение и рационализация страстей человека

Пропаганда при *тоталитарном режиме* осуществляется в условиях, когда поток информации исходит исключительно «сверху вниз», а это значит, что в условиях тоталитарного режима она становится чуть ли не движущей силой всего политического процесса. Функционируя как единый отлаженный механизм, пропаганда, как ей и свойственно, «оперирует целостными образами и стереотипами». Особую роль, в таком случае, играют два традиционных пропагандистских приема, а именно формирование «образа врага», как реальной или мнимой угрозы и «образа друга». Функциональность «образа врага» заключается в создании представления о враге, как о разрушителе всего существующего, а так же в способствовании изоляции своего народа от идей и ценностей политического оппонента. «Образ друга», не являясь таким четким и однозначным, как «образ

врага», важен при формировании или изменении картинки мира. Это обосновывается, «во-первых, тем, что одним бороться с врагом опасно (население должно быть уверено, что режим не одинок); во-вторых, «образ друга» доказывает правильность выбранного пути, так как и другие пытаются ему следовать; в-третьих, «образ друга» еще раз подчеркивает отвратительность «врага», так как и другие страны и народы борются против него» [8].

К примеру, нацистская Германия в качестве друга имела фашистскую Италию, и наоборот. Друзьями СССР были братские коммунистические партии, правительства народного фронта, а так же социалистические страны. Сегодня проявляются тенденции поиска врага с целью перекладывания своей вины на другого (то есть присваивание другим своих пороков, помыслов, желаний, действий). Например, США заявляют о чистоте и доброжелательности своих помыслов, обвиняя Россию в имперских амбициях, хотя очевидно, что подобные амбиции присущи так же и самим США.

В условиях авторитарного общества пропаганда выступает как некий официальный рупор правительства. Однородный поток информации формируется, прежде всего, в интересах государства. Так же, как и в предыдущем случае, строго соблюдается правило: «сверху вниз», что значит, что информация подбирается, структурируется и передается по указанию правительственных чиновников для утверждения официальной политической линии. Разработка, внедрение и использование манипулятивных технологий требует немалых затрат, и поскольку политически активные граждане это понимают, то им становится проще отождествлять степень интенсивности пропаганды с силой правительства. Следовательно, там, где пропаганда эффективна, политический гражданский протест менее вероятен, а значит и режим устойчив.

Примером «авторитарной» пропаганды служит Китай, Северная Корея и даже современная Россия. Страны Востока цензурируют Интернет (а это альтернатива пропаганде), проводят тщательный отбор информации, прежде чем пустить ее в массы. В последнее время в России наблюдается ужесточение контроля над Интернетом: ограничивается доступ к определенным сайтам. Хотя Владимир Путин утверждает, что ограничения необходимо установить только на распространение рекламы педофилии, детской порнографии, наркотиков и «обучения суициду», то свобода в интернете не соблюдается в полном объеме. К примеру, по постановлению Дмитрия Медведева от 8 апреля 2015 года №327 Роскомнадзор получил право контролировать личную переписку пользователей в интернете. Деятельность Президента Владимира Путина с приходом к власти, началась с установления контроля на ряд телеканалов (первые – «НТВ», «ОРТ», «ТВ6»; последним выступил телеканал «ТВ2» в Томской области – начало 2015 г.). Телеканал «Дождь» в 2014 г. в связи с опросом о блокаде Ленинграда подвергся особому надзору со стороны государства: его обвинили в оскорблении чувств ветеранов и позже осуществили проверку на вероятность нарушений и экстремизма. Сейчас «Дождь» транслируется в интернете, но только лишь при оплате подписки. Ранее влиятельные газеты также подверглись опале – сейчас под контролем государства такие газеты, как Комсомольская правда, Коммерсант, Труд, Известия, Независимая газета и другие. «Ближний» круг Президента собирается выкупить «Ведомости».

В демократическом государстве СМИ – это в большей степени общественный институт, принимающий активное участие в политическом процессе. С одной стороны, это предполагает, что разного рода политические коммуникации имеют место быть. Тем не менее, на деле получается так, что при демократии пропаганда не может существовать в силу того, что всегда существуют альтернативные источники, вытесняющие ее. Однако стоит учесть, что: 1) при демократии торжествует политический плюрализм, поэтому пропаганда может исходить не только от государства, но и от партий; 2) альтернативными источниками, вытесняющими пропаганду, могут являться другие «пропаганды», уже со своими ценностями. Таким образом, в плюралистическом демократическом государстве существует «борьба пропаганд», то есть всегда существует контрпропаганда. Это значит, что «соревнования» пропаганд выступают необходимым элементом проявления политического плюрализма в демократическом обществе. Тем не менее, следует учитывать, что на определенные виды пропаганд существует табу, пример тому запреты на пропаганду фашизма и нацизма.

В Европе, по словам современного политика Владимира Рыжкова, нет пропаганды, идущей исключительно от государства, потому что там ни у кого нет монополии на информацию, существует большой плюрализм мнений [7]. Газеты Англии являются хорошим примером плюрализма мнений: есть издания, симпатизирующие консерваторам, а есть и такие, которые поддерживают исключительно лейбористов. В странах Западной Европы и в США гражданское общество представляется наиболее развитым, чем в России, следовательно, лежащие в основе развитого ГО различные группы интересов (фракции, профсоюзы, ассоциации) и лоббисты имеют больше возможностей давления на власть и продвижения своих идей и желаний. Например, в США группы интереса представляют Комитет Политического Действия, Национальная Федерация Независимого Бизнеса (NFIB), лоббистская организация «Общее дело» и т.д. Период, когда Сильвио Берлускони был премьер-министром Италии, показывает, как влиятельные СМИ предотвратили распространению авторитаризма политика. Корпорация Mediaset контролировала практически все частные телеканалы, однако критика СМИ и их отказ подчиняться властям способствовала свертыванию подобной деятельность Берлускони. Таким образом, пропаганда государства не имела возможности проявиться в таком масштабе, в каком она проявилась бы при тоталитарном и авторитарном режимах.

Как видим, политическая пропаганда внутри государства зависит от идеологии различных политических режимов, а в плюралистическом обществе также от противоборствующих идеологий групп интересов. В различных устройствах политическая пропаганда имеет свою особую функцию. Понимать пропаганду как одно и то же явление при любых условиях не имеет смысла, так как она прежде всего подчиняется законам того или иного общества, а уже после проявляет свою сущность.

Исходя из вышеизложенного, политическая пропаганда является специфичной частью (элементом) политической коммуникации, которая, в свою очередь, есть разновидность массовой коммуникации. Специфика политической пропаганды определяется ее «убеждающей» стратегией при взаимодействии с массовым сознанием граждан, применением особых визуальных, символических и риторических средств в процессе коммуникации, которые в своей совокупности

эффективно влияют на всплески человеческого сознания, и наконец, гибкостью применения в различных условиях в отличие от других элементов политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аронсон Э.,* Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
2. *Кобб Р.У.*, Элдер Ч. Использование символов в политике –. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-simvolov-v-politike (дата обращения: 24.03.2015).
3. *Лиллекер Д.* Политическая коммуникация. Ключевые концепты. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2010. – 300 с.
4. *Мильнер Б.З.* Теория организации. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2000. – 480 с.
5. *Новая* философская энциклопедия: В 4 т. – Т.3. – М.: Мысль. Под редакцией В. С. Степина. 2001. – 692 с.
6. *Ольшанский Д.В*. Политико-психологический словарь. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 576 с.
7. *Рыжков В.А.* Только авторитарный режим рождает пропаганду –. URL: http://newsland.com/news/detail/id/1437829/(дата обращения: 12.04.2015).
8. *Свечникова С.В.* Тоталитарная пропаганда: сущностные черты –. URL: http://www.rusnauka.com/10_DN_2012/Istoria/2_106440.doc.htm (дата обращения: 24.03.2015).

КАК ИНОСТРАНЦЫ СОЗДАВАЛИ ИМИДЖ РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ

А.А. Зинченко
Научный руководитель: д.п.н. А.И. Щербинин
Томский государственный университет

Что такое PR? Знающие английский язык тут же скажут, что Public Relations переводится как связи с общественностью. Но в чем сама суть этих «связей»? А суть в создании позитивного образа объекта или «заказчика», установления взаимопонимания между ним и аудиторией и выстраивании продуктивной двусторонней коммуникации. Это особая технология, которая применяется не только в сфере бизнеса для продвижения брендов или в период проведения избирательных кампаний для создания доверительных отношений кандидата с его электоратом, но еще и активно используется на международной арене. В этом случае Public Relations выражается в заинтересованности конкретной страны в том, чтобы о ее деятельности и достижениях в рамках внутренней и внешней политики знали граждане других стран и заинтересованности в донесении информации, способствующей выстраиванию диалога и понимания, до правительств иностранных государств.

И нет ничего удивительного в том, что такая мощная и великая страна как Россия пользуется подобным инструментом и прибегает к услугам специализированных организаций в вопросах формирования позитивного образа в глазах заграничных партнеров и получения адекватной обратной реакции с перспективой развития продуктивного диалога в будущем.

Необходимость информационного сопровождения внешнеполитической деятельности была обозначена уже в 2000 году в соответствующем разделе Концепции внешней политики РФ. В качестве первостепенной задачи было выделено «формирование за рубежом позитивного восприятия России, дружественного отношения к ней» [2. р. III п. 5]. В утвержденной Президентов в апреле 2014 года «Концепции государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию» к числу задач государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию на глобальном уровне относится «укрепление позитивного восприятия России и ее культурно-гуманитарного влияния в мире» [4. ст. 6 п. Д].

Наиболее активная работа в этом направлении началась в 2006 году и связана с привлечением американского PR-агентства *Ketchum* – «дочке» американского транснационального коммуникационного холдинга Omnicom Group, в числе клиентов которого всем известные Pepsi, Walt Disney, Kodak, а также правительственные структуры.

Напрашивается вопрос: почему нами занимаются западные специалисты, а не отечественные? Если рассматривать с точки зрения профессионализма и опыта, который можно отразить в портфолио успешных PR-проектов и имидж-кампаний, то уровень зарубежных компаний в тот момент был выше российских. Кроме того, российским пиарщикам было бы труднее работать на «чужой» территории, в то время как иностранцы имеют лучшее представление о том, что думают граждане других государств, что или кто заставляет их так думать, как повлиять на ход их мыслей и какие каналы при этом использовать. С этой точки

зрения можно смириться с пиарщиками из-за границы. Но чем собственно занимались данные компании в процессе позиционирования нашей страны за рубежом?

Как уже было сказано, тесное сотрудничество Кремля с иностранными пиар-агентствами началось в 2006 году, главным событием которого стал 32-й саммит «Большой восьмерки» (G8), прошедший в Санкт-Петербурге. Было озвучено несколько вариантов того, как завязалось само сотрудничество. Если верить Ангусу Роксборо, который в своей книге «Железный Путин» [3] раскрыл некоторые тайны своей трехлетней работы с российскими властями в качестве консультанта от Ketchum, Кремль сам вышел на их агентство и их коллег-европейцев из GPlus без проведения каких-либо тендеров. С другой стороны, Кремль обосновывает свой выбор вполне рациональной оценкой. Ряду лучших мировых пиар-компаний поставили интересную задачу: сформулировать предложения по информационному сопровождению саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге. Соответственно с лучшими компаниями и началось сотрудничество.

Работая над информационным сопровождением саммита, Ketchum в связке с европейским партнером по консорциуму *GPlus* и японским *Gavin Anderson,* смог значительно снизить количество негативных сообщений в зарубежных СМИ и, напротив, повысить уровень позитивного освещения встречи G8 в Санкт-Петербурге. Во время всего саммита большое внимание уделялось взаимодействию с журналистами: культурная программа, современный пресс-центр, брифинги с ведущими российскими госслужащими и даже интервью Владимира Путина для NBC.

Саммит прошел на достаточно высоком уровне, были подняты темы глобальной энергетической безопасности, борьбы с терроризмом и другие. Помимо глав государств – членов «Большой восьмерки» на саммите (15-17 июля 2006 г.) присутствовали главы более чем 30 государств и 3000 журналистов. А признание вклада Ketchum в успешное проведение саммита выразилось в получении агентством престижной награды PRWeek Awards в номинации «Глобальная кампания года» и продолжении сотрудничества с Кремлем.

Уже с 2007 года началось сотрудничество вышеперечисленных PR-агентств с экспортным подразделением «Газпрома». В тот период в приоритете была работа над привлечением инвестиций в страну и раскрутка энергетического сектора экономики России. Кроме того, волны «газовой войны» с Украиной, то отходили на периферию «информационной кухни», то накрывали всех с новой силой.

Еще одним крупным проектом стали зимние Олимпийские игры 2014 года, который стартовал еще в 2007-м. Именно тогда в Гватемале наша делегация во главе с Президентом РФ Владимиром Путиным достойно и ярко представила российскую заявку, и краснодарский город Сочи был выбран столицей Олимпиады-2014.

В период, когда Президентом России являлся Дмитрий Медведев**,** иностранные агентства активно работали над продвижением тренда «модернизации» в стране, в рамках которого был запущен сайт Modernrussia.com**.** В настоящее время данный сайт заменил другой – *thinkrussia.com*, в информации о котором прописано, что управлением сайта от имени РФ занимается «gplus europe»**,** т.е. европейская «дочка» Ketchum. Помимо этого специалисты Ketchum, работая с

Дмитрием Медведевым, предоставляли консультации по тонкостям работы в блогосфере. Результат, как говорится, на лицо.

В ежедневные обязанности Ketchum, по словам того же Ангуса Роксборо, входило составление объемных обзоров иностранной прессы, в частности американской, японской и европейской, в которых содержались упоминания о Российской Федерации. Основной задачей для Ketchum было сделать российскую власть более открытой для представителей средств массовой информации. Сюда входили организация и проведение пресс-конференций и брифингов как внутри России, так и во время визитов руководства страны за рубеж, а также настаивание на более частом неформальном общении с журналистами. Однако к написанию итоговых тезисов и текстов для выступлений первых российских спикеров американских специалистов не допускали. Без их участия формировался и героический, воинственный, всем известный образ лидера страны Владимира Путина, который регулярно возглавляет рейтинги самых влиятельных персон мира, достаточно открыть журнал «Forbes», газету «Times» или агентство «Франс Пресс». Ангус Роксборо в своей книге написал: «Кремль хотел, чтобы мы помогали ему распространять сообщения, а не менять их текст. Что касается пиар-акций, привлекавших внимание Запада, – к примеру, снимков, на которых Путин предстает в образе мачо, – то они не имели к нам никакого отношения. Мы всегда узнавали о них постфактум».

Грузино-южноосетинский конфликт 2008 года, вступление России в ВТО, протестные волны 2011–2012 годов – информационное сопровождение и донесение позиции российского Правительства по данным событиям до западных «партнеров» России также входило в круг обязанностей иностранных специалистов.

Однако, не смотря на все старания, Ketchum не удалось выстроить продуктивную коммуникацию с Западом. Последний год все прохладнее дует ветер с берегов Америки, непостоянство температур наблюдается и в Европе. На этом фоне осенью 2014 года растаяло сотрудничество Ketchum и «Газпрома», развернувшегося в сторону Европы, а с февраля 2015 года закрыт контракт и с Кремлем. Тяжело не согласиться с обоснованием разрыва подобных отношений, высказанным Дмитрием Песковым. Действительно, какой смысл тратить деньги, когда весь позитив и объективность сгорают в печах информационной войны…

Так, в марте 2015 года Агентство *«Гэллап»* (Gallup) опубликовало ежегодный рейтинг «благоприятности» [5], составленный на основании телефонного опроса 837 совершеннолетних американских граждан. По результатам опроса Россия попала в список «нелюбимых» стран, получив соседство с Северной Кореей, Ираком, Ираном, Палестиной, Афганистаном, Пакистаном и Сирией. Если в 2014 году благоприятно к России относилось 34% американцев, то в 2015 году данный показатель составил рекордно низкие 24% (с 1989 года). В то же время процент негативно настроенных к России поднялся за год на 10%, достигнув 70%.

Интересно и другое. Если в прошлом году лишь 32% американских граждан опасались военной мощи России, то в этом году этот показатель достиг 49%. Аналогичный опрос проводился и среди жителей Великобритании в январе текущего года [1]. Там, число негативно настроенных к России граждан составил 56%, против 26% 2012года (последнее исследование).

Если проанализировать ряд популярных иностранных изданий, то можно объяснить и результаты данного рейтинга. Так, автором данной статьи был проведен контент-анализ публикаций трех газет: *«The Times», «The Telegraph» и «The Washington Post»,* содержащих ключ *«Russia»* за период 15–20 апреля 2015 года. Цель – выявить количество «положительных», «негативных» и «нейтральных» публикаций. Результат следующий:

- «The Times»: 22 материала с соотношением «положительных» – 3, «негативных» – 10, «нейтральных» – 9;

- «The Telegraph»: 49 материалов с соотношением «положительных» – 7, «негативных» – 26, «нейтральных» – 16;

- «The Washington Post»: 65 материалов с соотношением «положительных» – 14, «негативных» – 26, «нейтральных» – 25.

Если же проанализировать более ранние публикации в том же «The Times», например, в период 28 февраля–5 марта 2008 года и 3–7 марта 2012 года, то есть в период президентских выборов, в которых участвовали и победили Дмитрий Медведев и Владимир Путин, то получим следующую картину:

- в 2008 году вышло 29 материалов с соотношением «положительных» – 10, «негативных» – 9, «нейтральных» – 10;

- в 2012 году – 33 материала с соотношением «положительных» – 14, «негативных» – 14, «нейтральных» – 5.

Таким образом, мы видим, что отношение к нашей стране в западных СМИ стало более негативным, а сама Россия и военный потенциал оценивается как угроза миру. Однако мы до сих пор продолжаем сотрудничать с европейской компанией GPlus. Место же американской аудитории в скором времени может занять китайская. В марте 2015 года Станислав Наумов - президент Российской Ассоциации по связям с общественностью, рассказал про соглашение о стратегическом партнерстве с китайской ассоциацией по связям с общественностью.

Как говорится: «Свято место, пусто не бывает». Уверена, что и российским специалистам есть, что показать миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исследование*: британцы назвали самыми нелюбимыми странами РФ и Украину –. URL: http://news.rambler.ru/28935810 (дата обращения: 09.04.2015).

2. *Концепция* внешней политики РФ // Официальный сайт МИД РФ –. URL: http://www.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED611343 25699C003B5FA3 (дата обращения: 03.04.2015).

3. *Роксборо А.* Железный Путин: взгляд с Запада. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 410 с.

4. *Указ* Президента Российской Федерации от 20.04.2014 г. № 259 «Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию» –. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334 (дата обращения: 03.04.2015).

5. *Americans* Increasingly See Russia as Threat, Top U.S. Enemy –. URL: http://www.gallup.com/poll/181568/americans-increasingly-russia-threat-top-enemy.aspx?utm_source=Russia&utm_medium=search&utm_campaign =tiles (дата обращения: 09.04.2015).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ: СТРАТЕГИИ И ПРОГРАММЫ ВНЕШНЕГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ТОМСКА

С.А. Корфова
Научный руководитель: к.п.н. Н.Г. Щербинина
Томский государственный университет

На сегодняшний день, необходимость реализации символической политики осознается на различных уровнях социального управления. Так, в современном мире, развитие и процветание того или иного города неразрывно связано с его борьбой с другими городами за привлечение дополнительных ресурсов. Появление такой конкуренции способствовало повышению роли символической политики в региональном контексте. Такая политика представляет собой стратегическую деятельность городских элит, направленную на управление информационной средой в целях создания у местных и потенциальных жителей желаемого представления как о городе, так и о самих себе в нем. В сложившихся условиях, местная элита понимает, что именно имиджевая стратегия является одним из механизмов продвижения интересов города и, в связи с этим, обращается к целенаправленному конструированию его благоприятного образа, созданию генеральной идеи.

Одной из важнейших функций символической политики города является его позиционирование среди других регионов - выявление, создание, а также закрепление и изменение той позиции города, которую он занимает среди позиций конкурентных городов (с помощью символических ресурсов). Важно отметить, что позиционирование города можно рассматривать как стратегию двух видов: оно бывает внешнее и внутреннее. Такое разграничение связано с теми целевыми аудиториями и задачами, которые ставят перед собой региональные элиты.

Символическая стратегическая деятельность российских городов, в основном, направлена на продвижение имиджей вовне. Такой подход может быть объяснен актуальной конкурентной борьбой именно за внешние ресурсы: за внимание и поддержку федерального центра, а также за привлечение туристов, инвесторов и потенциальных жителей. На сегодняшний день, в рамках позиционирования города, существует достаточное количество примеров использования символических акций, некоторые из которых являются более успешными, чем остальные. Степень эффективности данной политики зависит от учета специфики того пространства, на которое данные технологии распространяются.

Говоря о символической политике города Томска, стоит отметить, что она приобрела регулярный и осознанный характер совсем недавно. До определенного момента господствовали стихийные образы Томска, которые возникали благодаря естественным факторам: на основании исторических фактов, культурного наследия, научно-образовательного комплекса, достижений выдающихся личностей Томска в разных областях и т.д.

При изучении символической политики города Томска, внимание исследователя было обращено на анализ официальных стратегий внешнего позиционирования. К числу рассмотренных эмпирических материалов относятся официальные документы Законодательной думы Томской области (городская целевая программа «Внешнее позиционирование города Томска») и

Администрации города Томска. (Стратегия развития города Томска до 2020 года; отчеты о реализации с 2007– 2014 гг. Стратегии развития города Томска до 2020 года и программы действий Администрации города Томска по социально-экономическому развитию города).

При анализе официальных стратегических и программных документов городского развития в направлении внешнего позиционирования, выяснилось, что за последние десятилетия Администрация Томска осознала необходимость специальной работы по формированию положительной репутации города и предпринимает попытки стратегического планирования действий в области его позиционирования, как на региональном, так и на международном уровнях: определяются долгосрочные цели и задачи, создаются специальные структуры и рабочие группы, разрабатываются муниципальные программы с перечнем проектов, в процессе осуществления планов ведется контроль и корректировка действий и т.д. Таким образом, мы можем говорить о том, что в городе Томске, на данный момент, ведется целенаправленная символическая политика по продвижению имиджа города во внешнее пространство. Что касается конкретики, то стратегические и тактические действия власти направлены на достижение целей:

1. Формирование и продвижение ярко выраженного имиджа Томска.
2. Развитие разносторонних внешних связей и межмуниципального сотрудничества в сфере науки и образования, культуры, экономики и т.д.
3. Обеспечения роста местного самосознания и городского патриотизма.

При формировании символической стратегии субъекты политики руководствуются той или иной базовой схемой управления и развития города. В данном контексте, наиболее эффективными инструментами выступают те теоретические модели, которые в большей степени ориентированы на субъективные компоненты городской жизни. При создании стратегии развития Томска, на мой взгляд, руководствовались несколькими концептуальными схемами: «город- рациональный проект» (концентрируется на идее возможного планирования, прогнозирования и поиска оптимального варианта городского развития); «город – социокультурный, виртуальный проект» (разрабатываются направления деятельности по конструированию городской реальности таким образом, чтобы создать благоприятные, комфортные условия для жизни горожан, не только в витальном, но и экзистенциальном плане); «город-миф» (предлагаются конкретные мифологические конструкты – ренды города Томска, которые следует «раскручивать» и продвигать вовне); «город – синергетическая система» (признание существования многочисленных и разнообразных сообществ городской среды, а также необходимости коммуникации между ними для согласования специфических интересов и потребностей).

В программных документах, в основном, делается акцент на таком символическом образе как город – форум. Эта идея подразумевает, что Томск является подходящей площадкой для новых знакомств, сотрудничества, обсуждения актуальных вопросов, охватывающих различные сферы: образование, науку, инновационные технологии, бизнес и предпринимательство, культуру и т.д. Он имеет все необходимые ресурсы для предоставления таких условий, поэтому имеет право претендовать на такой статус. Основа такого

имиджа города была заложена еще в 1998 году: когда Томск стал местом проведения ежегодного инновационного форума «INNOVUS».

Анализируя отчеты о проведенных мероприятиях за период с 2007 по 2014 гг., становится ясно, что городская элита уделяет значительное внимание развитию внешних связей с городами страны и мира: проводятся ежегодные конференции, в которых Томск выступает как участником, так и организатором; подписываются различные соглашения; осуществляется работа в международных и межрегиональных организациях; заключаются договоры о сотрудничестве в разных сферах. Но, на мой взгляд, не хватает мероприятий, нацеленных на рост местного самосознания. В рамках внешнего позиционирования это является немаловажным компонентом, так как именно жители города являются первичными носителями информации для внешних субъектов. Многие местные жители, в большинстве случаев, не знают о существовании тех инновационных прорывов и научных открытий, которыми так славится Томск. Необходимо создать такие условия, чтобы томичи приобщались к современной городской идее, ощущали ее предназначение лично для себя и, в конечном итоге, испытывали уважение и гордость за свой город. Для решения этого вопроса необходимы действия по развитию местного самоуправления, например, создание организаций, в которые будут входить представители разных слоев городского сообщества. При создании стратегии позиционирования, местная элита предприняла попытки выстраивания диалога с разными группами городского сообщества, но не нужно останавливаться на достигнутом. Желательной мерой является осуществление деятельности по выработке эффективного взаимодействия между властью и общественностью, где интересы и предложения представителей социальных групп будут услышаны и учтены при управлении развитием города. Также необходимо разнообразить культурную жизнь томичей, в соответствии со стилем продвигаемого имиджа города. Если мы берем за основу «Томск – город науки и инноваций», то нужно приобщать местных жителей к соответствующим различным акциям, концертам, фестивалям, форумам, конференциям, семинарам, встречам с успешными личностями и т.д. Немалую роль, в данном случае, играют средства массовой коммуникации: как можно больше мероприятий должны иметь информационное сопровождение. В заключении, все же необходимо отметить, что целенаправленная символическая политика городской власти – это перспективная тенденция в области управления, отвечающая вызовам времени, когда наращивание культурно-символического капитала является главным козырем экономического роста и городского процветания.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКИХ ПРОЕКТОВ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

А.Ю. Красноперов
Научный руководитель: д.п.н. Н.Г. Щербинина
Томский государственный университет

Появление Интернета оказало мощное влияние на политический процесс в конце XX–начале XXI века. Глобальная информационная сеть дала миру новую форму коммуникации, которая обладает своими специфическими свойствами и качественно отличается от всех иных известных СМК. И главное, мир интернет-технологий продолжает развиваться в быстром темпе. Например, на концептуальном и идейном уровне такие способы политической активности, как голосование через Интернет (в рамках стандартной процедуры выборов) уже нельзя считать чем-то новым, хотя они только начинают внедряться в политическую практику (пионерами в этом отношении стали Эстония и США, а также некоторые регионы развитых стран Запада). Сегодня на повестке дня оказались идеи, которые несут в себе качественно новый взгляд на Интернет как инструмент политической коммуникации. Речь идет об электронной демократии.

Прежде, чем говорить об электронной демократии, необходимо обозначить разницу между ней и другим схожим термином – электронным правительством. Оба эти понятия часто путают (в чем мы убедимся на примере российского опыта). В Российской Федерации под электронным правительством понимается новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов [13. С. 5]. Определение ООН оказывается более кратким: «электронное правительство – это такое правительство, которое применяет ИКТ с целью преобразования своих внутренних и внешних взаимоотношений» [13. С. 6]. Резюмируя ряд устоявшихся определений, мы получаем, что электронное правительство сосредоточено на таких формах участия, которые дополняют существующие процедуры взаимодействия власти и общества, переводя их на виртуальную платформу (например, оказание услуг населению через Интернет).

Электронная демократия же делает ставку на формы участия общества в осуществлении государственной власти или оказания влияния на те или иные вопросы общественно-политической жизни. В зависимости от цели, которые ставят перед собой участники (или теоретики), С.Г. Туронок выделяет два течения в развитии концепций электронной демократии [11. С. 51–63]. Оба течения исходят из предположения, что развитие Интернета будет способствовать демократизации политического режима.

Первое связано с идеей прямой демократии (Л. Гроссман, И. Масуда, Б. Барбера и др.). Исследователи этого направления понимают под электронной демократией форму прямой демократий, которая становится возможной по мере совершенствования интернет-среды. Они верят, что можно так переустроить политическую систему, чтобы все граждане могли напрямую управлять государ-

ством, имея доступ в Интернет. Таким образом, электронная демократия положит основание новой вехе политической истории.

Второе течение – коммунитарное (Х. Рейнгольд, А. Этциони). Его представители делают ставку на то, что Интернет является удобной формой коммуникации для различных социальных групп. В силу ряда удобств он станет новой площадкой взаимодействия групп интересов и отдельных индивидов по аналогии с гражданским обществом. Другими словами, Интернет станет средой коммуникации гражданского общества. Это повысит политическое участие, сделает информацию более доступной, упростит взаимодействие с органами власти, а также внутри и между общественными объединениями.

Принимая оба этих подхода во внимание, перейдем к российским реалиям.

Во-первых, рассмотрим среду, в которой развиваются проекты. Здесь сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, власти официально заявляют о поддержке проектов электронной демократии [7; 10. С. 1], что выражается вплоть до принятия «Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года». С другой стороны, используя термин «электронная демократия» власть подразумевает электронное правительство. Мы убедимся в этом, если посмотрим на определение в Концепции [8. С. 1], проанализируем заявления ответственных лиц [3] и членов ежегодного Конгресса по электронной демократии [5], а также конкретные госпроекты (Единый портал электронной демократии РФ, Российская общественная инициатива, социально-информационный портал «Лица» и др.). Однако сама Концепция предполагает широкий набор возможностей воздействия на власть. К ним относятся [8. С. 5]:

а) электронное голосование (голосование по мобильному телефону, интернет-выборы и т.д.);

б) механизм сетевой коммуникации граждан и коллективного обсуждения социально значимых проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме online;

в) механизм формирования онлайн-сообществ, включая механизмы планирования и реализации гражданских инициатив и проектов коллективных действий;

г) механизм сетевой коммуникации граждан с органами власти, включая инструменты воздействия на принятие решений и гражданский контроль за деятельностью органов власти;

д) механизмы общественного онлайн-управления на муниципальном уровне.

Но на практике большинство из этих механизмов (особенно в части пунктов «а», «г», «д») не реализованы на удовлетворительном уровне, что, к тому же, сигнализирует о существенном отставании от сроков, заложенных в самой Концепции.

В результате, идеи электронной демократии развиваются в среде оппозиции, как на теоретическом уровне (см., например, [3]), так и на основе конкретных проектов (Демократор, Демократия-2, AlterRussia, Дал Слово и др.). Многие из инициаторов таких проектов сознательно противопоставляют свои разработки государственным программам, что особенно заметно проявилось после Первого федерального конгресса по электронной демократии. Ряд сторонников электронной демократии и экспертов подвергли критике государственные разработки и приняли решение работать над так называемой альтернативной концепцией

[9]. Однако это лишь проекты, которые без наложения их на политическую систему не могут играть действительно серьезной роли. Их пытаются реализовывать на основе других структур, таких как Координационный Совет российской оппозиции. Все это приводит к тому, что идеи все чаще сводятся к попыткам организовать гражданский контроль за властью, противодействуя ей. Такая тенденция способствует объединению вокруг проектов людей с наиболее радикальными взглядами на политику.

Второе, на что следует обратить внимание, – это социальные аспекты виртуальной коммуникации. Один из них – так называемый эффект мнимой легитимации (терминология автора). Его суть сводится к тому, что лидер виртуального сообщества может продвигать от имени сообщества интересы и идеи, не разделяемые всеми членами или даже большинством. Лидер при этом апеллирует к численности группы. Это становится возможным благодаря (1) техническим особенностям механизма выдвижения лидера, (2) несменяемости лидера-администратора без его воли, а также отсутствию значимых рычагов давления на него со стороны рядового участника, (3) тому, что, численность сообщества не отражает действительную поддержку, которой обладает лидер или идея, (4) широким возможностям администратора влиять на других участников сообщества вплоть до отстранения их от коммуникации.

Рассмотрим другие аспекты. Политический теоретик гражданского участия Уильям Галстон, опираясь на теорию А. Хиршмена о «входе» и «голосе», пишет [6. С. 79–80] о том, что в случае разногласий с группой или потери удовлетворения индивид предпочтет выйти из этой группы, если издержки выхода относительно невысоки. Если издержки выхода высоки, то индивид предпочтет воспользоваться «голосом», т.е. попытается повлиять на группу. Учитывая тот факт, что издержки выхода из виртуального сообщества крайне низки, Галстон считает, что именно «выход» будет наиболее вероятным вариантом поведения члена сообщества, не удовлетворенного участием в нем. Такое положение дел говорит о том, что виртуальные объединения не отличаются прочностью взаимосвязи своих членов. Схожей точки зрения придерживается О. Яррен, который считает несостоятельным тезис о коммунитарной форме электронной демократии в силу невозможности создать такое виртуальное сообщество, где намерения индивидов были бы ограничены в интересах достижения общей цели [12. С. 64–65].

Еще одним важным аспектом можно назвать то, что Интернет не стимулирует граждан проявлять политическую активность. Исследователь Бронников так писал по этому поводу: «Интернет лишь создает виртуальную среду, некую форму для интерактивного общения граждан, при этом, не вовлекая автоматически абсентеистов в политический процесс» [1. С. 84]. Подтверждение тому дают нам исследования Ноймана [2. С. 74]. Тогда тезис о том, что электронная демократия позволяет избавиться от представительных институтов в пользу прямого участия, также оказывается под сомнением.

Далее, виртуализация политического процесса отрывает участника электронной демократии от непосредственного контакта с политическими реалиями. Возникает угроза, что политические представления будут создаваться под воздействием СМИ, т.к. все пользователи Интернета, которым предоставляется право принимать решение по тому или иному вопросу, не могут быть в доста-

точной мере осведомлены о ней. Допустим, что все же пользователи будут иметь доступ к информации, которая позволяет принять взвешенное и независимое решение. Она должна будет отвечать двум критериям: всеохватность и полнота. Это необходимо для того, чтобы пользователи могли анализировать любую ситуацию, к какой бы сфере она не относилась. Но крайне сомнительным представляется физическая возможность изучить и осмыслить всю эту информацию, не говоря уже о желании делать это.

Стоит принять во внимание сложность реализации электронной демократии на территории всей страны, которая является федерацией. Как, например, принять решение о выделении денег репрессивному региону, если жители остальной части страны (подавляющая часть граждан РФ) будут выступать против? Такие специфические вопросы требуют особого подхода. То же справедливо в отношении внешней политики.

Без ответа остается вопрос о контроле за изменением программного кода, об обработке потока информационных данных, идентификации пользователей, безопасности системы (сбой в работе которой приведет к дестабилизации всего политического процесса).

Личностный фактор также имеет большое значение. Как планируется избежать цифровой неграмотности пользователей? Речь идет не только о неумении работать с компьютером, но и о непонимании принципа устройства глобальной сети, программ и гаджетов, знание которых необходимо для обеспечения безопасности и объективности. Как решать вопрос с кражей личных данных? Или их продажей иным лицам? И, конечно же, актуальной остается опасность кибератак, которые создают угрозу для электронной демократии как изнутри, так и извне, что ведет к резкому снижению стабильности государства как социального института.

Этот перечень можно продолжать. Но уже существующие данные говорят о том, что идеи электронной демократии значительно опережают как готовность общества, так и виртуальной среды к их осуществлению. Здесь открывается еще одна причина, почему официальные разработки в России не продвигаются дальше уровня электронного правительства.

Единственный способ эффективного решения данных проблем – апробация наиболее функциональных проектов, интеграция их в политическую систему с поддержкой властями. Но в российской реальности мы наблюдаем обратную ситуацию. Получается, что государство не хочет использовать проекты, подверженные обозначенным выше проблемам. А эти проблемы не могут быть решены без юридической привязки к политической системе. И несмотря на многие официальные заявления, реальных сдвигов пока не предвидится. Такое положение дел говорит о сохранении тенденции параллельного развития идей электронной демократии, что создает угрозу для конфликтов в будущем, если оппозиционные проекты получат достаточную поддержку для выдвижения своих притязаний на официальное признание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бронников И.А.* Политическая коммуникация и современность // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – №4. – С.66-88.

2. *Быков И.А.* «Электронная демократия» VS «электронное правительство»: концептуальное противостояние? // Политэкс: Политическая экспертиза: Альманах. – Вып. 3. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – С.69–79.
3. *Волков Л.М.*, Крашенинников Ф.Г. Облачная демократия. – Екатеринбург: Изд-во «Кабинетный ученый», 2013. – 240 с.
4. *В этом* году запускаем «Электронную демократию» –. URL: http://izvestia.ru/news/515512 (дата обращения: 02.05.2015).
5. *В.В. Жириновский*: России нужна новая демократия –. URL: http://ldpr.ru/events/zhirinovsky_russia_needs_an_edemocracy (дата обращения: 02.05.2015).
6. *Галстон У.* Влияние Интернета на гражданскую жизнь: первая оценка // Интернет в общественной жизни. – М.: Идея-Пресс, 2006. – С.72–95.
7. *Дмитрий* Медведев: грядет эпоха возвращения непосредственной демократии –. URL: http://echo.msk.ru/blog/echomsk/683997-echo (дата обращения: 02.05.2015).
8. *Концепция* развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года.
9. *Продолжается* работа над альтернативной концепцией электронной демократии в России – . URL: http://idemocracy.ru/17-news/70-ed-conc.html (дата обращения: 02.05.2015).
10. *Путин В.В.* Демократия и качество государства // Газета «Коммерсант». – 2012. – №20. – С.1–2.
11. *Туронок С.Г.* Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С.51–63.
12. *Яррен О.* Интернет – новые шансы для политической коммуникации? // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. – М.: РАН ИНИОН, 2002. –С.63–66.
13. *Begue N.* Терминология электронного правительства. – URL: http://www.rusg2c.ru/system/files/N_Begue%20-%20Терминология%20ЭП_ 0.pdf (дата обращения: 02.05.2015).

АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ

Ф.К.Табакаев
Научный руководитель: д.п.н. Н.Г. Щербинина
Томский государственный университет

Рассмотрение территориальной имиджевой политики в контексте политической науки практически не вызывает споров. Как вид управленческой и информационной деятельности, имиджевая политика может выступать особого рода продолжением перечня других «политик» – молодежной политики, социальной политики, образовательной политики и др. Очевидно, что в данном ключе политика понимается как «деятельность» или «любая рациональная деятельность». Однако, разумеется, не всякая деятельность носит политический характер. Может ли имиджевая политика быть именно «политикой» в устоявшемся значении? Может. Поскольку конструирование имиджа (территории) является одной из важнейших задач государства или региона, поскольку в процессе этого конструирования агрегируются ценности и изучается/формируется общественное мнение по поводу отношения к территории. Собственно эти механизмы изучения и конструирования представляют интерес для ученых с одной стороны, и практиков-управленцев с другой.

Под *имиджевой политикой* будет пониматься информационная «деятельность органов территориальной администрации (соответствующих департаментов), экспертного сообщества и СМИ, направленная на создание привлекательного внешнего имиджа территории среди потенциальных инвесторов (туристов, будущих резидентов, бизнеса) с целью достижения высокой степени конкурентоспособности»; целенаправленная информационная деятельность по продвижению имиджа территории как ресурса политической и экономической конкуренции между регионами

Стоит сразу оговориться, что изучение самой «имиджевой политики» не представляется первоочередной задачей (как вид управленческой деятельности имиджевая политика интересна с практической точки зрения). Перед автором стоит вопрос изучения внешнего имиджа территории как центрального элемента имиджевой политики. Во-первых, имидж – результат общественного мнения (не имеет значения специально создаваемого или стихийно формирующегося), поэтому методы изучения аналогичны традиционному инструментарию социолога (опросы, интервью, фокус группы). Во-вторых, имидж – феномен маркетинговый (к социологическим методам добавляются маркетинговые механизмы изучения, свот-анализ, анализ рынка и конкурентной среды). В-третьих, имидж – феномен политический (идеологический). Имидж территории непосредственно связан с региональной идентичностью населения, проживающего в данном регионе, со всеми вытекающими этнокультурными особенностями, интересами, исторической памятью.

Собственно политологического инструментария изучения имиджа не существует. В политической психологии, или даже в имиджелогии, используют различные методики лингвистического и психологического толка (преимущественно в исследованиях, связанных с феноменом лидерства). С имиджем территории

ситуация еще более сложная. Данный имидж не персонифицирован, обычно часто сводим к стереотипам и изучение его оказывается затруднено. Основные методики рождаются в русле маркетинговых исследований, в сфере менеджмента за рубежом. В авангарде научных открытий в этой области исследователи США (Саймон Анхольт и Филипп Котлер), Нидерландов и Бельгии (Ван ден Меер, Эдвард Браун), Финляндии (Сеймур Раинисто), Греции (Михаил Каваратис). Главной «научной кузницей» имиджевой политики по праву признан журнал *Place branding and public diplomacy*, а основной дискуссионной площадкой является ежегодный симпозиум, организуемый редакцией журнала в одной из стран-партнеров (среди них также присутствуют университеты Польши, Швеции, КНР).

В России методы анализа оказываются заимствованы из западных источников. Во многом это касается и работы А.П. Панкрухина «Маркетинг территорий» (опирается на Ф.Котлера), которая в отечественной профессиональной среде стала одной из главных методических ориентиров. Современные же практики стараются опираться либо на западный опыт (и не раскрывают секретов «своего» успеха), либо смешивают подходы, либо экстраполируют свой предыдущий опыт корпоративного управления на маркетинг территории (имиджевую политику). Однако стоит признать, что успешные инновации в методологии все-таки приходят главным образом из американских и европейских источников. Поэтому российскому исследователю, интересующемуся имиджевой политикой кроме владения основной терминологией на английском языке, нужно учитывать:

- категориальный аппарат (соотнесение с русифицированными аналогами)
- компетенции в сфере статистической обработки информации (программы SPSS и Statistica)
- социологические методики в маркетинговых исследованиях
- новинки научной литературы
- творческий характер как исследовательской, так и проектной работы.

В целом для зарубежных исследователей характерно стремление к синтезу качественных и количественных методов в рамках одного проекта. Сочетание глубинных и стандартизированных интервью с последующей статистической обработкой и публикацией на их основе особых «ментальных карт» [2. С. 50] - яркий пример подобного уровня исследований. Кроме того, не теряют своей актуальности сравнительные исследования по отдельным странам. Маркетологи и дизайнеры часто обращаются к «визуальной антропологии». Остаются в поле зрения и методы работы с текстом (контент и дискурс-анализ).

Анализируя практику последних успешных проектов в области территориального брендинга, необходимо резюмировать, что продвижение территории зависит не от бесконечно длинных перечней параметров факторов (от географического положения и истории, до инвестиционного климата и инновационной экономики) а, во многом, от степени вовлеченности в данный процесс четырех условных «акторов» (в данном случае речь идет о внешнем имидже, создаваемом в информационном пространстве исключительно для внешней аудитории независимо от материального достатка).

Продвижение/конструирование через новости (установление повестки дня). Данный фактор наименее связан с целерациональной имиджевой политикой.

Тем более что в новостных сюжетах на федеральных каналах, как правило, освещаются негативные и резонансные события в регионах.

Продвижение через личностей/лидеров общественного мнения (теория «ЛОМ» П.Лазерсфельда) Публичные заявления известных персон (политиков, звезд шоу-бизнеса, государственных деятелей и пр.) в медийном пространстве позволяют привлечь внимание к той территории, о которой они высказываются – повышается степень информированности о регионе/территории, придается особая значимость).

Продвижение через специальные мероприятия (эвент менеджмент). Наиболее эффективный механизм продвижения территории и формирования ее имиджа. Организация «событий» - информационных поводов максимально привлекает внимание общественности к региону. фестивали КВН, программные рубрики Российского ТВ (реклама Кузбасса и других регионов в программе «Вести Недели», резонансные «сконструированные события» – примером может послужить опера Тангейзер в Новосибирске и пр).

Продвижение через коммерческий сектор (экспорт продукции). Имидж незнакомой территории у стороннего, далекого жителя можно сформировать либо посредством массмедиа (телевидение), либо другой формой массового потребления – супермаркетами и в целом рынком. Яркими примерами служат такие коммерческие бренды как: «Вятский квас» (реклама на пресс-конференции с президентом РФ), «Уральские пельмени» (выпуск пельменей в Екатеринбурге), «Омичка» (плавленый сыр из Омска), зубная паста «Колгейт Алтайские травы», дезодорант «Леди Спидстик Свежесть Алтая», конфеты «Томская птичка» – все это примеры эффективного территориального маркетинга, ориентированного на широкие слои населения)

Антикризисный имиджмейкинг. Наиболее востребованная форма продвижения территории в сложившихся политических условиях. Традиционные механизмы PR и лоббизма тут не работают. Исходя из практики российско-украинского информационного противостояния ведущим инструментом является – пропаганда для своего собственного населения. (Примеры с «антикризисным» пиаром Крыма со стороны России и Херсонской области, как нового курортного района, со стороны Украины). Как правило, антикризисный имиджмейкинг не может достичь результатов на внешней арене.

С позиции *символической политики* маркетинг территории (имиджевая политика) приобретает соответствующую символическую конструкцию. В процессе позиционирования территории становятся особенно важными следующие элементы:

- «форма территории» (степень отличия территории от других регионов в пространственном аспекте, степень узнаваемости территории и легкость ее определения),
- «символическая формы» (символы территории: карта, геральдика, флаги, памятники),
- «институциональная форма» (правительственные и административные учреждения, образовательные центры, региональные агентства развития),
- «форма идентичности» («укорененность» региона/территории в сознании и социальных практиках людей) [3. С. 278].

Мягкая сила – еще один методологический, но не менее прагматический, ресурс в вопросе позиционирования территории [1. С. 52]. В данном случае на первый план выступают международные отношения, в рамках которых осуществляется «гибкое влияние» одного государства на другое. Именно в данном контексте и формируется тот имидж государства (территории), который невозможно сформировать «жесткой политикой» - своеобразный противовес методу «кнута», методом «пряника» (иностранные культурные организации, стипендии, фонды, гранты и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русакова О.Ф.* Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии. // Известия УрФУ. – 2013. – Сер. 3. – № 2. – С. 52–56.
2. *Brandt C.,* Mortanges Ch. City branding: A brand concept map analysis of a university town // Place Branding & Public Diplomacy. – 2011. – Vol.7. Iss.1. –P. 50–63.
3. *Hospers G.J.* Place Marketing in Europe. The Branding of the Oresund Region. // Intereconomics. – 2004. – P. 271–279

НАЦИОНАЛИЗМ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А.Ю. Шефер
Научный руководитель: к.ф.н. Е.Г. Аванесова
Томский государственный университет

Национальный подъем россиян, проявившийся после начала украинского кризиса и государственного переворота на Украине не появился из ниоткуда. Историю становления национализма, охватившего в последнее время широкие слои российского населения можно проследить достаточно четко. В качестве его предпосылок можно выделить следующие.

Во-первых, в достаточной степени сформировавшийся националистический дискурс. Благодаря деятельности русских националистов, в большей степени в Интернет-пространстве, определенные установки получали распространение и подкрепление в общественном сознании. Среди них можно выделить антилиберальные и антизападные установки, этнические стереотипы и ксенофобию, мобилизационные и милитаристские формулы, абсолютизацию российской самобытности и некоторые другие [8. С.45].

Во-вторых, советскую социализацию большинства граждан современной России, включая политическую элиту, в результате которой мы наблюдаем воспроизводство некоторых советских традиций и ценностей. Политологи отмечают сближение современного путинского режима с советским и отдаление от демократических идеалов. При этом в обществе, как и во время холодной войны, снова распространяются антивестернизм и антиамериканизм. А соцопросы 2000-х годов отмечают рост ностальгии по СССР в российском обществе [3].

В-третьих, современный российский национализм сформировался благодаря политике властей. С начала 2000-х годов получила распространение идея «возрождения сильной России». Имидж президента Владимира Путина и его поддержка населением, меры по укреплению единой российской нации, политика памяти в области победы в Великой Отечественной Войне, использование СМИ для поддержки режима и пропаганды – все это в той или иной степени определило атмосферу современного российского общества и распространившиеся общественные настроения. *Можно сказать, что власть поддержала и усилила националистические и советские ориентации населения, направив их на поддержку режима, таким образом, обезопасив себя.*

Так, 2013 год стал апогеем русского национализма, в частности, лозунг «Россия для русских» стало поддерживать 66% населения (на 10% больше, чем годом ранее), прослеживался значительный рост негативного отношениях к выходцам с Северного Кавказа и мигрантам [6]. Однако уже при наступлении 2014 года были замечены перемены в настроениях и активности граждан: приговор по «Болотному делу» был оглашен 24 февраля 2014 года, когда все внимание россиян было приковано к украинскому государственному перевороту, происходящему в те же дни. В результате митинги несогласных с приговором не переросли в массовые беспорядки, было задержано по официальным данным только 70 человек. *Усиленное внимание российских СМИ украинскому кризису можно рассматривать как переключение внимания населения с внутренних проблем на внешние,* в результате чего режим, не решая внутренних проблем, смог повы-

сить свою легитимность в глазах населения. Накопившаяся энергия, которая в ближайшем будущем могла выплеснуться и нанести существенный удар режиму, была вовремя обращена в полезное для власти русло посредством усиления мобилизации населения через распространение российского национализма.

Российский национализм стал результатом национальной политики правящей элиты и выражается в попытках синтеза гражданского и цивилизационного по А. Верховскому [2] или политического и культурно-этнического понимания нации. Гражданская нация представляет собой согражданство с единством граждан как коллективного источника власти. Цивилизационная нация представляет собой культурно-историческую общность, для России – мирное сожительство двух сотен этнических групп, скрепленных русским этническим ядром. Эти подходы, как правило, считаются теоретически не совместимыми, однако реализуются в политике РФ. Я поддерживаю исследователя национализма В.С. Малахова, который утверждает, что два понимания нации представляют собой чистые типы и в реальности существуют исключительно в смешанном виде, дополняя друг друга [4].

На протяжении 2000-х можно увидеть ослабление позиций гражданского подхода и усиление цивилизационного на фоне пропаганды идеи «сильной России» и ностальгии по советскому прошлому. Причем если гражданский, либеральный подход заявляет об отсутствии единой идеологии в обществе, то для цивилизационного подхода она необходима. В итоге мы получаем современный режим, который в результате украинского кризиса сформулировал свою национальную идеологию, но имеет трудности с ее признанием.

Почему же существующие общественные настроения в российском обществе можно назвать националистическими? Термин «национализм» в России обладает негативными коннотациями, которые идут из советского прошлого, когда национализм представлялся разрушительным явлением, и ему противостояла толерантность в виде «дружбы народов». Идеологическое наследие советского прошлого продолжает жить и по сей день. В 2000-х и первой половине 2010-х годов мы наблюдаем рост ностальгии по СССР и негативное отношение к национализму у большинства населения РФ [3]. Если предположить, что негативное отношение к национализму основано на его шовинистской трактовке, которая до сих пор встречается в отечественных политологических словарях, как «идеологии, основанной на пропаганде национальной исключительности и превосходства» [1], то есть как весьма нетолерантном явлении, то мы столкнемся с тем, что социологические опросы демонстрируют традиционно высокие показатели нетолерантности россиян в виде кавказофобских и мигрантофобских настроений. Б. Дубин объясняет это тем, что россияне в целом не готовы применять понятие национализма к себе, они воспринимают его как «чужой», угрожающий «нам», «своим» [3]. На мой взгляд, националистами являются намного большее количество людей, нежели заявляет об этом.

Отношение политической элиты к национализму также противоречиво, как и у общества. В последние полтора десятилетия в России можно обнаружить тенденцию роста консервативной политики, опору на национальные традиции, стремление отстоять важное положение на международной арене. В политической практике российского государства мы видим ориентацию на интересы нации с подчеркиванием ее культурно-исторических особенностей, и это можно

назвать национализмом. Однако с использованием термина «национализм» властью ощущаются очевидные трудности. При столь негативном отношении общества к национализму, власть не может провозглашать себя националистической, даже вкладывая в это понятие вполне либеральное содержание. Однако эти установки для власти очень привлекательны и иногда прорываются не только на деле, но и на словах. Так, перед президентскими выборами 2008 года Путин отозвался о себе и Медведеве как русских националистах «в хорошем смысле слова», определяя национализм как патриотический настрой и стремление «самым активным образом» отстаивать интересы России на международной арене [5]. После начала украинского кризиса и государственного переворота на Украине, в котором значительную роль сыграли националистически настроенная молодежь и организации правого толка, отношение к национализму в России еще сильнее ухудшилось. СМИ и политики, анализируя произошедшие события, стали приравнивать украинский национализм к фашизму. А обвинение в фашизме, на мой взгляд, в виду культивируемой т.н. «победы над фашистами» 70 лет назад в современном русском языке является сильнейшим обвинением в жестокости и бесчеловечности. Повлияла на ухудшение отношения к явлению и термину не только интерпретация СМИ, но и то, что у россиян в украинском кризисе появились «свои» (Юго-Восток Украины) и «чужие» (Киев), которые оказались националистами, а зачастую «укрофашистами». И это опять же наложилось на схему, в которой национализм может быть только чужим и враждебным.

Я делаю следующий вывод. Не смотря на затруднительное использование термина «национализм» со стороны власти и общества по отношению к себе, я нахожу его использование позволительным и более предпочтительным по сравнению с нетабуированным понятием «патриотизм».

Содержание современного массового национализма в российском обществе составляют как ориентации, основанные на негативных эмоциях, так и на позитивных. На негативных основаны ксенофобские настроения (кавказофобские и мигрантофобские в последнее время ослабились, частично заменившись на украинофобские) и антивестернизм, включая антиамериканизм. На позитивных – патриотические настроения (любовь и преданность своему Отечеству, гордость за свою страну) и одобрение действий президента В. Путина, включая персонификацию власти с президентом и культ его личности. Таким образом, наблюдаемое явление, обозначаемое как российский национализм, мыслится более широким, чем не табуированное понятие патриотизма.

Однако, стоит отметить, что националистическое единение граждан в России происходит иначе, чем в западных странах. Для западного национализма характерно восприятие нации как высшей ценности, требование проведении политики в интересах граждан. В случае России национализм преломляется через русскую культуру и психологический тип русского человека. Для русского человека, как и для россиянина, духовное, нравственное начало всегда превалирует над материальным. Исходя из этого, можно предположить, что русские не боятся экономических санкций Запада, так как знают, что следуют справедливости. Справедливость и правда всегда были главными нравственными ориентирами русского народа. Воплощаться эти ориентиры могут через мессианство, что мы наблюдаем в 2014–2015 гг. в виде воющих на Юго-Востоке Украины добровольцев из разных регионов России, отправки туда гуманитарных конвоев МЧС РФ и по-

жертвований россиян, а также активное дипломатическое участие России в урегулировании украинского конфликта. Россияне демонстрируют поведение, которое соответствует подмеченной русскими философами еще в XIX– нач. XX века так называемой Русской идее, что говорит о том, что Русская идея продолжает жить и по сей день. В сознании русских (россиян) продолжает жить миф об особой духовности русского народа, его жертвенности, стремление помогать другим и защищать «правду».

При этом политическая культура участия не получила распространения в России, деятельность патриотов, проправительственных националистов, а теперь и широкой общественности, как правило, сводится к одобрению и поддержке действующей власти и непосредственно президента. Эта деятельность достаточна далека от того, что понимают под национализмом на Западе. *Таким образом, современный российский национализм, консолидирующий общество, имеет черты патриотизма, но включает не только чувства, обращенные к государству, но также отношение к ряду внутренних и внешних проблем.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Василик М.А*., Вершинин М.С. Политология: Словарь-справочник –. URL: http://politike.ru/dictionary/286/word/nacionalizm (дата обращения: 9.05.2015).
2. *Верховский А*. Этнополитика федеральной власти и русский национализм // Pro et contra. – 2014. – №1–2. – С. 19–33.
3. *Дубин Б*. «Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян –. URL: http://www.intelros.ru/readroom/ pro_et_contra/p1-2-2014/23682-chuzhie-nacionalizmy-i-svoi-ksenofobii-vcherashnih-i-segodnyashnih-rossiyan.html (дата обращения: 9.05.2015).
4. *Малахов В.С*. Русская или российская: национальный вопрос в современной России –. URL: http://theoryandpractice.ru/posts/8300-russkiy-rossiskiy (дата обращения: 9.05.2015).
5. *Медведев* – русский националист, как и сам Путин –. URL: http://www.youtube.com/watch?v=Cxu7oK0cG-I (дата обращения 9.05.2015).
6. *Национализм*, ксенофобия и миграция –. URL: http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya (дата обращения 9.05.2015).
7. *Приговор* по «болотному делу», оглашенный 24 февраля 2014 года, спровоцировал массовые задержания несогласных на Манежной площади –. URL: http://www.fontanka.ru/2014/02/25/178/ (дата обращения 9.05.2015).
8. *Шпагин С.А*. Актуальные проблемы российской политики: учебно-методическое пособие для студентов вузов. – Томск: Издательский дом Томского Государственного Университета, 2013. – 72 с.

СОЦИОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ЭТНОГРАФИЯ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПУБЛИКИ

Д.О. Дунаева
Научный руководитель: к.ф.н. С.В. Пирогов
Томский Государственный Университет

Театр как вид искусства и как форма проведения свободного времени является предметом социологии театра, однако он включен и в социологию искусства, и в социологию досуга. Исследования театра начались в начале прошлого века. Изначально это были заметки в газетах, даже без указания авторства, в 30-е годы социология оказалась под запретом, исследования театра прекратились, и только в конце 50-х вновь возобновилась работа по исследованию театра. 1960–1970-е годы – пик расцвета социологии театра, в это время было организовано большое количество исследований театральной публики, получила развитие театральная статистика. Важный вклад в социологию театра внесли Л.Н. Коган, А. Вахеметс, С. Плотников, К. Каск, Л. Веллеранд, Ю.У. Фохт-Бабушкин, И.И. Рожков, Б. Грушин, В.Н. Дмитриевский и многие другие исследователи. Также в это время в Москве функционировал Научный совет по экономике, организации и социологии театра, на встречах которого социологи обменивались опытом. В 90-е активно работала по этому вопросу группа А.Я. Рубинштейна.

Изначально изучением театра занималось театроведение, однако оно не брало во внимание театральную публику, она описывалась и анализировалась очень редко и только в том случае, когда происходили конфликты, когда спектакль воспринимался крайне негативно или, напротив, крайне позитивно. С возникновением социологии театра (начало XX века) публика стала предметом изучения, однако из-за популярности в то время количественной методологии сегодня мы имеем довольно поверхностное описание зрителей прошлого века. Театр как социальное явление тесно связывает с собой зрителей: публика и театр взаимозависимы. «Театр и его аудитория развиваются вместе, и трудно сказать, кто в этой паре является локомотивом» [5. С. 5]. Социальные проблемы общества, актуальные социальные вопросы зеркально отражаются в театральных спектаклях. По популярности той или иной постановки можно делать выводы о том, что волнует публику, на что она ориентирована, какие проблемы переживает, а «поняв, кто герои этих пьес, как поворачивается их судьба, что движет персонажами, на что они надеются, как живут, кого или чего боятся, и так далее, – можно составить предположительный портрет российского театрала» [4]. В 90-е годы театры стали ориентироваться на запросы публики. Тогда героями самых популярных спектаклей были люди, в жизни которых произошли глобальные, судьбоносные, необратимые перемены, которых они не желали и не ждали, причем перемены, в основном, к худшему. Ближе к концу 90-х в пьесах стали появляться герои, к которым судьба проявила благосклонность и их жизнь стала лучше,

причем такие перемены произошли стихийно, воспринимались они скорее как удача, везение, «манна небесная», а не как результат упорного труда. По-прежнему популярны истории, в которых судьба героев не меняется, она стабильно трудная. В целом портрет главного героя пьес 90-х примерно такой: этот человек небогатый, немолодой, и он не может найти себе нишу в новой социальной реальности. В общем это вполне соответствует действительности того времени, что подтверждается и социологами. Возможно, публика идет в театр, чтобы увидеть в нем себя или своих знакомых, знакомую жизненную ситуацию, поэтому и театр подстраивается под потребности зрителей. Жизнь на сцене отражает жизнь в обществе.

Изучение театра в плане методологии не отличалось разнообразием: в 20-х годах имелся опыт использования метода учета точных зрительских реакций, однако с его помощью было затруднительно проводить анализ из-за недостаточной информации о публике, поэтому исследователи на протяжении почти всего XX века использовали анкетирование. С помощью анкет они выяснили ряд объективных характеристик публики: среднестатистические зрительские оценки спектаклей, популярность репертуара, среднестатистическое количество посещения театра, социально-демографические характеристики посетителей театра. На основании полученных данных театральную публику дифференцировали на группы по посещаемости, по статусу, по возрасту, а с 80-х Фохт-Бабушкин и Соколов предложили новый критерий разделения – в зависимости от степени развития личности. Согласно этой характеристике был сделан вывод, что чем выше степень умственного развития человека, тем чаще он посещает театр. Это подтверждает тот факт, что в то время театр воспринимался как «элитарный» вид досуга, поход в театр был тождественен «приобщению к высокому искусству», добавлял в статусную позицию человека значимость, культурность.

Однако в современной России многое изменилось: как население, так и театральная публика стали гетерогенны – они состоят из разных сообществ, возникших на разной ценностно-смысловой основе. Поэтому количественный, среднестатистический подход обнаруживает свою методологическую несостоятельность в плане изучения гетерогенной публики современного театра. Каждый индивид, с точки зрения герменевтики, конструирует свой вариант реальности, поэтому только с помощью качественных методов возможно увидеть ту реальность, в которой он живет, воссоздать его интерпретации происходящего, создать интерпретативную теорию. Позитивизм же основывается на сциентистском подходе, который изучает факты и исключает рассмотрение «социальных феноменов», как результатов личной интерпретации индивидом окружающего его мира. Количественный подход при формировании своих инструментов руководствуется гипотезами, распространяющимися на все население. Социокультурная ситуация как в стране, так и в театре такова, что интерес представляют не среднестатистические показатели, а различные жизненные миры россиян. Театр не существует в объективной реальности даже в тот момент, когда его воспринимает зритель, потому что зритель – он разный. Театр (актеры, режиссеры, драматурги др.) тоже постоянно меняется. Вне живого контакта актер-зритель театр перестает быть театром. Спектакль – в какой-то степени виртуальная реальность, ибо существует в сознании режиссера, актеров и зрителей как некая воображаемая действительность, каждый раз реконструируемая заново на сцене.

Как целостное произведение театрального искусства спектакль после представления остается существовать только в памяти зрителя и лишь при условии, что зритель сможет реконструировать его смысловую структуру в результате конечной рефлексии. И жанр, и форму, и всю содержательность спектакля, как и всякого художественного текста, нельзя понять вне процесса понимания, и процесса конструирования текста из множества микроконтекстов коим и занимается театральная герменевтика.

Исследователи отмечают снижение интереса к высоком искусству, массовизацию вкусов, престижное потребление. Театр все больше ориентируется на массовую аудиторию, стремясь выдержать кассовые сборы. Но в то же время театр не перестает существовать как культурная форма проведения досуга, хотя смыслы досуга, в том числе театрального, становятся различными. В этом заключается актуальность темы исследования.

В связи с вышесказанным, становится важным получить ответ на вопрос - какие смыслы, интенции существуют у современной театральной публики? Чтобы ответить на этот вопрос, было проведено исследование этнографического типа с целью изучения театральной публики Томска и Северска. В исследовании мы руководствовались следующими идеями социальной этнографии:

1. Задача социальной этнографии – через детальное описание повседневных практик выявить общие, типические образцы поведения;
2. Предмет социальной этнографии – разнообразный жизненный опыт людей, их культурные практики;
3. Чтобы понять суть действия индивида, важно знать, как он сам определяет ситуацию и смысл своего действия;

Перед нами стояла задача выявить типические образцы поведения театральной публики путем рассмотрения их повседневных практик, также важно было понять, как сами театралы определяют свои действия, этим и обусловлен выбор этнографического типа исследования.

Метод: полуформализованное интервью. Выборка – целевая: 10 информантов, 5 из них – постоянные посетители театра («театралы»), 5 – актеры театров, выступающие в качестве экспертов). Гипотеза исследования: театральная публика неоднородная, дифференцированная, имеет разные мотивы посещения театра;

В ходе исследования были выделены следующие вопросы:

1. Представления информантов о досуге;
2. Место театра в структуре досуга информантов;
3. Мотивы посещения театра информантами;
4. Причины изменений в репертуаре театра;

Итак, для начала нам было важно узнать, что информанты вкладывают в понятие досуг. В основном он воспринимается информантами как время, свободное от работы или учебы, когда можно заняться любимыми делами. Мы выделили 3 основных функции досуга: рекреационную, развлекательную и развивающую. Одни считают, что главное – отдохнуть физически («Лечь перед телеком полежать на диване или какой-нибудь журнал полистать»), другие – развлечь себя «встречаюсь с друзьями, ходим куда-нибудь…развлечься»), отвлечься от повседневных обязательных дел, третьи – что досуг должен развивать человека в когнитивном, социальном и физическом плане («он (досуг) должен давать че-

ловеку новые знания, человек должен что-то постоянно узнавать»). Можно сказать, что информанты понимают досуг по-разному, и не для всех важно саморазвитие.

В ходе интервью было выявлено два важных, на наш взгляд момента:

1. Почти все информанты недовольны своим досугом, точнее его домашней формой. Им бы хотелось разнообразить свое свободное время, попробовать новые формы, добавить активности (прогулки, пикники, спорт) («Я бы хотела почаще выбираться из дома…не каждый день посещать различные высококультурные мероприятия, но просто проводить время вне дома, ходить…в кино или в кафе, те же театры посещать почаще, гулять»).
2. Однако информанты даже не пытаются что-либо поменять, не предпринимают никаких решительных действий. Одни ссылаются на чрезмерную занятость, другие вовсе не могут объяснить причины своей пассивной деятельности («Я бы хотела его (досуг) немного разнообразить, даже не знаю на самом деле, что мне мешает»).

Таким образом, можно говорить о нереализованности потребности в свободном времени как времени саморазвития, о превалировании домашнего досуга над общественным, а также об отсутствии у информантов мотивации к изменению структуры своего досуга.

Следующей задачей было выявить место театра в структуре досуга информантов. Обращение к театру обусловлено тем, что его можно рассматривать как развивающий вид досуга. Насколько он востребован – вот проблемный вопрос.

Информанты полагают, что театр сегодня – востребованный вид досуга, говорят, что популярность театра резко возросла («Люди сейчас потянулись в театр»). Также отмечается специфика театра как места проведения досуга: информанты говорят о том, что в театр ходят люди образованные, интеллигентные. Помимо этого, театр воспринимается как форма проведения досуга, которая не имеет альтернатив. В театр, в отличие от, например, кино, нельзя зайти, просто проходя мимо, к этому нужно готовиться («Театр для подготовленных людей»). В этом видится принципиальное отличие театра от других видов досуговой деятельности, его специфика.

Одни информанты не видят конкурентов театру вовсе, полагая, что у театра есть своя постоянная публика, другие не видят сильных конкурентов театру. Зрители в качестве таковых выделяют кафе, занятия спортом, кинотеатры. Актеры согласны с ними в этом, но они также считают конкурентами другие театры, с лучшим техническим оснащением, более профессиональным режиссером, труппой, более разнообразным и интересным репертуаром. В связи с тем, что кино фигурирует в ответах как актеров, так и зрителей, мы решили выяснить их отношение к кинотеатрам. По этому вопросу присутствуют как позитивные, так и негативные оценки.

Позитивные оценки кино связываются с его техническими средствами, которые, по мнению информантов, театр обязан перенимать, иначе ему будет все труднее составлять достойную конкуренцию («Я не верю в спектакли, где «ой, гениальные артисты, два слова поставим и все полный зал забьем». Да не будет этого. Театр должен и в плане техническом конкурировать с кино. Ну как, вот сейчас диснеевские мультики, это же обалдеть…обалдеть какие эффекты. А тут что? – максимум можно повесить синюю тряпку, помотать и это море?»).

Негативные оценки связаны с восприятием кино как синтетического, неживого вида искусства, информанты делают акцент на том, что действие на сцене театра – настоящее, происходит здесь и сейчас, поэтому больше затрагивает чувства («Кино – синтетическое искусство, «Я всегда считал, что вот в кино есть 2D, есть 3D, есть 5D, а театр это 10D»).

Актеры также отмечают два интересных момента:

1. Мысль о том, что театр тем популярнее, чем менее активно общество. Когда никаких изменений не происходит, жизнь размеренная и спокойная, люди тянутся в театр. В революционное, бурное время события в реальности становятся интереснее событий на сцене, и театр становится менее популярным («Когда в стране бурная политическая и общественная жизнь, все отходит на второй план, вот как было у нас в 90-ые годы, когда вроде страна начала вставать на какие-то новые… новую дорогу, театр вдруг стал не таким интересным. Жизнь была бурной, такой интересной, такие интересные программы были по телевизору, такие дискуссии – это всех захлестнуло»).
2. Театр отвечает запросам общества. С изменением ценностей и интересов людей меняется и жизнь на сцене – сюжет, стиль постановки, главный герой. Актуальные проблемы общества получают свое отражение в театральных постановках.

Как центральную задачу исследования можно отметить выявление мотивов посещения театра. Гипотеза исследования состояла в том, что публика имеет разные мотивы посещения театра, придает походу в театр разные смыслы, она полностью подтвердилась – в театре для информантов имеют значение разные аспекты. В качестве общего можно выделить «особую атмосферу». Информанты не могут точно интерпретировать это понятие, но все его употребляют («Начиная от звонка, который раздается в театре, проход в зал, там, предвкушение того, что сейчас начнется спектакль, аплодисменты, впечатления, взаимодействие с актерами, все равно оно присутствует, какое-то душевное объединение, атмосфера другая… более насыщенная, специфическая»). В общем, можно сказать, что атмосферу создает процесс подготовки к спектаклю, интересная публика, обстановка в театре, живая игра актеров. Это мотив выхода из повседневной жизни.

Основные мотивы посещения театра мы разделили на 7 групп.

1 группа: «В театр ради театра». Цель: посмотреть спектакль, получить впечатления от него. («Главная фигура в театре – это хороший, качественный, обалденный, интересный, модерновый, не знаю, мощный спектакль, который будоражит сердца, ума людей. В этом городе, в других городах, вообще по миру»). В 20 веке, в СССР этот мотив считался центральным и единственным для всей театральной публики. Обычно людям с таким мотивом важно, на какой спектакль идти, какой состав играет, кто режиссер постановки - это «придирчивая публика», она может критиковать, потому что разбирается в этом, имеет опыт, может сравнивать.

2 группа: «Главное – показать себя». Цель: тщательно продумать свой внешний вид, побывать в общественном месте, пообщаться с людьми. («Мы иногда по магазинам можем пройтись накануне, чтобы в первую очередь для себя выглядеть красиво в таком месте, я считаю, что надо соответствовать»). Этот мотив свойственен в основном женщинам. Получение удовольствия от общения с

интересной публикой, прогулок по фойе. Спектакль здесь не имеет особого значения, он может быть в любом жанре, с любым сюжетом, он не подвергается критике, так как воспринимается как продукт деятельности профессионалов, а значит, не может быть плохим.

3 группа: «Место встреч». Цель: встретить знакомых. («Знакомых, опять же, встречаешь, иногда бывает, что давно человека не видишь, пошел в театр на какую-то премьеру, или спектакль, пусть даже не премьерный, обязательно кого-нибудь встретишь, театр – место встреч»). Это скорее дополнительный мотив, он может сочетаться с другими.

4 группа: «Самопрезентация». Цель: познакомиться и пообщаться с новыми людьми, пофотографироваться, посетить буфет. («В антракте я часто гуляю по фойе, мы еще иногда фотографируемся», «Мне кажется, есть люди, для которых важно сфоткаться, потом выложить фотку в instagram и сказать: «смотрите, я был в театре!»). Здесь театр воспринимается как престижная форма проведения досуга, которая поднимает статус человека в глазах других, поэтому важно, чтобы о походе узнало как можно больше людей, а фотографии – некие доказательства.

5 группа: «Я – культурный». Цель: произвести впечатление на друга, на партнера, на себя. («Сводить свою девушку, показать, что ты культурный»). Здесь театр воспринимается как культурная форма проведения досуга. Человек с таким мотивом хочет доказать или подтвердить, что он интеллектуал, что он способен понимать сложные вещи, происходящие на сцене, и более того, они ему интересны.

6 группа: «Быть в курсе». Цель: иметь возможность обсудить спектакль с друзьями, поддержать разговор с коллегами, знать, что происходит в культурной жизни города. («Ну, опять же, общественное мнение, то есть когда люди разговаривают, хочется быть в теме»). У человека есть потребность во взаимодействии с социальной группой, в которой театр является популярным. Он боится быть исключенным, так как это скажется на его работе или межличностных связях.

7 группа: «Все пошли, и я пошел». Цель: не отделяться от группы, не вступать в конфликты с тем, кто позвал, отказываясь. («Обычно в театр меня вытаскивает моя девушка»). Это группа людей, которая пришла в театр за компанию. Им, также как и 6 группе, не хочется отрываться от коллектива. Сюда можно отнести коллективные походы школьных классов.

Чтобы выявить изменения в репертуаре, мы сравнили популярные спектакли 90-х годов и современные спектакли по 3 пунктам: запретные темы, главный герой, популярные жанры.

Выяснилось, что запретных тем для современных режиссеров нет, тогда как в 90-е таковых было предостаточно: война, политика, церковь, армия, ксенофобия, криминал. Главные герои современных пьес – разные, нельзя выделить усредненный типаж, это и сельские жители, и преступники, и влюбленные, и самоубийцы, и солдаты, и сумасшедшие. В 90-е были одинаково популярны водевили, комедии, драмы, мелодрамы, а в современном театре на первый план вышли комедии, на них зрители ходят чаще, в репертуаре театра их больше. В этом видится негативная тенденция, так как на комедии люди идут не думать, а развлекаться, и здесь снова уместна проблема смещения развивающей функции театра

(и досуга в целом) в развлекательную. Актеры, работающие в разных театрах, в разных городах отмечают, что публика везде по-разному понимает и принимает спектакли. Для них важно, чтобы зрители чутко реагировали на спектакль, готовились к нему, важно слышать отзывы о своей работе, конструктивную критику («идеальная публика – которая идет специально в конкретный театр на конкретного режиссера. Не так, что человек приходит такой и «О, че это тут мне показывают, это же типа классика, а где кринолин?», «люди, раз уж они пришли на этот спектакль, они какое-то отношение к книге должны иметь, брать ее в руки хотя бы. Они должны быть готовы к разговору. Это разные люди, которые приходят на серьезные спектакли и которые ходят на пошлые такие, низкопробные комедии, которые театр вынужден ставить, потому что кассовые сборы надо выдерживать»). Они отмечают, что современные, модерновые постановки зрители не понимают, уходят во время спектакля, пишут негативные отзывы. Можно сказать, что зрители привыкли к классическом пьесам и не хотят видеть новаторские постановки, для большинства из них театр только тогда остается театром, когда соблюдены все «правила»: соответствующая обстановка (кулисы, сцена, большие люстры), подобающая одежда (не спортивная, не повседневная), очередь в гардероб, программки, и, конечно же, спектакль по классике.

Выводы:

1) Гипотеза нашего исследования подтвердилась, театральная публика действительно имеет разные мотивы посещения театра, иногда резко противоположные.

2) Досуг понимается как свободное от работы или учебы время, которое можно посвятить себе. Развивающая функция досуга реализуется слабо.

3) Театр – востребованный, особенный вид досуга, для наиболее развитой в интеллектуальном плане группы населения; С театром может конкурировать только кино – за счет технических приемов.

4) Репертуар театра меняется со временем, в зависимости от запросов публики, отражает актуальные социальные проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование //Журнал социологии и социальной антропологии. – Т. 1. – 1998. – №1. – С. 98-124.

2. *Введение* в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики: Учеб. пособие / А.С. Готлиб. – Самара.: Изд-во «Самарский университет», 2002. – 424 с.

3. *Гирц К.* Насыщенное описание: о природе понимания в культурной антропологии // Антология исследований культуры. – СПб: Университетская книга, 1997. – Т. 1. – С. 73-89.

4. *Дубнова М.* Театральная публика девяностых: бывшие, небогатые и немолодые //Знамя. – 2003. – №2.

5. *Егорова М.Н. Т*еатральная публика: эволюция анкетного метода. - М.: ГИИ, 2010. – 162 с.

6. *Корниенко А.* Отклик на книгу «Театр и публика: опыт социологического исследования1960 – 1970-х годов» //Телескоп. – 2013. - №4. – С. 49-52.

7. *Новые* направления в социологической теории / Д. Силвермен, Д. Уолш, М. Филипсон, П. Филмер / Пер. Л.Г. Ионина, общ. ред. Г.В. Осипова, вступ. ст. Л.Г. Ионина и Г.В. Осипова. – М.: Прогресс, 1987. – 392 с.
8. Новый зритель и новые ожидания – // Современная драматургия / П. Богданова. – 2002. - №2. URL: http://www.smotr.ru/ pressa/sd/sd_2_2002_rub.htm (дата обращения: 03.02.2015).
9. *Публика* театра. Социологические свидетельства 1890-х – 1930-х годов / сост., вст. ст. и прим. Ю.У. Фохт-Бабушкина. – СПб. Алетейя, 2010. – 764 с.
10. *Романов П.В.*, Ярская-Смирнова Е.Р. «Делать знакомое неизвестным…»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. – 1998. – № ½. – С. 145–160.
11. *Социальная* антропология: Учеб. Пособие / Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов. – М.: УМО вузов России по социальной работе, 2004. – 387 с.
12. *Юрьева А.В.* Театр как культурное наследие России (глазами актеров малого уральского города) // Молодой ученый. – 2011. - №2. – С. 167–169.

ОТРАЖЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ИНОСТРАННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКИХ СМИ

В.С. Жаворонков
Научный руководитель: к.с.н. М.Е. Макеева
Новокузнецкий институт (филиал)
«Кемеровский государственный университет»

Миграция является неотъемлемой составляющей современного мира, являясь одновременно и частью глобальных процессов и продуктом глобализации. Считается, что интенсивные миграционные процессы – это отличительная черта современного глобального общества от обществ первобытных, кастовых и сословных. Данное утверждение исходит не только из оценки масштабов переселения, но из признания свободы передвижения в качестве одной из функциональных практик и базовых прав человека, являющихся меткой современности как таковой [3. С. 5]. Побочными эффектами подобного рода явления выступают социальное давление на рынок труда, менталитет, культуру принимающей страны, образ жизни ее населения, что выступает катализатором повышения уровня напряженности, неприязни и ксенофобии в отношении переселенцев. Поэтому в настоящее время феномен миграции рассматривается не столько как стихийный процесс перемещения людских масс с одной территории на другую, сколько как организованное явление социально-экономического, политического и культурного характера.

Проблемы миграции и миграционной политики, актуализированные в первую очередь вопросами межнациональных конфликтов и нелегальной миграции, являются насущными не только для бывших колониальных метрополий или США, переживших уже не одну волну переселений. Другие страны, не являющиеся основными «приемными пунктами» мигрантов, не могут считаться моноэтническими, а как следствие, вынуждены решать в нагрузку к вышеуказанным проблемам вопросы толерантного отношения и сосуществования между принимающим обществом и переселенцами [4. С. 17]. При этом речь идет уже о миграционном вызове как составляющей части более широкого и многопланового вызова в области толерантности, заключающегося в испытании терпимости к различного рода инаковости, окружающей индивида в повседневности [1. С. 90].

Исключением не является и Россия, где данная тема актуализировалась с момента распада СССР. Имеется широкий спектр предложений по разрешению сложившейся негативной ситуации в области миграционных процессов, варьирующийся от либерального мультикультурализма до радикального национал-патриотизма. Проблемы миграции, с которыми сталкивается РФ, несмотря на их культурную, социальную, демографическую и политическую специфику, имеют точки соприкосновения с мировой практикой, что дает возможность проанализировать предыдущий опыт в данной сфере. Однако в большинстве случаев управленческая практика ограничивается экстраполяцией имеющихся технологий из Западной традиции, считающейся практически идеальной, на сложившуюся в нашей стране среду, не различая при этом позитивные и негативные аспекты подобного переноса. Выявление «сильных» и «слабых» сторон миграционной политики иностранных государств, являющихся для нас ориентирами в

данной области, позволит сократить издержки по внедрению подобных технологий и усилить их адаптивность к российской социокультурной среде.

Форму и содержание репрезентации иностранной миграционной политики можно проследить в российских СМИ. Подобное утверждение связано с укоренившимся мнением о том, что средства массовой информации перестали быть просто инструментом передачи новостей. Это неотъемлемый компонент социального бытия, служащий средством приобщения человека к событиям мира, посредником в формировании культуры. Формирование межэтнических установок, настроений относительно миграционных процессов, взаимодействие средств массовой информации и органов государственной власти по информационному сопровождению проводимой политики в отношении миграции, по мнению большинства ученых, представляет наибольший интерес для социологических исследований разного рода [2. С. 183]. Поэтому из всего вышеприведенного следует актуальность данной работы.

Однако возникает резонный вопрос: в каком ракурсе представляется миграционная политика иностранных государств в российских СМИ? Данный вопрос переходит в противоречие, связанное с мнением о преобладающем содержании образа иностранной миграционной политики в СМИ.

Выделенное противоречие обусловило проблему исследования, которую можно сформулировать в следующем виде: «Каковы основные направления миграционной политики иностранных государств, представленные в пространстве российских СМИ?».

Цель данной работы: выявить основные направления миграционной политики иностранных государств, отражаемые в российских СМИ на примере РИА «Новости», Russia Today, «Голос России».

Гипотеза исследования: основным направлением миграционной политики иностранных государств, отражаемым в российских СМИ, является адаптация и интеграция мигрантов в принимающее сообщество.

Было проведено эмпирическое исследование публикаций трех СМИ: РИА «Новости», «Голос России», «Russia Today», по теме миграционной политики методом контент-анализа. Выборка пропорциональная, объемом 216 публикаций (РИА «Новости» – 24; Russia Today – 37, Россия сегодня – 155).

Результаты настоящего исследования отражения направлений реализации миграционной политики иностранных государств в российских СМИ дают веские основания сформулировать несколько обобщений и выводов.

Во-первых, проведена интерпретация понятия «миграция». Была еще раз подчеркнута важность изучения и регулирования данного процесса для благополучия общественной системы в целом. Недостаточное внимание к миграции как социальному процессу может породить определенные негативные эффекты, проявляемые в росте количества нелегальных мигрантов, процента этнической преступности, ксенофобии и национализма. Поэтому для их сглаживания необходима разработка и внедрение мер нормативного и практического характера по регулированию и контролю указанного социального процесса. Подобный теоретико-методический комплекс носит название «миграционная политика».

Во-вторых, в ходе разбора понятия «миграционная политика» было выявлено несколько базовых концепций, отличающихся степенью радикальности мер, применяемых для регулирования различных сфер рассматриваемого процесса.

Также отмечено, что миграционная политика по своей сути – это сфера с преобладанием властных отношений, включающая в себя определенный дискурс и механизмы его конструирования, проявляемые в изменении, ужесточении или ослаблении мер контроля.

В-третьих, были проанализированы основные идеальные типы миграционных политик иностранных государств: мультикультурализм, интеграция, ассимиляция. Для достижения положительных результатов в рассматриваемой области необходимо сочетание элементов вышеуказанных подходов при учете национальной специфики. Для целей дальнейшего исследования были выделены стандартные направления миграционной политики иностранных государств: борьба с нелегальной миграцией, обеспечение убежища беженцам, адаптация переселенцев, регулирование (уменьшение или увеличение) числа легальных переселенцев и трудовых мигрантов, учебная миграция.

Для подтверждения гипотезы о том, что ведущим направлением реализации миграционной политики иностранных государств, отражаемом в российских СМИ, является адаптация переселенцев в принимающем сообществе, было проведено эмпирическое исследование публикаций трех средств массовой информации: РИА «Новости», телеканала «Russia Today», радиостанции «Голос России» по теме миграционной политики методом контент-анализа.

Получены эмпирические результаты следующего характера. Составлен список иностранных государств, имеющих острые проблемы в области миграции, а, следовательно, чаще других упоминаемые в медийном пространстве при освещении данной темы. Установлены основные миграционные проблемы иностранных государств, отраженнее в СМИ. Это колоссальный поток мигрантов различных категорий в общем (27,8%) и нелегальных переселенцев в частности (17,1%), а также подъем уровня ксенофобии и национализма в среде коренного населения (13,4%). Анализ графических объектов подтвердил тезис о политических деятелях как группе, производящей миграционный дискурс. Также оказалось возможным выделить обобщенные семантические категории, применяемые для конструирования визуального образа мигранта в СМИ: этническая, профессиональная и конфессиональная принадлежность.

В ходе анализа текстовой составляющей публикаций отмечено, что все направления миграционной политики иностранных государств структурированы в пространстве российских СМИ по критерию объема и остроты проблем от первоочередных до незначительных. Наименьшее число трудностей имеется в таких сферах, как регулирование учебной миграции и привлечение иностранных студентов (5,1%). В качестве основных направлений, а следовательно самых актуальных и проблематичных, выдвинулись борьба с нелегальной миграцией (35,1%) и адаптация мигрантов в принимающем сообществе (30,9%).

Однако в данной группе в качестве ведущего направлениям миграционной политики выступает борьба с нелегальной миграцией, оттесняя адаптацию переселенцев на второй план. Несмотря на тот факт, что статистические отличия между рассматриваемыми категориями довольно незначительны в фокусе общей картины, основная гипотеза, заключающееся в утверждении приоритета направления адаптации переселенцев над всеми остальными, была признана неподтвержденной.

Последующее рассмотрение эмпирического материала дало информацию о доминирующей стратегии освещении иностранной миграционной политики российскими СМИ. Это активная критика применяемых методов и подходов, а также конструирование с последующей трансляцией образа кризиса, позиционирование жестких мер как единственного способа выхода из него. Подобная практика, возможно, направлена на оправдание существующих мер и планируемых мер регулирования миграционного процесса в российских реалиях. Тезис о существовании различий при освещении направлений реализации миграционной политики анализируемыми СМИ подтвержден частично. Значимые различия выявлены лишь при сравнении РИА «Новости» и радиостанции «Голос России» в области отражения темы адаптации мигрантов принимающем сообществе. «Голос России» имеет сравнительно большую долю информационного контента (35,7%), уделяемого проблематике адаптации в общем потоке сообщений о миграционной политике, чем РИА «Новости» (7%), специализирующееся на тематике нелегальных мигрантов.

Исходя из всего вышесказанного в данной работе, выявленная тенденция на ужесточение мер миграционной политики полностью соответствует сложившейся мировой ситуации и логике событий, связанных с остротой миграционных проблем в различных сферах жизнедеятельности общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вишневский, А. Г.* Миграционная стратегия России и политика толерантности // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2 (6). – С. 90–97.

2. *Мартиросьян А. В.* Особенности формирования общественного мнения о миграционной политике // Вестник Адыгейского государственного университета, – 2012. – № 4. – С. 182–191.

3. *Николаев В.Г.* Миграция и маргинализация в интеракционистской перспективе [Текст] / В. Г. Николаев // Социологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 5–20.

4. *Садылек Я.* Иммиграционная политика и межэтническая толерантность// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2010. – № 1. – С. 17–26.

«СЕМЬЯ» В РАБОТЕ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ФИГУРЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАДАНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО УСПЕХА

Р.К. Любенова
Unviersity of Plovdiv, Bulgaria

«<...> нередко именно подробности дают ключ к сущности вещей. Это подтверждает известный основной принцип о лесу и деревьях: когда находишься внутри, видишь деревья, но не и леса; когда находишься снаружи, видишь хорошо лес, но не распознаешь отдельные деревья».
Иосиф Перец

Понимание прошлого, и особенно социалистического периода, может дать ясность многим необъяснимым с первого взгляда практикам в настоящем болгарского общества. Общество – глубоко пропитанное социализмом – и нельзя сказать, чтобы этот факт не оказывал свое влияние на его сегодняшнее состояние, речь идет о *«воплощенном практическом ощущении»*, о *«*"*впечатании*" *социального порядка в теле, в самых глубоких пластах телесных диспозиций»* [12. С. 259]. Основной проблемой данной статьи является социалистическая семья как объект аффективной ретроактивной памяти, проблема официальной памяти о коммунизме и памяти, которая просвечивает под официальным дискурсом.

Эта статья презентирует результаты большого исследования, проведенного в 2011 году. Анализ сосредоточен на особом архиве данных, созданном свидетельским дискурсом людей, которые жили в эпоху социализма, и, в частности, архиве, собранном Ивайло Знеполским и Институтом для исследования близкого прошлого, который опубликован в книге «*Это мое прошлое. Воспоминания, дневники и свидетельства (1944–1989»).* Число анализируемых свидетельств демонстрирует необходимость изучения людей, *«живших социализом»*, которые, в сущности, являются *«простыми людьми социализма»*, несмотря на то, были ли они частью государственного аппарата или обычными последователями этой идеи, заключенными или находившимися в лагерях. Данные обстоятельства неважны для разговора об их жизни и об их воспоминаниях, о жизни их семей. Благодаря этим свидетельствам дается шанс *«вытолкнутые из нашей официализированной нормализированной памяти, ментальные фотографии вернутся, чтобы спровоцировать нас теоретически <...>»* [5. С. 73].

Свидетельства эксплицируют много проблемных для социологического взгляда аспектов. В столкновении двух противоположных дискурсов – того, который создан с течением времени, на определенной дистанции от происходящих событий и проблематизирует прошлое, и другого, который создан в то само время и документирует настоящее время – отчетливо очерчивается плотность ушедшей социалистической действительности. Отсюда следует и основная цель исследования – переосмыслить социалистическую действительность путем микроисторического подхода к двум дискурсам и оформить имплицитно содержащееся в них присутствие семьи.

Эта статья ставит задачу очертить некоторые из основных характеристик социалистической семьи как *специфического продукта* социалистического режима и вычленить характеристики социалистической действительности, которые трудно эксплицировать, и в отношении которых существует так называемый

«период молчания». Действительность, которая представляет своего рода гетеротопию, проникновение в которую могло бы осуществиться (в какой-то степени) посредством дискурса тех людей, которые жили в эпоху социализма, и посредством официального дискурса, который внушает, заранее указывает и утверждает «социалистический образ жизни».

Для рассмотрения поставленных вопросов считаю наиболее эффективной опрору на сетевую теорию социализма (разработанную болгарской социологической школой, а также чешским социологом Иво Можни) и теорию практики, языка и символьной власти Пьера Бурдье.

Социализм *присутствует экзистенциально* в воспоминаниях, которые представлены в архивах и являются объектом настоящего анализа. Свидетельства сотканны «фактами», «событиями» и «людьми», которые остались как factum brutum для рассказчиков, но на оценки, на расшифрование смысла одного или другого события, наверное, влияет много факторов, дающих возможность для сравнения с другой действительностью. Несмотря на или именно из-за того, что *«если мы сохраняем историю, чтобы не попадать в забвение, в сущности, мы делаем один неверный просветительский шаг, – говорит Уайт, – потому что мы верим в автоматичную связь между историческими событиями и нашей памятью о них»* [10. С. 220], мы рассмотрим еще одну реконструкцию прошлого, увиденного через рассказы, написанные после событий о событиях.

1. *«...рассказ является конструкцией, исходящей из настоящего, и смысл прошлого происходит* “*сейчас*”*»* [7. С. 18]

Память о социализме как будто «парализированная», она остается долгие годы запертой на засов в сознании тех, у которых она есть, или в лучшем случае на листе бумаги. Эти материалы дают доступ к субъективной точке зрения, но которая первый раз конструирована в прошлом и реконструирована снова, пвозникая из нового исходного пункта – настоящего. Смысл прошлого одновременно сохраняется и изменяется, потому что те же самые события и факты уже имеют другой порядок и проясняются через новую «демонстрацию старого фильма» от того же самого субъекта. Так как субъект и события те же самые, то идет речь о том же самом ряду событий и людей, но события в их настоящем отличаются от тех же событий, отдаленных во времени и воспринимаемых как прошлое. *«Да, конечно, рассказ является конструкцией, исходящей из настоящего, а смысл прошлого происходит* “*сейчас*”. *Память в действительности – конструкция, отправляющаяся из настоящего, она есть* “*между полем опыта*” *и* “*горизонтом ожидания*” *(если мы вспомним одного из основополагающих для моих настоящих исследований немецких историков Райхарта Козелека)»* [7. С. 18–19]. Авторы этих рассказов как будто испытывают лишение от этого «горизонта ожидания», и именно это дает один возможный толчок для их написания. Как будто все запечатлено в «поле опыта» и именно это дает уверенность точки зрения, лишенной возникновения от «ожиданий светлого будущего». Рассказы устанавливают тему биографической истории как различной, и в некоторых случаях противоположной, истории историков. Этот эффект получается вследствие проблематизации биографической истории сквозь субъективность точки зрения, а также и сквозь субъективизм конструирования прошлого, сквозь исполненное значениями, смыслами и событиями время. Есть ли у проживания прошлого (когда оно было настоящим) элементы, которые остаются невидимыми для живу-

щего в нем, или эти элементы являются дополнительными (прицепленными) толкованиями, результатом приобретенного опыта и новой, «настоящей» точки зрения?

Уровень ретенции (в гуссерлевском смысле) упущеного (имею в виду время написания воспоминаний) и свидетельств, которые мы читаем, выглядит как «неосознанное размещение» «смеси» ретенциональных и интенциональных перцепций в одном. Прошлое в части рассказов превращается в объект анализа сразу же в момент пересечения точки молчания или в момент припоминания, однако в других рассказах просвечивает тот факт, что «анализ» осуществлялся (без слов) через все годы молчания. Рассказы представляют кроме рефлексии относительно собственной личности и собственной биографии в прошлой действительности, и рефлексию (не во всех случаях) относительно личности в настоящем. Это – несозданный дискурс, следуя парадигме или придерживаясь признанных методов, и именно этим он является ценным. Он воспроизводит *«*“*субъективный смысл*” *(объективированную в телах формой габитусов историю)»* [12. С. 58].

2. *«...ничего не имеет значения, если за тобой не стоит полной силой Партия в лице папы, мамы, дедушки»: этнометоды семейного приобщения и выключения.*

Рассказы могут быть прочитанны как ретроспективное конструирование идентичности, поскольку артикулируют глубинные «причины» для одного или другого типа поведения. Идентичность – не индивидуальный конструкт, она в прямой зависимости от семьи индивида и не только. То есть при передаче идентичности от социалистической власти личность всегда носит бремя семейной идентичности, и они являются взаимозаменяемыми.

Норберт Элиас называет общество модерна «обществом индивидов» или «обществом из индивидов». Если смысл этой формулировки будет применен к социалистическому обществу, то, вероятно, можно было бы говорить о сетевом обществе – «обществе классов», но на практике, как пишет Можни в книге «*Почему так легко...»*, быть сетевым обществом ретроспективно понимается как «общество семей». *«Одновременно с этим однако она [марксистская социология з.а.] справлялась с* “*идеологией семьи*”*, в тесном смысле, с семейственностью, то есть с такими взглядами о мире, согласно которым семья – ось и центр вселенной индивида и жизни в обществе, а его благо является естественной целью стремления каждого. Семейственное мировоззрение, или налаживание, долгое время выглядело особенно опасным для социалистического строя и марксистская социология семьи чувствовалась профессионально ответственной за борьбу против него. Она его анализировала как «мещанский» и типично буржуазный подход к жизни»* [11. С. 32]. На практике две полемические войны, которые ведет социалистическая власть, – с «пережитками капитализма» и с вышеописанной идеологией семьи – оказываются не вполне выигранными. То есть посредством социального капитала, чьим основным носителем является семья, и который реализуется посредством отношений семейственности, дублируются официальные институциально регламентированные каналы и создаются так называемые сети. На практике обмен социального капитала продуцирует эффект, который получился бы при обмене реального капитала. Огромная разница состоит в обратном обязательстве, которое вызывает упо-

требление социального капитала. То есть капиталистические практики в смысле извлечения пользы существуют как дублирующие официальные, а семья – их основной носитель – становится распоряжающейся им институцией. У капитала ясные параметры, социальный капитал умышленно лимитируется рубежами семьи, он передается по специальным, необщедоступным каналам. На практике в период социализма семейная идентичность – в доминации. Несмотря на критику Деяна Деянова, направленную на Иву Можни в связи с теоретической сверхнагруженностью семьи и его «обремененностью» – *«семейными являются и сети, семейными являются и кланы, социальные капиталы принадлежат семьям, снова семьи колонизируют государство и т.д.»* [11, С. 149] в послесловии книги «*Почему так легко...»,* и для синтеза «семьи» и «сети» считаю, что исходным пунктом семьи в их массовости, в большинстве случаев является сама семья. И в то же самое время вполне поддерживаю тезис о том, что на основе нужд социалистической индустриализации создаются сети, которые не *«обдуманны по логике семейных сетей»* [5. С. 78].

Так как один член семьи может придать отрицательную идентичность всей семье, то возможно и семья придает отрицательную идентичность одному своему члену. В то же самое время, однако, создается впечатление, что связь между семьей и индивидом не является настолько непосредственной, когда придает положительную идентичность. Эта идентичность сохраняется, она доказывается и даже искусственно создается по исключительно комплицированному способу, подлежит непрерывному преутверждению, которое должно сопровождаться обязательным публичным признанием. Семейная идентичность – структурно базированна как на индивидуальные идентичности его членов, так и на его общую историю. Придание одной или другой идентичности осуществляется не только на основе фактов и документов, но также и на основе субъективных оценок, легитимизированных властной позицией высказывающего их субъекта, слухами и/или утверждениями, за которыми даже нет необходимости, чтобы стояло реальное событие. Идентичность унаследованная (детьми в семье) и общеподеленная (всеми в семье). Она продуцирует реальность. Знание и умение распознавания отрицательно идентифицированных семей дает возможность своевременному разграничиванию с ними и с делением их идентификации. В непрерывном подозрении отрицательных проявлений у Другого рождается более ограниченный круг людей, с которыми он общается, чтобы достичь избежания людей, которые являются частью «большой семьи» (то есть двоюродные братья, братья и сестры и т.д.), с целью избежания контактов с сомнительными лицами. В разгаре недоверия, подозрения, сомнения устанавливается маленькая общность (составленная из супруга, супруги и детей), которую я буду называть «социалистической семьей». Для успешного справления с повседневным агенты предпосылают общие основания для действия или бездействия, которые предполагаемо знакомые, предполагаемо валидные и соблюдаемые всеми членами группы. Происходит нагнетание интерсубъективного мира знанием, которое по правилу не общеподеленное. *«Человек предпосылает определенную* “*форму общения». Наряду с другими, форма общения включает допуск, что существует известное характерное расхождение между его* “*образом*” *(который он приписывает другому как знание этого другого о нем) и то, которое знает о самом-себе-в-*“*глазах*”*-другого. Еще допускает, что изменения в этом характерном*

расхождении остаются под его автономным контролем. Допуск служит как правило, с которым повседневный теоретик группирует свой опыт с учетом того с кем что является уместным. Отсюда на общем интерсубъективном мире коммуникации соответствует непубличное знание, которое в глазах агента распределено между людьми в качестве основания для их действий, т.е. для мотивов или – в радикальном смысле слова – их "интересов" как конститутивные черты социальных отношений взаимодействи.» [4. С. 290]. Семья как единица общества делает опыты переструктурирования прошлого опыта с целью постижения задуманного проекта, желаемого результата или, в конкретном случае, избежания нежеланного результата. Вероятно, вышеописанная практика является результатом непосредственно прошедшим, но все-таки прошедшим опытом, базированым на наблюдении близких событий. Предварительно предотвращая эвентуальные причины для происхождения событий – логически предотвращает и события. Организируется социальная жизнь, чья основная характеристика есть ограниченность социальных контактов, вызванная необходимостью рациональности в поведения. Семья подвергнута испытанию рационализации своих практических действий с учетом измененной практической действительности.

3. *Семейная идентичность в ретроспекции*

Семья (такая, какая она есть) оказывается в основе страдания одних и благополучия других, и в связи с этим основным конститутивным элементом ретроспективной идентичности.

Представление о будущем семьи создается на основе воспоминаний и знаний его прошлого. Эта проекция обычно строится на собственности и традиции. Семьи, пережившие дату 09 сентября 1944 г., не могли проектировать во время своего собственного будущего такового, какового оно происходило в действительности. Оно оказывается исполненным противоречиями, новыми социальными ролями, обваливанием старых элит и воздвиганием новых. Естественная тенденция к продолжению и наследованию ставшее превращается во что–то немыслимое, а в некоторых случаях – нежеланное. Отказываясь от преемственности и истории, происходящие из деревенских и рабочих семей отказываются и от конкретного наследенного, ставя начало нового биографичного проекта, к которому необходимо придерживаться наследники. Этот отказ не остается только в сфере осмысленных или неосмысленных событий, а есть совсем осязательное измерение при тех, которые являются преследуемыми из-за их принадлежности к данной семье. И в имени семьи происходит отказ от биографии (или части ее).

Биография превращается в клеймо. Социальные актеры должны приучиваться как к непривычному габитусу, так и к тотально новому габитату, они должны демонстрировать целостную эмансипацию с убеждениями, моралью и образом жизни, который был до тогдашнего времени. Прежний габитус – невалидный, неприменимый и ненужный. Усваивание нового габитуса является важным (в некоторых случаях) и для физического выживания. В сходном контексте Пьер Бурдье говорит: *«Такие переживания имеют тенденцию производить разорванные габитусы, раздельные против себя, в постоянных переговорах с собой и с собственной амбивалентностью, следовательно обреченные на удваивание, на двойное самовосприятие, как и на чередующиеся искренности и на множе-*

ственность идентичностей» [3. С. 116]. Рамка действия сильно ограничивающая и сводит возможности нерегламентированного действия до минимума. Наличные *«структурированные структуры»* (по Бурдье), но они лишены вторичной, структурирующей функции. Новая реальность создает не только новые способы действия, новые употребления прежнего опыта, новые идентичности, дискурсы и реальности, как для индивида, так и для семьи. Она становится предвестником дисконтинуитета, относящимся для каждой из форм социальности в обществе и подвергающий испытаниям опыт. В ход – конструирование новых биографично обособленных групп, типологизирование которых и определение общей будущей биографичной реальности. *«<…> габитус порождает историю»* [12. С. 57], хотя бы без соответствия со схемами классификации, иерархизации, принципов видения и действия. Носители нового концентрируют символьный капитал в личности «бывших» работников и крестьян. У «бывших» интеллектуальцев этот капитал отнят, и их высказывания лишены иллокутивной силой. Отделение «буржуазных элементов» от их собственности, семьи и общественного положения принимается как имплицитная составная часть процесса устанавливания нового социального строя. Устранение самых проявленных «буржуазных элементов» не делает семью не-буржуазной или нормально функционирующей согласно новым требованиям. Институирование этой власти (как и всякой другой) не однократный акт, а из него происходят множество подактов и подситуаций, которые неминуемо касаются, во-первых, индивида и семьи, а впоследствии дают отражение функционирования, структуры, траектории действия социального. Два мира начинают выглядеть (в ретроспективном эффекте рассказов очевидцев) как существующие в разных измерениях, как невидимые один для другого, как две реальности, чья общая основа понимания мира есть или невидимая, или пропавшая, или вообще не существует. Высказывание «различного» в условиях социалистической действительности является недопустимым – *«...различность тогда не была качеством, она беспокоила»* [1. С. 228]. Создается непрерывное стремление к унифицированию с остальными, к сравниванию и выравниванию не только экономического уровня, но и всех других, как самым важным является степень идеологической интерпелляцией и усваивание практических схем действия в социалистическом обществе. Различность «беспокоит», она – проблема, которая не просто проблема индивида-носителя или его семьи, она – проблема для работодателей и соседей, для друзей и родных, даже для обыкновенных знакомых этой семьи. Это «беспокойство» является следствием других аффектов, которые уже вызвали различность, а именно эксплицитное проявление страха, инкорпорированное послушанием и подчиненностью, принуждением – идеологически аргументированными и подкармливаемыми. Страх переворачивается в инструмент, использованный непрерывно и на каждом уровне. Он – основной мотив для осуществления действия или бездействия. Семья же – основная ценность, через которую страх приобретает значимость и силу. Мимикрия осознается как первая необходимость, частное пространство редуцируется до семейного габитата (или абстрактного «габитата» безмолвного семейного общения), а иногда и в более тесных границах, невыходящих из тела и ума самого индивида. По этому вопросу Веселин Бранев говорит в разговоре со Снежаной Димитровой и Ниной Николовой: *«Суровыми средствами тоталитарной коммунистической практики, <…> осуществляет-*

ся необыкновенно сильный натиск на человеческую личность, так как ей угрожает потеря самого важного – идентификации с собственной жизнью. Но средства, выдуманные безжалостно, добиваются своего, а это – полная беспомощность у индивида перед насилием. Чтобы уцелеть не только в физическом, но и в социальном смысле, он ищет спасения в привидности. Когда действительность является декорацией, жизнь, которую индивид может вести, тоже становится привидной. То есть выживание в сущности договор между условной действительностью и условным человеческим поведением» [2. С. 196–197]. Существует даже цензура мыслей, факт которой является доказательством той глубины, с которой идеология, наполненная страхом насилия, проникает в частное пространство: *«Годы позже он признался мне, что после лагеря в течение многого времени не осмеливался плыть в стиле кроль в бассейне купальни* "*Республика*"*, потому что слово – английское. Ожидал, что кто–то крикнет ему:* "*Ей, ты, кто плавает кроль, сразу иди сюда!* " *Эта гипертрофированная осторожность, порожденная нелепой причиной, ради которой он был отправлен в* "*Белене*"*, тоже является частью реквизита выживания и создает гомо екстримофилос. Абсурдная ситуация порождает абсурд* "*технологии выживания*"» [2. С. 200].

Плавное вписывание в детально очерченные формы существования, границы действия и говорения – гарантия «хорошей жизни» и вырастании в иерархии. Социалистическая действительность напоминает в какой-то степени механизм соединенных сосудов, т.е. каждая выемка из контекста жизни индивида, его семьи и целостной биографии и его восприятия как самостоятельный факт дала бы ошибочное толкование.

4. *Блокированное действие и «практическое прошлое»: прерваность «совместности» и естественного континуитета семейной жизни*

Наложение одной реальности как непротиворечивой не уничтожает ее противоречий, а прикрывает их, скрывает их от взглядов, так как топит в неизвестности современников этой реальности, которые ей «противоречат». Основания одного или другого поведения часто имеют корень в родовой памяти и, в сущности, базируются на прошлом, надолго полагаемые слои с аргументацией.

Но если события, пережитые разными семьями, толкуются согласно разным схемам интерпретации, тогда являются ли они все еще переживаниями для *одних и тех же* событий? Какая есть интерсубъективная действительность? В разных свидетельских рассказах документированы разные «практические методы» к общепринятой, как действительной, реальности: тотальное усваивание и согласование с порядками социального строя, которое в некоторых случаях включает отрицание родителей, подмену происхождения или самоличности. Семья превращается в проблему. Для новой власти разрушение всего старого безвопросно, но это разрушение (чья правильность ясна и не подлежит сомнению для одних и осуществляется легкой рукой) является тяжелым и драматическим для пострадавших семей. Подобная ситуация делает тяжелыми отношения в семье и вызывает ощущение предопределенности и обреченности у всех его членов. У родителей (которые в большей части случаев – участники в событиях) остается чувство вины и долга к семье, и особенно к детям, а у них (детей) воздвигается чувство различности, недооцененности и едва не телесного ощущения для чувства «знать свое место». Разрушаются естественные человеческие стремления,

определяются границы роста в иерархии, позволенные профессиональные занятия; детерминируются даже пространственные и временные очертания действия, которые не подлежат изменениям, кроме как посредством употребления сильных ходатайств и связей.

Охват беспроблемного действия «врагов народа» остается где-то в прошлом, он уже не валидный, а может послужить единственно против их самих. Это порождает и множество изменений идентичности, варьирования опытом, переформулирования отношений. В вихрь установления новой власти вырабатываются и новые идентичности, которые впоследствии вменяются выбранным. Мир – не константный, валидность одной или другой вещи – изменчивая. И здесь наблюдаются два слоя времени и пространства, они становятся невидимыми один для другого – мир преуспевающего пролетариата и лагерников «народных врагов». Как при одних, так и при других происходит тотальное расхождение онтологического соучастничества между габитусом и габитатом. Знанию о новой действительности предстоит усваиваться.

У биографии двойственная сущность: с одной стороны она продукт официального дискурса и фактичности, от которой никто не может убежать, а с другой стороны – она имеет второй пласт, который, в сущности, иногда оказывается и более важным. Это и т.н. «связи», «приятельства», «знакомства», которые для социалистического человека – очень важны. Именно отношения, очерченные вышеуказанными терминами, являются основым социальным капиталом социалистического человека, лишенного экономического капитала. Создается «зависимость социального капитала» (Можни). *«У социального капитала по сравнению с экономическим недостатком, что связан контекстуально, тогда как деньгам самое хорошее есть, что они контекстуально вполне нейтральные. Нечистые знакомства ты не можешь вложить ни в один банк и после этого использовать их в другом контексте, однако нечистые деньги можешь»* [11. С. 118].

Замечаются три подвселенные социалистической действительности, которые частично совпадают и с ее идеологически санкционированными социальными стратами: лишенных прав и свободы или т.н. «враги народа», которые подвергнуты выселениям, изъятию имущества, народному суду и лагерной жизни; новых людей («пролетариата»), которые сохраняют относительную свободу действия, хотя и это действие подчиняется идеологическим постулатам и партийным распоряжениям, и которые лишены частной собственности; и третья прослойка, чья численность ограничивается номенклатурой и партийным аппаратом, и которая располагает свободой, властью, но и льготами, которые не полагаются остальным двум «прослойкам», хотя существует «практически наложенное равенство». Если лагерники и их выселенные семьи остаются невидимыми или невиданными, то льготы, которыми пользуются номенклатурные кадры, остаются «не-существующими». И два пласта – хорошо прикрытые, социальные различия – «несуществующие» согласно идеологическому дискурсу.

Существование в новой социалистической реальности связано с ощущением одной особой темпоральности. Для воспринимания новых условий индивид по презумпции поставлен в ситуацию, в которую опирается на его прошлый опыт, но всегда «с одной ногой в воздухе», с готовностью корректировать этот свой опыт, в необходимой степени и направлении, с целью приобретения потенциала

для действия. Эта позиция двойственного восприятия мира обеспечивает возможность для непрерывного передефинирования идентичности, усваивания разных идентичностей в зависимости от ситуации. На индивидуальном уровне (или на уровне семьи) эти изменения могли бы довести до временного блокирования функционирования опыта. Интерпретационные схемы тоже могли бы оказаться невалидными.

Один из сплачивающих элементов идентификации семьи есть религия. Посредством ритуалов религии происходят важные события в семье как устанавливающий семьей ритуал – брак, рождение детей, смерть. Они исторически и экзистенциально глубоко связаны с существованием семьи и являются спаивающими не только для индивидов одной семьи, но и для общности из некоторых или многих семей. Религия – то, что делает предписания к повседневной жизни, и то, что задает ощущение о коллективном. Она постигается, прежде всего, через вход в повседневном. Границы между проникании в повседневном и проникании в частном пространстве незаметны. Так как религиозные практики всегда социально осмысленны и контекстуализированны и в то же время – интимны по своей сущности, границу можно легко пересечь. То есть, посредством запретов религии и совершения ритуалов, связанная с ее исповеданием новая идеология проникает в глубокие структуры повседневного. Она институционализирует по новому образу семью, разрушая религиозные, глубинные, исторически установленные структуры, вокруг которых очерчивается ежедневие, и которые одновременно являются интимными (частными) и общими (публичными). Или посредством религии устанавливаются социальные отношения, чья кодификация и нормативность приобретают такую силу, что бывают восприняты (и с основанием) основной помехой при наложении социалистической идеологии.

Разряд повседневного из социальности – продукт религии – создает «впадину для заполнения» и делает легкими процессы идеологической интерпелляции. То же самое относится и к публичному пространству.

5. *«Я верила, что это является единственным возможным и хорошим образом устройства жизни. Другого я не знала. Наша жизнь шла согласно правилам социалистической действительности и согласно собственным умениям и возможностям вписаться в эту действительность» [9. С. 180].*

Писание воспоминаний социализма, в сущности, по какому-то своеобразному способу грабит пишущих – они должны посмотреть на свой жизненный путь как опосредственный исторической действительности, переосмыслить его как продукт режима, промыслить события обыкновенной жизни как следствие жизни в социализме, лишить его «живости и непрерывности моей жизни» и ограничить его искусственными рамками «моего прошлого». Т.е. эти воспоминания уже не личных жизненных судеб, они – свидетельства об историческом прошлом.

Кроме репрессированных властью, отправили свои «воспоминания» и творцы, учителя, дружинные руководители, интеллектуалы – люди, располагавшие символьным капиталом (в отсутствии подлинного) во время социализма. И в двух типах рассказов, в конечном счете, конструируется прошлое, которое следует непротиворечивой линии само по себе, но которое отчетливо очерчивает огромное противоречие с другим дискурсом. Но письменное изложение биогра-

фичного опыта и новое присутствие в публичном пространстве оснований и границ одной растворяющейся идентичности – личной или семейной – может являться попыткой к преутверждению и увековечению ее существования, возможно только посредством дискурса памяти. Те практики, способы мышления и восприятия действительности, о которых свидельствует официальный дискурс (через архивированные документы), инкорпорированы не только в чисто практическом, но и в телесности и дискурсе социалистического человека. *Правильное происхождение* вовлекло лица, которые обладают *правильным образом социалистической жизни,* и подкрепляет ими в каждой житейской ситуации. Их успехи всегда описаны как личные успехи, не упоминаются Партия или происхождение как факторы для достижения одного или другого.

Плавный переход последовательности действий и событий, в конечном счете, дает как результат легитимации среди остальных членов общества, но также есть легитимирующий эффект собственного воспринимания.

Установленные посредством действия официального дискурса теоретические схемы превращаются в практические, после которого осуществляется порядковая трансформация – в личном опыте. Авторы – «строители социализма» – часто подчеркивают свое участие в больших проектах социалистического государства. Другая преимущественно затронутая тема – благополучие семьи и житейские успехи ее членов. Характерными для этих описаний являются фразы, которые описывают жизнь как порядок из счастливых событий. Накапливание все больше и больше отличительных знаков (титулов, постов – бывших и настоящих, постов кровных родственников и не только, призов, званий, отличий, участий в мероприятиях и организациях, значков и грамот) для принадлежности к социалистическому коллективу, к трудовой общности, для сопричастности к социалистическому строительству и созданию нового человека, для полного посвящения и гипнотической поглощенности идеи о «светлом коммунистическом будущем», официализирует достигнутое, но и вменяет принуждения и обязательства с нарастающей интенсивностью. Семейное благополучие неразрывно связано с бескорыстной и самоотверженной дружбой с Партией, которая, мне кажется, могла бы назваться *социалистическим трансцендентным*.

6. Официальный дискурс

Социалистическое общество непрестанно описывает себя само, непрерывно самовоспроизводит и преутверждает себя, именно посредством силы дискурса. В этот, не отстоящий далеко во времени период для Болгарии, агенты «делают вещи словами» (по Остину). Описание словами содержит иллокутивную силу *«творить, поддержать или уничтожать социальные реальности»* [13. С. 264]. Встречаются свидетельства о том, что неописание того, что происходит или не происходит, не только не допускается, но и санкционируется. Самоописывание является идеологически пришитым и следует заданным моделям без отклонений. Дискурс социалистического самоописания не является следствием действительности, он – перформативно сильный, предшествующий и предзадающий действительности. Он создает идентичности, способы функционирования, задает порядок действий и т.д.

Придерживаясь утверждения Пьера Бурдье, что власть слов исключительна и, что в них содержится огромная сила, через которую можно «вызваться существование», считаю, что официальный дискурс социалистической власти,

т.е. документы, изготовленные этой властью, продуцируют существование действительности, которая не существует. Именуя факты, события и агентов появляются факты, события и агенты, которые носят в себе символьную власть. Официальный дискурс в период, о котором идет речь, сильно смыслово нагружен, он конструирует повседневные практики и даже начерчивает биографии.

В со-участники идеологии превращаются литература, поэзия, театр, наука и т.д. Через них «идеологический дискурс» достигает более легко основной прицельной точки – семьи. Проникание официального дискурса в интимность семьи увенчивается попыткой урегулирования семейных отношений в самых мелких деталях.

Официальный дискурс обобщает и дает предписания для действий агентов в социальном поле, лишает их спонтанности. Точно наоборот – свидетельский дискурс отграничивает методы, которые вырабатывают агенты, чтобы справиться с ситуацией играя (по формуле Бурдье) *«с правилами игры – до самых границ, до нарушения правил по правилу»* [Цит. по 5. С. 80]. Могла бы заключить, что у социалистической семьи одна глубоко прятанная двойная идентичность, которую некоторые авторы называют «шизофренная».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бранев В.* Выслеживанный человек. Воспоминания, вызванные документами. – София: ФАМА, 2007.
2. *Бранев В.* «Господи, дай мне настоящее, без быть поглощен им» Снежана Димитрова и Нина Николова в разговоре с Веселином Браневым. – В: Социологические проблемы. – 2010. – № 3-4. – С.190-208
3. *Бурдье П.* Противоречия наследства. – В: Социологические проблемы. –№ 1-2. – 2008. – С. 111-119.
4. *Гарфинкель Х.* Исследования по этнометодологии. – София: ИК «Критика и гуманизм», 2005.
5. *Деянов Д.* Общество сетей и социоанализ дара. – В: Социологические проблемы. – 2003. – №1-2. – С. 72-86
6. *Деянов Д.* Идеологическая интерпелляция как ретроактивный эффект (к критическому диалогу с Растко Мочником) // Из архива ИКСИ, 2006.
7. *Деянова Л.*. Очертания молчания. – София: ИК «Критика и гуманизм», 2009.
8. *Знеполски И.* (сост.) Это мое прошлое. Воспоминания, дневники, свидетельства (1944 - 1989). – I том. – София. Сиела, 2010.
9. *Знеполски, И.* (сост.) Это мое прошлое. Воспоминания, дневники, свидетельства (1944 - 1989) (сост.) – II том. – София. Сиела, 2010.
10.*Котеска Я.* «Можем исследовать…следы… прошлого, …но не и самого прошлого». – В: Социологические проблемы. – 2010. –.№3-4. С. 215-224
11.*Можни И.* Почему так легко... некоторые основания о нежной революции. – София: Восток-Запад, 2003.
12.*Пенкова С.* Практическая логика и порядок дискурса: Бурдье и Фуко // Из архива ИКСИ, 2008.
13.*Петков Т.* Логика практики: Бурдье и Хайдегер. – В: Социологические проблемы. – № 3-4. – 2008. – С. 261-268.

ОСОБЕННОСТИ ГРУППОДИНАМИКИ В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ю.О. Мундриевская
Научный руководитель: к. с. н. В.В. Кашпур
Томский государственный университет

Находясь в образовательном пространстве, человек входит в определенные институционально-оформленные социальные группы: школьный класс, учебная группа в университете. Они находятся во взаимодействии довольно длительное время: год, два, пять – десять лет. Группы определяются формально – руководством конкретного образовательного пространства, они привыкают друг к другу, устанавливают свои нормы, распределяют роли, становятся практически семьей и всему этому естественным образом способствует то, что все эти группы преимущественно однородны по возрастному составу, предшествующему опыту, целям, мотивам и сам характер непосредственного взаимодействия. Но это все характеризует формирование группы в «формальной» системе образования, представленной в виде социальных институтов. Если же мы обратимся к так называемому «неинституциональному образовательному пространству», которое представляет собой образование вне стандартных институциональных рамок «школа-университет» при использовании новых образовательных методик (дистанционных, мультимедийных, модульных), то там обучение имеет свою специфику, обусловленную различными особенностями. В зависимости от этих особенностей, формирование групп в данном пространстве будет идти разными путями: это может быть гонка и конкуренция участников, в дистанционной системе – взаимопомощь или же автономность и так далее. И, соответственно, результаты взаимодействия и качество обучения будут разными. Таким образом, возникает противоречие: с одной стороны, образовательное пространство предполагает формальное определение и организацию группы, с другой стороны, с развитием новых форм образовательных систем, происходит изменение и в порядках формирования групп, что отражается непосредственно на качестве обучения. Так, проблема данной работы заключается в вопросах: какие особенности складывания и развития групп в неинституциональном образовательном пространстве существуют? Целью работы является проанализировать особенности формирования и развития учебных групп в неинституциональном образовательном пространстве. Для достижения цели мы поставили для себя следующие задачи: проанализировать этапы складывания и развития групп с точки зрения системного анализа и уровневой теории деятельности и выделить модели межличностного взаимодействия, групповые роли и модели поведения в группе, групповые нормы, ценности; а также определить факторы перехода социальной группы с одного уровня развитости на другой.

В основе работы лежит концепция групподинамики Тамато Шибутани. Он рассматривал становление групп от атомарных индивидов до оформленности. Мы же пошли несколько дальше и разработали некоторую уровневую-деятельностную теорию. Она позволила сочетать в себе статику и динамику в становлении группы. Кроме того, процесс становления и развития группы мы оформили в несколько этапов. В основании каждого из них заложен принцип

постепенного наращивания уровня развития группы от «рыхлой, проблемной группы» до «эффективной действующей сплоченной команды». Каждая ступень в данной лестнице развития должна переводить группу на новый, качественно отличный от предыдущего уровень внутреннего устройства и существенно повышать степень внешней и внутренней эффективности этой группы.

Особенности групподинамики мы рассматривали на примере двух образовательных пространств: в качестве институционального мы взяли ВУЗ, а не институционального – ММПК. Почему мы взяли именно их? Университет – это высшее учебное заведение, где готовятся специалисты по фундаментальным и многим прикладным наукам. Московский методолого-педагогический кружок, или сокращенно ММПК, – новое образовательное пространство. В настоящее время его деятельность заключена в обучении людей из различных областей жизни общества эффективным методам построения и управления циклами жизнедеятельности социальных институтов различного рода, то есть, осуществляется также подготовка специалистов. Обучение происходит в процессе группового взаимодействия и от эффективности этого взаимодействия зависит не только правильность решения той или иной задачи, но также и уровень развитости каждого отдельного участника в целом. Предпочтительным уровнем развитости группы является деятельностный или культурный как обеспечивающие успешность взаимодействия участников.

Анализ выстроен по системному принципу: мы рассматриваем как статическую составляющую групп, так и динамическую.

1.1. *Групповая статика***.** Групповая статика предполагает выделение структуры группы: очерчивание рамок, выделение норм и целей, а также групповых ролей.

Нормы. Неформальное пространство. Для начала скажем, что в модульном пространстве на каждую группу, каждого участника влияет несколько норм. Первой является норма игры**.** *«Каждый раз, приезжая сюда и начиная работать я должен помнить, что сейчас я не мальчик Женя, а я игрок, выполняющий функцию в группе» [Евгений И.]*. Следующая норма – модуль, его цель и задачи. Нормы группы: у каждой группы есть собственные нормы взаимодействия между участниками, поведения, способа решения задачи. Помимо прочих норм, в некоторых группах игроки сами ставят для себя нормы своего пребывания в данном пространстве. Нормы – все, за исключением индивидуальных, транслируются игротехниками, варьируются в зависимости от уровня самоорганизации группы, а также касаются именно взаимодействия в учебном процессе, чего в других образовательных системах нет. В формальном пространстве выявить нормы, которые бы касались именно внутригруппового взаимодействия достаточно сложно. В отличии от первого, тут нет норм игры, так как пространство позиционирует себя иначе, и нет индивидуальных норм. Зато существуют некие групповые нормы, или даже традиции, заключающиеся во взаимопомощи. Эти нормы – результат потребности членов группы друг в друге.

Исходя из приведенных в таблице норм (см. табл. 1) можно заключить, что максимальный уровень для групп в неинституциональном пространстве является деятельностный. В институциональном – социально-динамический.

Таблица 1

Групповая статика. Нормы

Тип норм	ММПК	ВУЗ
Нормы пространства	Целевая норма, ориентация на результат – решение задачи	Нет
Нормы игры	Отказа от своего «Я» и принятия роли игрока	Дисциплинарные
Групповые	– «Действие – рефлексия – действие» как основа развития группы. – Использовать возможность согласования версий с другими участниками. – Каждый должен быть готов к выступлению от группы на пленарной дискуссии – Обязательность понимающей позиции. – «Правило поднятой руки» - говорить по очереди, не перебивая друг друга. – Конструктивность критики – Обязательность арбитражной функции – механизма согласования мнений – Технологичность: работа группы должна быть строго по выработанной технологии – Нацеленность на результат	Взаимопомощь
Индивидуальные	– готовность всегда выступить от имени группы – готовность оказать помощь тому участнику, который на данный момент является аутсайдером – включенность в работу – понимающая позиция	

Следующим этапом анализа является выделение ролевой структуры групп. Следует сказать, что в целом нами было выделено 7 основных ролей, которые существуют в данных пространствах, но в разных сочетаниях.

1. *Лидер-организатор* – член группы, взявший на себя ответственность за результат и реализующий организационно-управленческую функцию.

2. *Идеолог* – член группы, который контролирует и корректирует соответствие реальной работы цели группы.

3. *Владелец ресурсов* – член группы, который берет на себя задачи пополнения и поддержания ресурсов, т.е. снабженческие функции.

4. *Нормировщик* – член группы, действия которого заключаются в постоянном сопоставлении реальных действий с нормативной траекторией этих действий.

5. *Теоретик* – член группы, который всегда проявляется как генератор идей, способов решения задачи.

6. *Критик* – член группы, критически воспринимающий предлагаемые нормы действий с точки зрения ресурсных возможностей или происходящей ситуации.

7. *Нормореализатор* – наиболее исполнительный член группы, который всегда готов к исполнению даже непонятных заданий, а также готов всегда нести ответственность за работу группы.

Во всех группах эти роли существуют в разных сочетаниях, какие-то роли присутствуют, а какие-то нет. При этом, следует разделять ролевое распределение и позиционное. Если ролевое распределение – постоянно и не зависит от уровня развитости группы, то позиционность складывается постепенно, о чем будет сказано далее.

*1.2. Групповая динамика***.** Как мы упоминали, в процессе своего становления и развития группа проходит несколько этапов. Соответственно, в данной работе мы рассматривали каждую группу с точки зрения переходов с одного уровня развитости на другой, факторов этих переходов, положительных и отрицательных. Напомним, что целевым для не институционального пространства является деятельностный, а для институционального – социально-динамический. И чтобы достигнуть цели, им необходимо пройти каждую ступень. В данной работе мы пытались посмотреть, достигли ли группы целевого уровня, и что этому способствовало, а что мешало. Здесь же мы и увидим различия в пространствах.

Чтобы перевести группу на уровень СД (см. табл. 2), необходимо осознание невозможности индивидуального решения задачи, необходимости совместной работы. На начальном этапе этот переход означает несколько потребительное отношение к «Другому», понимание возможности договорного взаимоиспользования. В не институциональном, так как там уже изначально ставится групповая задача, которую индивидуально не решить, для такого перехода необходима роль лидера-организатора – того, кто отвечал бы за становление группы как целостности. Таким лидером для группы является игротехник. Своими действиями, методами он стремится вырастить понимающую позицию. Но, как правило, это бывает затруднено: ИЖД-уровень – уровень эгоцентризма, индивидуальности. Моделью поведения является в первую очередь самопрезентация, представление себя, своей роли и возможностей, предъявление целей и ожиданий, а также требований по отношению к другим. Это проявляется в таких фразах, как «Я пришел сюда учиться и надеюсь, что группа мне в этом поможет» или «Ну я, вот, знаю, что Юлий – сильный игрок, значит, он обязан помогать мне развиваться». Модель ролевого взаимодействия: «Теоретик (Нормировщик) – Критик», соответственно, позиционного – «Автор – Критик», что проявляется конфликтах на почве самопрезентации. Все это затрудняет переход группы на новый уровень.

В институциональном пространстве это происходит стихийно, целью является удовлетворение индивидуальных потребностей в обучении. Это проявляется во взаимопомощи, например, возможности *списать, попросить помощи в опросе и т.п.* но данные ситуации являются одномоментными и, как правило, в процессе обучения группа находится с состоянии постоянного перехода ИЖД – СД.

Поднятие группы на следующий уровень, СК означает появление в групповом взаимодействии новой позиции – позиции арбитра (см. табл. 3) Это означает усложнение коммуникации, результатом которой является интерсубъективный образ решения задачи. Арбитраж – это способ решения конфликтов посредством формирования той точки зрения, которая удовлетворит и автора и критика, средство согласования.

Таблица 2

Шаг 1. Переход «Индивидуально-жизнедеятельностный – Социально-динамический»

Факторы перехода:	Неформальное пространство	Формальное пространство
Положительные	+целенаправленность управления группой, появление понимающей позиции, устойчивость взаимодействия;	+осознание необходимости «другого»,
Отрицательные	- нечувствительность к управляющему воздействию, инертность поведения, эгоцентризм участников	-стихийность складывания группы, неустойчивость взаимодействия, инертность поведения
Ролевое распределение:	Лидер-организатор = Идеолог = Нормировщик Нормореализатор Теоретик Критик Владелец ресурсов	Лидер-организатор Теоретик Критик Нормореализатор
Позиционное распределение:	Организатор, Автор, Понимающий, Критик	Автор, Понимающий, Критик
Модель взаимодействия:	«Организатор [Автор – Понимающий - Критик]»	[Автор – Понимающий - Критик]

Поднятие группы на следующий уровень, СК означает появление в групповом взаимодействии новой позиции – позиции арбитра. Это означает усложнение коммуникации, результатом которой является интерсубъективный образ решения задачи. Арбитраж – это способ решения конфликтов посредством формирования той точки зрения, которая удовлетворит и автора и критика, средство согласования. Существует ли такая позиция в И. пространстве и можно ли сказать, что группы в нем достигают такого уровня? Важным элементом является опять же управляющее взаимодействие, но в институциональном его нет, нет целенаправленного управления групподинамикой. Механизмом согласования мнений является «метод большинства», что не является способом формирования интерсубъективного образа. В неинституциональном пространстве формированием данной позиции опять же является игротехник. Но если в одних группах он именно «выращивает», то есть в ситуациях конфликта сами участники стремятся объединить свои мнения и модель взаимодействия становится «[Автор – Понимающий – Критик] Арбитр»; то в других группах – сам игротехник в потенциале выступает в этой позиции и это означает усеченный, не развитый тип коммуникации.

Далее нам необходимо было рассмотреть, каким образом группа переходит на деятельностный уровень (см. табл. 4). Этот уровень происходит из того, какими критериями пользуется игротехник. Если в СК – уровне он пользовался случайными критериями «Учел мнение всех – не учел», то в Д-уровне он пользуется критериями технологии – то есть, арбитр или синтезирует мнение игроков в общее, или отрицает то, что не соответствует выработанной в начале технологии. Это является отлаженным механизмом согласования. Это касается не институционального пространства. Если говорить об институциональном пространстве – то нельзя перейти на деятельностный уровень, не имея в своем основании социально-культурного.

Таблица 3

Шаг 2. Переход «Социально-динамический – Социально-культурный»

Факторы перехода:	Неформальное	Формальное
Положительные	+появление арбитражной позиции	-
Отрицательные	-	решение конфликтов, способов действия мнением большинства
Позиционное распределение:	Организатор Автор Понимающий Критик Арбитр	Автор Понимающий Критик
Модель взаимодействия:	«Организатор [Автор – Понимающий - Критик] Арбитр]»	[Автор – Понимающий - Критик]

Таблица 4

Шаг 3. Переход «Социально-культурный – Деятельностный»

Факторы перехода:	Неформальное	Формальное
Положительные	Факторы перехода: +Критерии арбитража: технология, норма +Самоопределение участников от индивидуального в пользу группы	Уровень не достигнут вследствие отсутствия СК-уровня
Отрицательные	Не соблюдение установленных норм, технологии	
Позиционное распределение:	Организатор, Автор Понимающий, Критик, Арбитр	
Модель взаимодействия:	«Организатор [Автор – Понимающий – Критик] Арбитр]»	

Таким образом, мы рассмотрели уровни групподинамики в двух пространствах: институциональном и неинституциональном.

И если в первом случае метод обучения достаточно прост: сначала преподаватель рассказывает вам, потом вы рассказываете преподавателю, то второй случай отличается практически кардинально. Ключевые особенности, выделенные нами, кратко можно обозначить следующим образом: Заключается в способе организации обучения: так, если в институциональном – предпочтительнее являются субъект-субъектные отношения, где субъектами являются отдельные индивиды, то в неинституциональном пространстве основой является групповая работа. Исходя из этого, в институциональном – стихийное складывание групп, в неинституциональном – целенаправленное. В целом, именно стихийность или целенаправленность групподинамики и является ключевым фактором развитости групп. Так, при стихийном складывании групп и модель групподинамики – двухступенчатая в противовес целенаправленной, 5-ступеннчатой. Существуют определенные сложности в выделении норм, касающихся взаимодействия в институциональном пространстве. Следовательно, существует предположение, что нормы 1-2 уровневые. В неинституциональном – 4-х уровневые. То же самое касается ролевого распределения и взаимодействия (см. табл.5).

Таблица 5

Выводы

Параметр	Институциональное образование	Неинституциональное образование
Цель образования	Формирование специалистов	
Способ работы	Индивидуальный (Преподаватель – обучающийся)	Групповой (Игротехник – группа)
Модель групподинамики	2х – ступенчатая (ИЖД – СД)	5-ступенчатая (ИЖД – СД – СК – Д – К)
Нормы	Определены в неявной форме Складываются стихийно 1 уровень: группа	Четко прописаны, оформлены Касаются внутригруппового взаимодействия 4-х уровневые (пространство, игра, группа, индивидуальные)
Ролевое распределение	4 основные роли, 2 позиции в «коммуникации»	7 основных ролей, 5 позиций в коммуникации
Модель взаимодействия	Позиционная	Ролевая на базе позиционной
Ключевой фактор развития	Самоорганизация группы исходя из личных потребностей каждого	Целенаправленное управление групподинамикой

Таким образом, можно сделать вывод, что неформальное образовательное пространство является гораздо более эффективным в плане управления взаимодействия, чем формальное. И, переняв их опыт и правильно его применив, можно научиться строить эффективные группы, команды, что является очень важным в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник для вузов.– М.: Аспект Пресс, 2012. – 362 с.
2. *Бабосов Е. М.* Социология управления: учеб. пособие для вузов. – Минск: ТетраСистемс, 2006. – 287 с.
3. *Бергер П.Л.* Конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. *Верхоглазенко В.Н.* Командообразование: основы управления и роли в команде – URL: http://www.metodologika.ru/node/77 (дата обращения: 31.05.2015)
5. *Гидденс Э.* Социология. – М.: Едиториал УРСС, 2005 – 632с.
6. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
7. *Шибутани Т.* Социальная психология: научно-популярная литература. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 539 с.
8. *Blackwell* Handbook of Social Psychology: Group Processes. – Blackwell Publishing, 2007. – 696 p.
9. *Blumer* H. Symbolic Interactionism // Four Sociological Traditions. Selected Readings. – New York-Oxford, 1994. – pp. 304-321.

SCIENCE AND IDEOLOGY: ANTIPODES?

Z. Tchakmakova
Unviersity of Plovdiv, Bulgaria

In order to discuss the place and role of ideologies in contemporary societies, we must first begin with a rigorous precision about what exactly do we mean under «ideology». There can be distinguished two competing approaches. On the one hand is the mainstream approach within frameworks ideology is conceived in opposition to scientific knowledge.

This perspective has its origins in Plato's distinction of doxa and épistémè, which became crucial for the definition of both ideology and science. Thus, ideology can be perceived as subjective and therefore untrue and mistaken knowledge, in opposition to science that establishes an objective and therefore true knowledge. Is this dichotomy well-founded?

According to the American anthropologist Clifford Geertz, «if we persist in defining ideology over knowledge, we are condemned to make a polemical concept: what is knowledge to one is ideology to another and vice versa». In other words, this second perspective, still marginal, considers that the mainstream approach leads us to an evaluative concept. As a result, if a concept has an evaluative character then it cannot account for the empirical reality objectively. However, is there such thing as objectivity and objective knowledge at all? Could we establish a non-evaluative concept of ideology without sinking into relativism like Mannheim, whose approach is known today as the «Mannheim's Paradox»? Are ideology and science antipodes?

This paper will first review Marx's conception of ideology and then discuss a far more developed and relevant to the contemporary situation – this of Raymond Boudon's. Furthermore, we will present Geertz's critique and his resolution in terms of a non-evaluative concept of ideology. This review will finally lead us to reconsider both approaches in response to the questions above.

Ideology as a distortion of the reality

The authors of «The German Ideology» consider that there is a dominant ideology that is the product of and is imposed by the ruling class to serve its interests, ideas, and goals, but above all to make them legitimate to the subordinate class. According to Marx and Engels, «The class which has the means of material production at its disposal, has control at the same time over the means of mental production, so that thereby, generally speaking, the ideas of those who lack the means of mental production are subject to it». Seeing in the philosophical abstractions the content of an ideology, the authors propose a whole program to resist and remedy the distortion of the reality. This is materialism, which consists of building theories not from the abstractions a priori, but from the material environment of individuals. This approach is crucial because, in the conception of Marx and Engels, individuals are socially situated and, by their positioning, they produce their own representations. Nevertheless, those who produce their own representation are «real, active men, as they are conditioned by a definite development of their productive forces and of the intercourse corresponding to these, up to its furthest forms». In this sense, one could say that ideology has this strategic objective to justify production methods and its conditions in order to push the social actors to have accurate representations legitimizing exploitation and domina-

tion. And if their representations are wrong «in reality», this is due to the fact that they obey to forces that control escapes them, namely the productive forces.

In this approach, the ideology is a process, not a static abstract construction. The method suggests transposing the action in theory so that «the theory becomes a means of action for greater efficiency, a way apparently without violence to exercise dominance». Social actors are both producers and «heirs» of their representations and their ideas. And it is precisely in this that the successful operation of ideology is hidden; that is to say the creation of a «false conscience». Thanks to materialism, Marx and Engels consider that the consciousness of individuals will be «liberated» from the grip of ideology with the weapons of science. At the same time, we need to be reminded that ideology is the product of the science too. This «liberation» program culminates in their book «The Communist Manifesto», transforming itself into an ideology. But in this case we can observe an inverted transposition, i.e., not the action in theory, but the theory in action. This turning point shows that, whatever the process is, science has an important role to play in the creation of an ideology.

Marx and Engels emphasized one more important proposition: ideology can exist only if it is introduced, adopted, and mobilized in politics through which the ideology is imposed, popularized, legalized and legitimized among collectivities thanks to the arguments that sciences provides it. In other words, the proper functioning of the ideological process is predetermined by the mobilization of the state apparatus and scientific arguments in order to distort reality as to facilitate the subordination of one class beneath another.

Ideology as an Intellectual Error

Ideology has become a subject for Boudon since its performance, namely shaping the conscience of individuals, contradicts the epistemological positions of the author. This is to treat the behavior of individuals and individuals themselves as rational. But at the same time, there is nothing rational in the fact ones to adhere to misconceptions… And besides, what is their source?

Boudon distinguished two ways to define ideology: (1) from the criterion of «true and false», which he supports and we already discussed briefly; and (2) from the way to conceive the social actor. On one hand, it would be the «rational man of classical philosophy: repository of the truth, it would be enough to put the lights of reason into action to distinguish true and false». Theories that mobilize this model of the social actor have two types of explanation to join misconceptions by social actors. Either the individual becomes a victim of irrational forces that he is the holder himself, namely all kinds of passions, either because of constraints with social origins in relation to communication (Habermas). On the other hand, the individual is seen as a deeply irrational. This is to mobilize in explaining concepts such as mimicry, conformism or consideration of the individual as a receptacle of ideas. The alternative, as Boudon suggests, is to apprehend the individual as having a deeply rational behavior that is comprehensible. Therefore social actors believe in misconceptions «not *although* man is rational, but *because* he is rational».

However, we must emphasize how Boudon define ideology as to better understand the results: «…doctrines based on scientific theories, but on false or dubious theories or unduly interpreted theories, which are given a credibility that they do not deserve». Thus, ideology is conceived as an intellectual error. Without discrediting scientific knowledge, Boudon explains how these «false» theories fail to the public notice – by

the effect of dissemination of the theory – and why social actors endorsed it, or by the effects of disposition and the effects of position (encompassed in what he calls situation effects) that provoke an interest in the social actor for that kind of theory. According to Boudon, the affective or irrational element is only a «moment» in the process of creation and dissemination of ideologies. But the main reason of the adhesion of individuals to ideologies is hidden in the effect of authority, namely the fact that their source is the science and, in the eyes of individuals, science has great credibility. Ideologies are a normal ingredient of the social life, says Boudon, and this occurs since societies base the social order on science in opposition to a social order based on tradition.

Boudon «borrows» the main propositions of Marx's conception and develops them through the prism of methodological individualism and rationalism. Thus, he thinks that by the social situation of the actor, two effects occur that have a direct impact on how one perceives reality «not as it is and as others can see it, but partially and in deformed way». The social position of the actor predetermines how he will perceive a number of questions. As for the disposition effects, they predetermine how these issues will be interpreted. Therefore, the situation effects lead individuals «naturally» to formulate misconceptions. Boudon consider that the remedy against misconceptions would be scientific theories. «Obviously, an actor is never riveted to a point of view. It can leak out. (...) [but] we do not need only existing theories that explain and uphold these general views, but we need them to be visible enough to achieve individual's attention. And even then, it is possible that they have difficulty in reconciling the general point of view with the data they can collect directly». Hence, the only way for the social actor to change his point of view is to face a scientific argument that can convince him. Boudon stresses here the important role that media has to play, in the sense that it is due to them that scientific theories reach a wider audience.

Accordingly, the effects of situation provide us an explanation about how the social actor is likely to mobilize «received ideas» which are only a false representation of reality. In other words, how a subjective opinion is formed and on what it depends. The effects of authority, meanwhile, specify the relationship between science and misconceptions. Boudon takes as an example a proposal in physics. Not being physicists, we take it for true, not because we have made ourselves an examination proving its veracity, but since those skilled in this field seem to hold it for true. «And *because* it is rational, he sees well, for example, that if he wants directly assess the validity of Einstein's laws, this would lead to him considerable costs». Therefore in cases where it is impossible for the social actor to verify himself the validity of such an idea or such a theory, the social actor trusts and mobilizes judgments and arguments of authority.

However, the validity of a theory or idea for the social actor can emanate from something other than the effects of authority - the axiological rationality. If the theory or idea confirms a number of values that the social actor is sharing, it is likely that he adheres to them without a systematic analysis. We can add to this consideration of Bourdon that the reverse case is not impossible; it is to say that a theory or idea popularizes values that the individual does not carry himself, but that he wants to share. Why? Because he has been convinced of their importance and well-doing. Living ecologically, preserving and thinking about the environment were not norms at the first place, but values. And if so many social actors made them their own, it is because there was a conjunction between the effects of authority and axiological rationality.

The first concerns all ecological researches that spread to the wide audience, and the second concerns a concrete value, namely the family.

The presentation of the effect of authority was related to the mobilization of examples from the natural sciences. As for the social sciences, it appears that this factor is not enough to explain the endorsement of misconceptions that may be attributable to an interest that the theory inspires. Boudon considers that this interest is obeying to a combination between the situation effects and the communication effects. But why and how does a scientific theory provoke interest among the social actors? «A theory can interest a social actor not only because it provides him *a cognitive basis for its action*, but also because it allows him to solve deontological or ethical problems that he experiences naturally in fulfilling its role. [in society]» The mechanism is the same, even when it comes to groups of intellectuals. They see themselves as the «guardians» of a certain number of values and/or a current of ideas. In other words, it is an epistemological effect. Thus, by their social position and their dispositions, they will find a theory as interesting, establishing in that way its influence. Boudon states: «In this case, the theory is likely to be perceived as not only interesting, but valid. First, because authority and black box effects will develop. Secondly, because even in the case of intellectuals, these groups have not for primary concern to determine the validity of the theory by considering it critically».

Boudon stresses that simplification or radicalization is often made with the conclusions of a theory. Thus, an «authentically scientific» theory can lead to misconceptions. This distortion of the theory is a consequence of the communication process by which some theories become influential. Put in other words, the dissemination of a theory would be likely to simplify or radicalize its results, thus leading also to misconceptions. Therefore, the rapidity of the dissemination and diffusion of the theory may lead to collective beliefs even before the theory was evaluated.

In addition, the source of ideologies is scientific theories, but false or misunderstood theories, that spread to the wide audience thanks to media or the interest of a group of intellectuals who create in that way its influence. Social actors endorse the produced misconceptions because of their social situation (positions and dispositions), axiological rationality and effects of authority. Thus, ideology is the product of an intellectual error and the responsibility is brought to the intellectuals. The endorsement of misconceptions by the social actors is comprehensible and rational because they do not possess the intellectual ability to discover the ideological character of a theory, and because they are only interested in its usefulness in their everyday life.

Ideology as Carrying Meaning or as a System of Symbols

Geertz criticizes sociology about its inability to establish a non-evaluative concept of ideology that comes from this trend to define it as a distortion of reality, as «false» in relation to the truth which may be established scientifically. This consideration is particularly linked to others that we can consider as belonging to an epistemological character. Thus, Geertz assigns the task to the science of describing, promotes ethnographic methods, and claims that the social sciences are nothing more but an interpretation: «… what we call our data are really our own constructions of other's people constructions».

In the introduction of Chapter 8, «Ideology as a Cultural System» of his book «The Interpretation of Cultures», Clifford Geertz reminds that the question of ideology is usually treated by the sociology of knowledge. The latter would be to establish «… the

social element in the pursuit and perception of truth… [and] its inevitable confinement to one or another existential perspective. But the study of ideology – an entirely different enterprise – deals with the causes of intellectual error». If we can find a lot of Geertz's criticism well founded – that he addresses to sociology – we must emphasize that the sociology of knowledge cannot be reduced to the perception of the «truth». However, the assertion of Geertz is not completely wrong if it affects the context of the study of ideology. In most works on this topic, ideology is treated as an «intellectual error», as beliefs that are not (entirely) true and that we appropriate them without seeking their validity in order to treat them as «white boxes». If in the first two parts of this article, we presented two theories that are part of this line of reasoning, it should be added that the list of authors reasoning in these terms is actually long. We can cite authors such as Raymond Aron, David Stark, Talcott Parsons, Edward Shils, etc.

Geertz made a brief sketch of the theory of interest in the context of studies of ideology with an implicit reference to Marx. As we have already observed during the presentation of Marx's conception of ideology, ideology would aim to legitimize interests related to the productive forces of the ruling class to the subordinate class. In this sense, ideology is seen as both a weapon and a mask in the context of a social order based on power relations. Therefore, the individual (or group of individuals) would be in pursuit of political power. Politics – where ideas are power – are providing the best means of institutionalization of a particular view of reality that will enable one to satisfy his interest and to assure its benefit. Geertz considers that this theoretical perspective is «psychology too anemic and its sociology too muscular» because there is a lack of a motivational analysis. According to Geertz, the theory of interest oscillate between a «superficial utilitarism» where the individual is perceived as being motivated by rational calculations to the views of profits, and historicism, as superficial as utilitarianism which describes the ideas of individuals vaguely as «reflecting, «expressing, corresponding to, emerging from, (or) conditioned by their social commitments». According to Geertz, this image of society as a battlefield where there is a collision of interests masked as principles or norms, diverts attention from the role and impact that ideology can actually have, whether «defining (or obscuring) social categories, stabilizing (or upsetting) social expectations, maintaining (or undermining) social norms, strengthening (or weakening) social consensus, relining (or exacerbating) social tensions».

What Geertz has not stressed is the universal significance of the theory of interest applicable in all contexts and all times, valid two centuries ago as today, which results are in the same range. In other words, the theory of interest has the defect to be too general. Moreover, it tends to extrapolate as Boudon notes: "parliamentary institutions can serve the interests of the industrial bourgeoisie without being contrary to other interests».

Aiming to show the inability of sociology dealing with the concept of ideology, Geertz also discusses the strain theory. This theory is based on the Freudian and the Durkheimian theory with a functionalist interpretation (Parsons). The strain theory considers that there is a chronic non-integration into society and discontinuity of standards in the different societal spheres: «viewed collectively as structural inconsistency is felt individually as personal insecurity, for it is in the experience of the social actor that the imperfection of society and contradictions of character meet and

exacerbate one another». Therefore, ideology is seen as a kind of response to the contradictions that social actor endures. In this context, ideology is a disease that requires a diagnosis, but the strain theory provides only tracks for the factors that engender it, and does not offer any real explanation.

However, Geertz distinguishes four types of explanation within the strain theory. First, the «cathartic» one where psychological tensions are evacuated by defining a symbolic enemy – that is, its source (as Slavoj Zizek has a tendency to call it in his writings «the social Evil»). Examples are Jews during the Third Reich or single mothers in the United States in the 1980s. The only criticism Geertz addresses regarding this type of explanation is that it is «simple-minded». This explanation, like the theory of interest, does not provide enough information to approach such a multidimensional phenomenon as ideology, and does not give a detailed answer to the questions why and how.

The second type of explanation is the moral one. This is the ability of ideology to maintain groups of individuals who face social differences, either denying them or justifying them in view of highest values. In that way, ideology «bridges the emotional gap between things as they are and as one would have them be, thus insuring the performance of roles that might otherwise be abandoned in despair or apathy».

In the third type, Geertz points to the «solidary» explanation – which someway joins the second type – or the power of ideology to create a sense of community among individuals, solidifying their sense of belonging to a group. And finally, the «advocatory» explanations within frameworks ideologies (and ideologists) stress the strain that impel them into public notice. It would not be wrong to say that these four types of explanations are in some way the components necessary for the emergence of a social movement: (1) the definition of an "enemy", creating a sense of belonging to a group; (2) looking for supreme values that come from a social situation judged to be unfair; and (3) the attraction of public attention to the last. But still, aren't all these the components of an ideology? The answer is positive but a certain ambiguity of the strain theory can be observed. Ideology can strengthen relationships between individuals by highlighting a social problem, but can also provide them with a vocabulary with which they can better explore the differences between them, creating an extreme representation and strengthening «tensions» that the resolution has moved into first. According to Geertz, the failure of the two theories – of the interest and the strain theory – is hidden in the analysis they provide, that is to say, from causes to effects without paying attention to the process through these two stages. This is what he calls «the autonomous process of symbolic language». But we consider that this rather comes from the way they define ideology in the first place.

After we have just traced Geertz's critique, it's time to present his solution to the problem. Showing how metaphorical expressions vary from country to country to express the same thing, Geertz concludes that this is not the truth that changes depending on the context, but symbols that we are building for the purpose of grasping it. Influenced by the work of Kenneth Burke on symbolic actions and those of Galanter Gerstenhaber on thought, Geertz thinks to have found the most appropriate way to solve the issue of ideology. First, he proposes a definition of a symbol: «any physical, social, or cultural act or object that serves as the vehicle for a conception». Then, he introduces us in the «Extrinsic theory». According to this theory, the thought consists in the construction and maintenance of systems of symbols that are used as models of

other systems so that the structure of these systems becomes understandable. As a result, Geertz defines ideology as «maps of problematic social reality and matrices for the creation of collective conscience». In this conception, ideologies are closely related to politics as they make politics not only understandable for social actors, but give them a map to find themselves.

At the risk of repeating, we would like to stress that for Geertz ideology is the map of problematic social reality and a matrices for the *creation* of collective conscience. It this proposition, we can distinguish two components. In the first part of this statement, Geertz joins the strain theory that sees ideology as symptom of social dysfunction; in the second part, he «marries» the interest theory that considers that the collective consciousness is *created* by an external force. We could conclude that he does not account of his own critique.

But the critique of Geertz has allowed us to think with him, and to confirm that by passing the issue of knowledge we cannot escape the contradictions it raises. Being ignored, when ideology is nothing less but a representation of reality, is not a solution. We will retain its fundamental critique to sociology – its inability to develop a non-evaluative concept of ideology. It appears to be necessary to explore first the issues related to science and knowledge before attempting and performing a discourse and semiotic analysis. Otherwise, it would fall flat, not knowing neither what to look for, or what we have to do or how to handle the matter. So, if we could paraphrase Geert's expression, we would say that the extrinsic theory is ethnographically too muscular and sociologically too anemic.

Back to the Rough Ground

In order to continue our discussion, we need to point out Boudon's arguments against the «modern» approach. Its fundamental proposition lies in the distinction made by Hume between judgments of fact and value judgments. The firsts are demonstrable in terms of the opposition between "true" or "false" and the second are not. With regard to ideology, it is conceived as consisting of judgments of facts and value judgments, and therefore its veracity cannot be proven scientifically. Boudon invites us to consider Hume's distinction with caution. On one hand, all the facts of judgments are not provable true or false. On the other hand, since the value judgments – although they are not demonstrable true or false – are all the same «susceptible of rightness». It is the same for norms that are considered just or valid in relation to their suitability for a social situation. Therefore, value judgments, norms, representations, ideologies, although they cannot be proven true or false, fall «indirectly under this criterion», says Boudon. Thus, the basic argument of modern study approach and definition of ideology is weak. But it would also lack to gather in the notion of ideology «all beliefs about the social and political» and to overlook the key role that science has to play in the emergence of an ideology.

Conversely, it seems that Boudon forgets that a different scenario of the emergence of an ideology can be observed: not from the top (science), but from the bottom (society). Turner's and Killian's theory of the emergent norm is a good example of that. However, the question whether the ideologies come first from a scientific theory or on the contrary from various representations of the social actors, is equivalent to asking which came first: the chicken or the egg. We can hypothesize that these are largely concurrent processes, especially as even Boudon emphasized that social sciences work «in the public square». It is very likely that if a set of representations is not supported

by the arguments of authority figures (as science or religion), this set of representations can never spread in the wide audience, can never transform into collective beliefs and can never become an ideology. As a result, it will disappear.

We will return to the questions that guided this work. Do we really need the distinction between ideology and science? Behind its contrasted character, certainly prodigious and convenient, *this dichotomy hides an oversimplification. Our main thesis is that we became witnesses to the process of ideologisation and dogmatization of the both notions of ideology and science, because we forgot the ideal-typical character of this dichotomy, and therefore, we took a scientific model for a reality*. Apparently, we need to be reminded that Weber, and even before him - Karl Menger, conceived ideal-types as constructs that cannot be found in the empirical reality.

Parsons points out that two phenomena can be observed in ideology –distortion and/or selectivity: «The criterion of distortion is that statements are made about society which by social-scientific methods can be shown to be positively in error, whereas selectivity is involved where the statements are, at the proper level, «true», but do not constitute a balanced account of the available truth». Parsons suggests that the "truth" can be established scientifically. We can still ask whether this is the case: «the celebration of rationality to devaluate ideology implies that traditional oppositions such as truth/error, reality/illusion, etc. are reinforced by the belief in the existence of a single way of referring to things and talk about them».

In this work, we will support the thesis that such statements refer, as Geertz notes, from the act of privilege one perspective and its research methods. *Social reality is constantly in movement, never staying frozen so that we can study all its aspects at a specific time. It is pretentious, naive and especially wrong to consider that the social sciences are able to account and report impartially the «available truth».* Therefore it is about the same selectivity that Parsons stresses but this time in the field of science.

Boudon insists that any scientific theory is based on initial proposals, language, and unsubstantiated beliefs that «we are forced to admit without justification». Hence, scientific knowledge is not protected from unproven true or false ideas. Therefore, the evaluation of the validity of a theory is reduced to discover the invisible assumptions and to find out whether during the application of the theory, they were taken into account. According to Boudon, this is a particularly difficult process that requires a lot of time and intellectual capacities. As a result, Boudon criticizes Popper for his process of «falsification» – it cannot be applied «mechanically». Discussing the conception of Popper about science, Boudon accuses him for its assertion that science cannot reach unquestionable truths. What does he mean by «incontestable truths» in the light of the social sciences? Laws? Even when he considers himself that there cannot be laws? Or as Boudon says: «There are no objectivistic, general laws in social science, of a deterministic or of a probabilistic kind. Explanations in all the social and cultural sciences have to be formulated in terms of the reasons of actors who have the freedom to choose between alternative actions, regularly creating complex aggregations of effects and unintended consequences». We can say that sociology is an accumulation of analyses of various social phenomena, in a particular economic and historical social context that allows us to better understand and explain social change with an effort to highlight the mechanisms of that change. The results are «indisputable truths» in the sense that they obey to a rigorous methodology that could be falsified, in Popper's sense, and that they are related to this particular context. However, these results,

whether or not they have the form of a regularity, could become after a moment insufficient to explain social reality, *since social reality is deeply dynamic.* We can see this, for example, in theories related to social movements. As Tocqueville's analysis that proves to be inapplicable to explain the emergence of a social movement today. Consequently, there are no incontestable truths in the sense that they have been established and are valid once and for all.

For this consideration, we reach the conceptions of Kuhn and Popper, who argue that «truth» is only a goal and a horizon that will never be reached. Moreover, the competition between different paradigms to explain one social phenomenon lead us to the consideration that the sociological analysis is mainly an interpretation that obeys to a set of methodological rules and it is always part of a current of ideas. As noted by Kuhn: «A paradigm can therefore guide the research, even if it cannot be reduced to a single interpretation or general accepted rules». This is due to the fact that within a single paradigm, there exists several possible approaches: «What differentiate these various schools, it was not a particular method error – they were all scientific – but that's what we call their incommensurable ways of seeing the world and to practice science».

If we accept this conception of the social sciences, especially of sociology, which refers to a variety of «points of view» without this diversity «ruins» his scientific character, «the criterion of right and wrong» must be reconsidered. The validity of a theory can only be evaluated within the paradigm and its methods. If researchers tend to enroll in one or another scientific perspective, it is because they consider that given the research topics, this one or another, it allows them to achieve better results. And they tend to argue that choice. In the case of the study of ideology, this criterion carries evaluation to something incommensurable, as are different paradigms between them. Ideologies and paradigms are similar, but are different in degree, since ideologies include a set of representations, but lack of methodology and are loaded with value judgments – unprovable true or false. *Hence, we argue that ideologies are the paradigms in social life.*

As for Popper's demarcation criterion, we could say that ideologies have the particularity of being both falsifiable and non-falsifiable. Ideologies are not falsifiable, since they involve value judgments and these serve as demarcation in relation to science. Max Weber suggests a working method when it comes to dealing with value judgments «This criticism can be, indeed, only from a dialectical nature, which means it can be only a logical-formal judgment on the material contained in the value judgments and the ideas given historically». On the other hand, they are falsifiable because of their «scientific core» that can be shown false. Therefore, an in-depth analysis of ideology is possible if we treat value judgments with an appropriate method that respects them.

If this procedure of demarcation – the opposition between science and ideology – served in the past as a legitimation of science as an occupation and area, nowadays we hardly need it, since science has become a legitimate institution. However, it seems that scientists stick to it because it allows them to maintain a specific status. That is to say, it allows them to keep a certain social status, to feel as «guardians» of the truth and *désenchanteurs*: «… having a «*divine* eye [enables one to] embrace the reality in all its complexity». As we can see, even such outstanding sociologists as Boudon can become victims of misconceptions.

Conclusion

As a result of this review, we suggest to reconsider the radical opposition between subjective and objective knowledge and moreover the scientific knowledge in social sciences itself. We need to work out with a rigorous precision our concepts in order to mobilize them without encoring the danger of misconceptions and misunderstandings. We consider that ideologies are not a distortion of the reality, neither an intellectual error. They are a set of representations of the social reality, as it is and as one would like the social order to be, and these are often incommensurable with each other.

As we pointed out, Boudon uses misconceptions, received ideas and ideologies as synonyms. These tree notions need to be specified as to define what kind of representation are ideologies, what their features are, how they function and how are they mobilized by different social actors. In other words, a cognitive approach may help us to lift the fog around ideology. This approach will be presented in a further article.

Edited by Ralph John

BIBLIOGRAPHY

1. *Berthelot* J.-M. L'emprise du vrai. Connaissance scientifique et modernité. – PUF, 2008.
2. *Bloor* D. Knowledge and social imagery. – University of Chicago Press, London, 1991.
3. *Boudon* R. L'idéologie. L'origine des idées reçues. – Fayard, « Idées forces », 1986.
4. *Duvignaud* J. L'idéologie, cancer de la conscience, SociologieS [En ligne], Découvertes/ Redécouvertes, mis en ligne le 11 décembre 2007, consulté le 07.12.2012.
5. *Geertz* C. The interpretation of cultures, Basic Books. – New York, 2000.
6. *Huyghe* F.B. Qu'est-ce que l'idéologie ?, textes publiés sur le site de Huyghe http://www. huyghe.fr (дата обращения: 10.11.2012)
7. *Kalleberg* R. A Reconstruction of the Ethos of Science // Journal of Classical Sociology. – 2007. – 7.
8. *Kaufmann* N. Contributions de l'Ecole de Francfort à la « théorie » des idéologies, http://www.erudit.org/revue/PHILOSO/1978/v5/n2/203098ar.pdf (дата обращения: 27.07.2013)
9. *Kuhn* T. La structure des révolutions scientifiques, Flammarion, Paris, 2008.
10. *Larochelle* G. Philosophie de l'idéologie, http://classiques.uqac.ca/ contemporains/larochelle_gilbert/philosophie_de_ideologie/philosophie_ideologie.pdf (дата обращения: 08.08.2013)
11. *Marx* K., Engels F. The German Ideology, https://www.marxists.org/ archive/marx/works/download/Marx_The_German_Ideology.pdf (04.05.2013)
12. *Merton* R. Eléments de théorie et de méthode sociologique, A. Colin, Paris, 1997
13. *Parsons* T. « An Approach to the Sociology of Knowledge », Transactions of the Fourth World Congress of Sociology (Milan and Stressa, 1959). – pp. 25-49.
14. *Popper* K. La logique de la découverte scientifique. – Payot, 2007
15. *Weber* M. Essais sur la théorie de la science. – Presses Pocket, Paris, 1992.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕАБИЛИТАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Е.В. Бабушкина
Научный руководитель: к.с.н. И.В. Антонович
Алтайский Государственный Университет

Одной из актуальных демографических и социально-экономических проблем современного российского социума является увеличение лиц с ограниченными возможностями. Более того, в нашей стране, как и во всем мире, наблюдается тенденция роста числа детей-инвалидов.

Инвалид – это лицо, у которого имеются нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты [1]. В настоящее время существуют следующая терминология данной категории – «лицо с ограниченными возможностями».

Инвалидность у детей означает существенное ограничение жизнедеятельности. Оно способствует социальной дезадаптации, которая обусловлена нарушениями в развитии, затруднениями в самообслуживании, общении, обучении, овладении в будущем профессиональными навыками. Освоение детьми-инвалидами социального опыта, включение их в существующую систему общественных отношений требует от общества определенных дополнительных мер, средств и усилий. Но разработка этих мер должна основываться на знании закономерностей, задач, сущности процесса социальной реабилитации.

Социальная реабилитация лиц с ограниченными возможностями – одна из наиболее трудных, но очень важных задач современных систем социальной помощи и социального обслуживания. Неуклонный рост числа лиц с ограниченными возможностями, с одной стороны, увеличение внимания к каждому из них – независимо от его физических, психических и интеллектуальных способностей, с другой стороны, представление о повышении ценности личности и необходимости защищать ее права, характерное для демократического, гражданского общества, с третьей стороны, – все это предопределяет важность социально-реабилитационной деятельности.

В настоящее время процесс социальной реабилитации является предметом исследования специалистов многих отраслей научного знания. Психологи, педагоги, социологи, философы, социальные психологи и другие специалисты

вскрывают различные аспекты этого процесса, исследуют механизмы, этапы и стадии, факторы социальной реабилитации.

Социальная политика в России, ориентированная на лиц с особыми образовательными способностями, взрослых и детей, строится сегодня на основе медицинской модели инвалидности. Исходя из этой модели, инвалидность рассматривается как недуг, заболевание, патология. Такая модель вольно или невольно ослабляет социальную позицию ребенка, имеющего инвалидность, снижает его социальную значимость, обособляет от "нормального" детского сообщества, усугубляет его неравный социальный статус, обрекает его на признание своего неравенства, неконкурентоспособности по сравнению с другими детьми.

Проблемы инвалидности не могут быть поняты вне социокультурного окружения человека – семьи, школы, дома-интерната и т.д. Инвалидность, ограниченные возможности человека не относятся к разряду чисто медицинских явлений. Гораздо большее значение для понимания этой проблемы и преодоления ее последствий имеют социально-медицинские, экономические, социальные, психологические и другие факторы.

Современные организации и учреждения, осуществляющие свою деятельность в социальной сфере, должны адаптироваться к изменяющимся реалиям окружающего мира, предвидеть тенденции грядущих изменений. В ходе решения этой задачи разрабатываются и внедряются различные нововведения в социальной сфере нашего общества, способствующие более эффективной реабилитации той или иной категории граждан, нуждающейся в помощи. Такие нововведения все чаще определяются учеными как социальные инновации (от лат. «innovation» -введение в практику нового) [2].

Понятие «социальная инновация» определяют как сознательно организуемое нововведение или новое явление в практике социальной работы, формирующее на отдельном этапе развития общества в соответствии с изменяющимися социальными условиями и имеющее целью эффективные позитивные преобразования в социальной сфере.

Инновационные технологии реабилитации детей-инвалидов помогают всесторонне развить возможности ребенка, а также социализировать его к окружающей среде и обществу.

Неразрывность тех или иных социальных проблем дает толчок к разработке новых средств, форм и норм в социальной сфере. Так получили распространение следующие инновационные терапевтические технологии [3]:

1. Арттерапия – это способы и технологии реабилитации лиц с ограниченными возможностями средствами искусства и художественной деятельности. Этот вид реабилитации основан на способности человека к образному восприятию окружения и упорядочению своих связей с ним в символистической форме.

2. Библиотерапия – это метод психотерапии, основанный на педагогических дидактических принципах. Осуществляется при помощи книг, в первую очередь, художественных. Задача библиотерапии состоит в лечебном воспитание и перевоспитание личности больного воздействием художественного, эмоционального и психологического мастерства писателя, показывающего пути разрешения больному конфликтных ситуаций. При подборе книги учитываются максимальное сходство ситуации, описываемой в книге, с ситуацией, сложившейся у больного, и степень доступности этой книги больному.

3. Иппотерапия – это есть не что иное, как форма лечебной физкультуры (ЛФК), где в качестве инструментов реабилитации выступает лошадь, процесс верховой езды и физические упражнения, выполняемые человеком во время верховой езды. В процессе верховой езды в работу включаются все основные группы мышц тела. О пользе верховой езды для восстановления больных и раненных, было известно с античных времен. Лошадь возвращает людям с ограниченными возможностями уверенность в своей самостоятельности, благодаря чему они перестают чувствовать себя (и восприниматься окружающими) полностью зависимыми членами общества.

4. Игровая терапия – это специфический способ работы с детьми, который требует определенных навыков и предварительного обучения. Она менее подвержена ограничивающим влияниям культурных различий. В игре дети выражают эмоции, манипулируя средствами игры, например игрушками. Когда специалисты участвуют с детьми в игровом процессе, они взаимодействуют с ними через признание детских мыслей и чувств, устанавливают с детьми контакт, что позволяет распознавать и конструктивно справляться с изменчивыми аффектами. Хобби-терапии – это способ, позволяющий расширить сознание и совершенствовать взаимодействие с окружающим миром. Здесь ребенок может попробовать свои силы в различных видах деятельности, среди которых макраме, рисование, вязание, изготовление игрушек, поделок, пение, танцы, спорт. При этом выбор того или иного вида не навязывается ребенку, а основывается на его психологических особенностях, склонностях. Гарденотерапия – это направление в социальной и трудовой реабилитации при помощи и общении детей, когда они работают в саду, выращивая цветы и растения по собственному выбору. Детям объясняется, для чего предназначены те или иные растения, какие конкретно условия им необходимы, им помогают посадить и ухаживать за ними. Самым ценным личностным сдвигом в результате таких мероприятий можно считать пробуждающийся у ребенка активный интерес к жизни, стремление преодолеть недуг, осознание своей неполноценности [5].

7. Музыкотерапия – это использование музыки с лечебными целями, чаще всего в сочетании с другими видами психотерапии. Отмечается положительное влияние музыки при депрессивных состояниях – улучшается настроение, оказывается тонизирующие влияние. Музыка при этом не должна быть чрезмерно веселой, так как это по контрасту может ухудшить психическое состояние больных, если она не соответствует его эмоциональному состоянию.

Недавно я побывала на открытом мастер-классе «Музыкотерапия как средство реабилитации». Этот мастер-класс проводился в рамках учебных дисциплин «Технологии инклюзивного образования» и «Технология работы с детьми с ограниченными возможностями». В мастер-классе принимали участие студенты Института психологии педагогики направления «Психолого-педагогическое образование» профиля «Психология и социальная педагогика», выпускники АлГПУ с ограниченными возможностями здоровья и заинтересованные люди. Проводили мастер-класс старший преподаватель кафедры педагогики Наталья Ивановна Астахова и психолог-музыкант, руководитель оркестра музыкотерапии «Импровиз» Антон Черепанов. Мастер-класс проходил в формате музыкотерапевтических импровизаций, в которых каждый участник смог самовыра-

зиться всеми доступными средствами: играть на музыкальных инструментах, петь, двигаться, помогать лицам с ограниченными возможностями.

Еще один вид терапии для детей-инвалидов – это песочная терапия. Основоположником методики песочной терапии был К. Г. Юнг. Именно благодаря его теории «психического иммунитета» и способности сознания к исцелению, трансформации и самосохранению его последователь Дора Калф изобрела песочную терапию.

Целями песочной терапии являются выявление и характеристика особенности личности ребенка, настрой на понимание себя и своего «Я» в мире и жизненной деятельности, научение создавать модель своих фантазий на песке и пояснять их, анализ коммуникативных трудностей (способность ребенка к общению и умение выражать словесно свои мысли) и избавить от страхов и психологических травм.

Актуальность методики песочной терапии в современном обществе очень высока. Человек все больше отходит от природы, забывает свое естественное начало. Именно песок сможет напомнить первобытные чувства и ощущения. Детям вдвойне полезно играть в песочнице, нежели взрослым. Там малыш может развить мышление и фантазию и, что немаловажно, – мелкую моторику пальцев. Даже врачи логопеды часто прибегают к приемам «игры в песок». Ведь развитие образного мышления очень помогает в постановке правильной связной речи. Составив композицию на песке, ребенок придумывает сюжетную линию повествования и эмоционально окрашивает свой рассказ. В детских учреждениях только начинают испытывать действие песочной терапии на психическое развитие ребенка. Занятия песочной терапией планируют ввести как обязательные. Тем более что во дворе сада или школы больше пространства для групповых игр. В домашних условиях можно создать площадку для занятий.

Очень часто для песочной терапии стали использовать кинетический или живой песок. Игра с кинетическим песком, расслабляет, снимает стресс, активизирует мышление и запускает воображение. Кинетический песок может подарить вам новые впечатления и эмоции.

Кинетический песок – состоит из 98% натурального, не дробленного песка и 2% специального связующего, который по своей сути является силиконом. В зависимости от партии песок может быть более крупной или более мелкой фракции, но в целом он как песок в песочнице, разница лишь в том, что он очищен и отсортирован по фракции. Цвет песка естественно тоже натуральный. Производителем кинетического песка является Швеция. Кинетический песок – не теряет своих свойств. Если его намочить, ничего не произойдет, после сушки он опять станет прежним. Его можно промывать при необходимости. Вы можете хранить песок как вам удобно.

Ребенок может размачивать песок и лепить из него фигурки, для этого нужно иметь ведерко с водой. Упражнения и игры для песочной терапии очень увлекательны. Здесь столько возможностей для творческих порывов, что можно играть целыми днями.

Таким образом, главная проблема ребенка с ограниченными возможностями заключается в его связи с миром, ограничении мобильности, бедности контактов со сверстниками и взрослыми, в ограниченности общения с природой, доступа к культурным ценностям, а иногда – и к элементарному образованию. Эта про-

блема является не только субъективного фактора, каковым является социальное, физическое и психическое здоровье, но и результатом социальной политики и сложившегося общественного сознания, которое санкционируют существование недоступной для инвалида архитектурной среды, общественного транспорта, отсутствие специальных социальных служб.

Ребенок, имеющий инвалидность – это часть и член общества, он хочет, должен и может участвовать во всей многогранной общественной жизни. Ребенок, имеющий инвалидность может быть так же способен и талантлив, как и его сверстники, не имеющие проблем со здоровьем, но обнаружить свои дарования, развить их, приносить с их помощью пользу обществу, ему мешает неравенство возможностей. Ребенок, имеющий инвалидность, имеет на удовлетворении разносторонних социальных потребностей в познании, общении, творчестве. Исходя из всего этого, целью реабилитации детей-инвалидов является содействие в улучшении качества жизни ребенка, имеющего инвалидность, защита и представление его интересов, в различных кругах, создание условий для выравнивания возможностей детей и подростков, что отличает их интеграцию в общество и создает предпосылки для независимой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева* Л.С. Об опыте организации социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями в школе-комплексе «Детская личность». Президентская программа «Дети России». – М., 1997.

2. *Антонович* И.В., Качур А.С. Практика внедрения инклюзивного образования в Алтайском крае // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии /Сб. ст. по материалам XL междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. – № 5 (40). – С. 14-20.

3. *Карвялис* В. Специальное образование детей с ограниченными возможностями и подготовка педагогов-дефектологов //Дефектология. –199". – №1.

4. *Мудрик* А.В. Введение в социальную педагогику. – М., 1997.

5. *Федеральный* закон от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изменениями на 28 июня 2014 года). – Ст.1 Глава 1.

ВЛИЯНИЕ РЕБЕНКА С ОСОБЕННОСТЯМИ НА РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕМЬИ

А.В. Голдовская
Научный руководитель: к.и.н. А.А. Быков
Томский государственный университет

Считается, что дети с инвалидностью рождаются только в семьях алкоголиков или наркоманов. На сегодняшний день научно доказано, что нетипичный ребенок может родиться в любой семье, независимо от возраста, расы, социального и материального положения. От этого никто не застрахован.

По данным официальной статистики, общая численность инвалидов по группам инвалидности на 1 января 2014 года составляла 12,9 млн. человек [1]. По данным федеральной службы государственной статистики, численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет на январь 2014 года составла 582 тысяч человек [2]. Но во многом данные цифры значительно занижены, во-первых, многие патологии не выявляются на ранних стадиях, во-вторых, некоторые не хотят получать статус инвалида, а многие даже не знают куда обратиться.

Семья, у которой есть поддержка, как социальная, так и психологическая, проще справляется с трудностями. Но зачастую родители не знают, куда обратиться за помощью, а также многие специалисты, недооценивающие всю сложность семейных кризисов на стадиях развития ребенка с патологией, не оказывают помощь в полном размере.

Воспитание ребенка в одиночестве ставит перед родителями все новые проблемы, и им все труднее противостоять неблагоприятным изменениям. Семьи с детьми-инвалидами по-разному переживают кризисы, а также способы их адаптации индивидуальны. Но, так или иначе, их жизнь претерпевает серьезные изменения.

Было проведено качественное исследование, основная цель которого формулировалась следующим образом: выявление влияния нетипичного ребенка на различные аспекты жизни родителей, а также семьи в целом. Основные направления исследования были связаны с образованием и трудоустройством родителей, взаимоотношениями между супругами, близким окружением, друзьями и социальным окружением. Особое внимание было уделено оказанию помощи со стороны государства и НКО, а также родителями с подобными заболеваниями у ребенка.

В исследовании участвовало двенадцать родителей, среди которых одиннадацать женщин и один мужчина. Такой показатель связан с тем, что среди семей, воспитывающих детей с инвалидностью, довольно часто встречаются неполные, материнские семьи, нередко воспитанием и уходом за больным ребенком занимаются матери, а также женщины больше готовы отвечать на вопросы по данной тематике.

Респондентами являлись представители городской и сельской местности Томской области. Возраст интервьюируемых варьировался от 24 до 59 лет. В то время как среди детей респондентов встречался возраст от 4 до 38 лет.

В ходе исследования стало заметно, что родители нетипичных детей одинаково реагируют на известие о заболевании у ребенка. Исследователи в данном направлении определяют первую фазу адаптации, напрямую связанную с чув-

ством шока, непринятием диагноза, ощущением своей неполноценности. Высказывания родителей подтверждают это: «Почему? Почему я? Почему именно у меня? Я молодая. Этого не должно было быть» (Ирина,43 года, ребенок с синдромом Дауна, 20лет). «Я прорыдала столько дней!» (Людмила, 57 лет, ребенок с умственной отсталостью, 38 лет). «Это вызвало шок, большое неприятие диагноза, считала, что возможно врачи ошибаются» (Алена, 36 лет, ребенок с аутизмом 8 лет). «Мне не хотелось жить» (Елена, 42 года, ребенок с агенезией крестца и копчика, 7 лет).

Такая реакция обусловлена неготовностью родителей, так как многие патологии не выявляются внутриутробно, а некоторые заболевания становятся заметными при дальнейшем развитии ребенка, а также имеет место быть врачебная ошибка. Родители нетипичных детей нередко жалуются на здравоохранение. Среди проблем, соотносящихся со здравоохранением, родители выделяют проблемы, связанные:

- с выявлением причин заболевания;
- с качеством обслуживания;
- с отношением сотрудников здравоохранения.

Родители сталкиваются с тем, что сотрудники в области здравоохранения еще в роддоме рекомендуют отказаться от ребенка*:* «В роддоме первый совет был: “Откажитесь, зачем вам такой ребенок”» (Елена,42 года, ребенок с агенезией крестца и копчика,7 лет). «Врачи мне начали советовать сдать ребенка» (Людмила, 57 лет, ребенок с умственной отсталостью, 38 лет).

Необычно, что подобная позиция врачей не изменилась за последние примерно сорок лет (так как предлагали отказаться матери, ребенку которой 38 лет и матерям, детям которых 5–7 лет).

Нетипичным оказался случай, когда маме ребенка с синдромом Дауна преднамеренно не сказали о заболевании малыша, чтобы она от него впоследствии не отказалась. «При рождении мне ничего не сказали, они боялись, что я от него откажусь» (Ирина, 43 года, ребенок с синдромом Дауна, 20 лет).

Хочется отметить, что количество негативных отзывов об отношении врачей меньше в сельской местности, нежели в городе. Возможно, это объясняется небольшим населением, где все друг друга знают. Особенно это отражается в том, что респонденты из сельской местности в ходе интервью называют врачей по фамилии имени отчеству.

Нередко родители детей с особенностями сталкиваются с негативным отношением общества. Особенно родители, у которых ребенок с видимыми отклонениями, например, ДЦП, синдром Дауна, а также умственными заболеваниями. «С тобой как бы вроде улыбаемся и доброжелательно, а на самом деле…» (Вера, 32 года, ребенок с задержкой развития, 5 лет) «Взгляды такие: интересно, но стыдно спросить, любопытно разглядывающие, иногда даже бесцеремонно» (Елена, 42 года, ребенок с агенезией крестца и копчика, 7 лет)

Хочется отметить, что со временем родители начинают спокойнее относиться к чрезмерному вниманию со стороны окружающих. «Конечно, видно косые взгляды. Раньше для меня это было до слез. А сейчас я стала с возрастом относиться попроще» (Ирина, 43 года, ребенок с синдромом Дауна, 20 лет).

Но, пожалуй, наиболее важным для родителей нетипичных детей является отношение со стороны родственников и друзей. В основном, по результатам ин-

тервью, стало понятно, что родственники и друзья принимают ребенка с особенностями, пытаются помочь физически, материально и морально. «Ничего не изменилось, может чувство жалости появилось сначала, а потом привыкли все» (Ольга, 59 лет, ребенок с полной слепотой левого глаза, 35 лет.) «Родственники и друзья у меня все сочувствовали, помогали» (Людмила, 57 лет, ребенок с умственной отсталостью, 38 лет)

Но в тоже время родители отмечают, что времени на общение с друзьями не хватает. «Было непонимание друзей» *(*Алена, 36 лет, ребенок с аутизмом, 8 лет). «Кто-то отсеивается, кто действительно был важен для тебя, также как сотрудники в моей фирме, никто не предложил помочь, никто не интересовался. Просто выбыла и все – крест на тебе» (Елена, 42 года, ребенок с агенезией крестца и копчика, 7 лет).

Самым важным для родителей детей с ограниченными возможностями здоровья является помощь и поддержка со стороны супругов. В некоторых ситуациях нетипичный ребенок может сплотить семью: «У нас было как: я работаю с утра до вечера, муж работает далеко на вахте, уезжает на месяцы, сын ходит в школу. Каждый жил своей жизнью. С рождением Насти у нас все кардинально изменилось. Все сразу поняли, что нужны друг другу. Настя сплотила семью нашу» (Елена, 42 года, ребенок с агенезией крестца и копчика, 7 лет).

В некоторых семьях такой ребенок, напротив, может повлиять на ее распад. «Я была одна, муж был на работе сутками, месяцами, годами» (Александра, 36 лет, ребенок с аутизмом, 5 лет). «Муж меня сразу бросил, узнав о диагнозе. Он перестал меня поддерживать. И я думаю, что это была основная причина нашего развода. Ребенок выбил его из колеи» (Алена, 36 лет, ребенок с аутизмом, 8 лет)

Мужчины нередко уходят из семьи при рождении больного ребенка. Но в ходе исследования стало известно, что встречаются ситуации, когда женщины не справляются с ситуацией и оставляют семью. Отец, один воспитывающий двух детей, один из которых инвалид, так объясняет причину развода: «У мамы был алкоголизм» (Евгений, 38 лет, ребенок с поражением нервной системы и задержкой развития)

Нередко рождение ребенка с отклонениями влияет не только на семейные отношения, а также на образование и трудоустройство родителей. Известно, что нетипичный ребенок требует особенного внимания, а ребенок с наиболее тяжелыми формами заболевания нуждается в постоянном уходе и присмотре. Исходя из этого, родителям нередко приходится покинуть место работы и перейти на менее квалифицированную и соответственно низкооплачиваемую работу или же вообще закончить трудовую деятельность. «Работать невозможно. Не потому что я не хочу, а потому что такие дети требуют больше внимания, чтобы из них что-то получилось» (Елена, 42 года, ребенок с агенезией крестца и копчика, 7 лет). «А сейчас я восьмой год не работаю, с детьми некому сидеть, потому что родители мужа со мной вообще не общаются, а мама у меня умерла, а папа тоже работает, у меня нет возможности с кем-то их оставлять» (Алена, 36 лет, ребенок с аутизмом, 8 лет). В некоторых семьях появление ребенка с особенностями не повлияло на трудоустройство родителей. «На работу это никак не повлияло» (Елена, 33 года, ребенок с ДЦП и слуховыми, зрительными, речевыми нарушениями, 11 лет).

Возможно, также решается вопрос, связанный с образованием родителей. Но, так как возраст респондентов, участвующих в данном исследовании в основном на момент рождения ребенка был выше 20 лет и все родители на тот момент времени закончили свое обучение, то вопрос о получении образования родителями не возник.Необычным респондентом исследования стала женщина, которая приняла в свою семью ребенка с особенностями. Мотивацией стало не материальное обеспечение, как обычно принято считать, а любовь к детям и желание им помочь. «Еще в детстве, вернее в более сознательном, подростковом возрасте я очень хотела, чтобы у меня была большая семья. Я всегда говорила, что в моей семье будет: пять своих детей и пять чужих. Сейчас у меня есть один сын и три приемных девочки» (Ольга, 44 года, ребенок с задержкой психического развития, 8 лет).

Благодаря усилиям Ольги (респондент) у ее приемной дочери Лены видна динамика развития, хотя изначально диагноз был неутешительным. Респондент отмечает, что после принятия Лены в семью, жизнь изменилась в лучшую сторону. Вообще многие родители отмечают, что научились справляться, стали сильнее. «Жизнь сильно менялась, были депрессии. Я просто поверила в себя, и стало не все так страшно» (Алена, 36 лет, ребенок с аутизмом, 8 лет). «Я стала сильнее» (Ольга, 59 лет, ребенок с полной слепотой левого глаза, 35 лет). «Было сложно, но я научился справляться» (Евгений, 38 лет, ребенок с поражением нервной системы и задержкой развития)

Таким образом, семья играет огромную роль в социализации и интеграции в общество ребенка с особенностями. В свою очередь наличие заболевания у ребенка влияет на повседневную жизнь семьи. С появлением больного ребенка семья проходит длительный путь адаптации. В первую очередь семья сталкивается с психологическими проблемами, а именно чувством неприятия, отторжения диагноза ребенка. Нередко родители испытывают чувство своей неполноценности. Обычно семье необходимо продолжительное время, чтобы перейти от первого этапа адаптации к следующему. Некоторым родителям требуется месяц, год; а некоторым – несколько лет.

Изменения в повседневной жизни происходят во всех семьях, независимо от места проживания, социального и материального положения. Результаты исследования показали, что ребенок с особенностями влияет практически на все сферы жизнедеятельности семьи, однако для каждой семьи свойственны индивидуальные реакции и изменения. Необычно то, что помимо семей, у которых рождаются дети с особенностями, существуют семьи, готовые взять к себе больного ребенка. Сложности, с которыми сталкиваются приемные родители, не отличаются от проблем обычной семьи. Семья, в которой появляется ребенок с особенностями, сталкивается с множеством трудностей, не всем удается справиться. А тем, кому удается, приходиться бороться за свои права и права своего ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Общая* численность инвалидов по группам инвалидности. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/1-1.doc (дата обращения 28. 05. 2015).
2. *Распределение* инвалидов по полу и возрасту. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/1-3.doc (дата обращения 28.05.2015).

ОТНОШЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ К ТРУДОВЫМ ИММИГРАНТАМ НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

А.С. Казанцева
Научный руководитель: к.ф.н. Е.В. Сухушина
Томский государственный университет

Проблемы присутствия трудовых мигрантов в России и их влияние на отечественный рынок труда регулярно становятся предметом бурных дискуссий. Считается, что мигранты отбирают рабочие места у россиян и позволяют работодателям значительно снижать планку заработной платы, кроме этого, мигранты – это одна из главных причин отсутствия роста эффективности и производительности труда, вызванных использованием более дешевой рабочей силы. Так, например, согласно опросу, проведенного Левада-Центром – 67% россиян придерживаются мнения, что мигранты, действительно, отбирают у жителей нашей страны рабочие места. Помимо этого, по результатам опроса, проведенного Исследовательским Центром рекрутингового портала superjob.ru – респонденты считают, что им приходится конкурировать с приезжими из Средней Азии. Отсюда, собственно, и возникает негативное отношение в сторону мигрантов.

УФМС по Томской области заявляет, что в 2014 году число иностранных граждан составило 73,1 тысячи человек, что на 9,5% больше по сравнению с 2013 годом. Отсюда, с учетом общей численности населения Томской области (1 074 453 чел.) – процент приезжих варьируется от 6%. Также начальник ведомства А.Романов сообщил, что больше всего мигрантов приезжают в регион из Узбекистана, Казахстана и Киргизстана (85%).

Поскольку количество мигрантов в Томской области с каждым годом незначительно, но увеличивается, и преимущественно в регион едут представители из ближнего зарубежья, любопытно было изучить, как их воспринимают коренные жители и какое у них складывается отношение в адрес мигрантов. Кроме этого, представляет интерес также выяснение факторов и причин, влияющих на то или иное отношение.

Тем самым, тема исследования актуальна и важна в связи с рядом вышеперечисленных факторов.

Было проведено исследование, основной целью, которого было: определение отношения местного населения Томской области к трудовым иммигрантам.

Для реализации данной цели в Томской области был проведен социологический опрос горожан по специально разработанной анкете «Отношение местного населения к трудовым иммигрантам на примере Томской области».

Генеральная совокупность в данном исследовании – местное население Томской области. Опрошено 126 человек (18 лет и старше). Выборочная совокупность отражала состав населения в целом по полу, возрасту, образованию и статусу.

Несмотря на то, что исследование до сих пор ведется, уже имеющиеся результаты продемонстрировали нетипичность Томской области и замечены достаточно яркие и очевидные тенденции.

Стоит начать с того, что иммигранты из Центральной Азии занимают приоритетные позиции в представлениях местного населения. 73% ответивших пред-

ставляет на месте мигранта представителя из Центральной Азии. С ними же местные жители сталкиваются в повседневной жизни чаще всего (67%).

Большинство респондентов (63%) подчеркнули, что мигранты никаким образом не влияют на их жизнь, 3% ответивших считают, что мигранты меняют их жизнь к лучшему, а 14% - отмечают наоборот – изменение к худшему. Но, наблюдается интересная зависимость в вопросе об общем отношении к мигрантам - процент негативной оценки (очень негативно и скорее негативно) в совокупности составляет 35%, а позитивной (очень позитивно и скорее позитивно) – 7%. Это дает основание полагать, что, возможно, респонденты испытывают мнимую толерантность и им просто неудобно говорить о том, что присутствие мигрантов сказывается на их жизни отрицательным образом.

Рассматривая отношение в контексте определенных поведенческих установок, интересно было узнать, как близко местные жители могли бы принять представителя из ближнего зарубежья. Как оказалось, тотального неприятия не существует, но, тем не менее, оно есть. Большинство, а именно 67% ответивших отмечают, что готовы принять мигранта лишь в качестве гостя или туриста в своей стране. А это, безусловно, предполагает отдаление от приезжего населения.

Заслуживает внимания и взаимосвязь в оценке положительного и негативного в присутствии мигрантов. 33% считают, что ничего положительного в присутствии мигрантов нет. Что касается, негативных последствий присутствия приезжих, то межэтнические столкновения и конфликты являются доминирующей причиной негативного отношения (63%). Усиление конкуренции на российском рынке труда отметили лишь 21% ответивших. Следовательно, почвой для неприязни выступает далеко не она. Респонденты, преимущественно, отмечают отрицательные последствия присутствия мигрантов. Здесь абсолютное большинство даже по выборам негативных ответов по сравнению с позитивными вариантами последствий нахождения в стране мигрантов - 327 против 136. Такая разница явно свидетельствует о том, что для местных жителей это является «больной» темой.

Небольшая разница и во мнениях респондентов о необходимости привлечения мигрантов на временную работу. Варианты ответов – согласен и скорее согласен в совокупности составляют 33%, противники же набрали 45%. Это лишний раз свидетельствует о том, что местное население все-таки не боится конкуренции со стороны приезжих, а некоторые даже признают необходимость привлечения мигрантов на работу на российском рынке труда.

Любопытный результат касается и политики в отношении мигрантов. Большинство (48%) считает, что стоит предпринять политику ужесточения контроля миграционных потоков. 29% респондентов выступают в пользу улучшения социальных условий жизни мигрантов и их полную легализацию, поддерживают политику умеренного контроля. Кроме того, 6% респондентов выступает в пользу репрессивной политики, несмотря на то, что репрессия носит достаточно насильственную и острую окраску.

Помимо этого, 37% отметили, что чувствуют угрозу безопасности от иммигрантов. Из них 5% считают, что угроза исходит от всех иммигрантов. А 32% отмечают определенные группы иммигрантов, при этом они выделяются не только по этническому основанию, но и по социальному. В основном, выделяют

такие группы как – иммигранты из Закавказья и Центральной Азии. По социальному основанию выделяют – необразованных, не знающих языка, не придерживающихся моральных норм российского общества, проявляющих агрессию в сторону местного населения, не соблюдающих местные законы и неуважительно относящихся к культурным ценностям страны приема. Прежде всего, считают, что угроза непосредственно заключается в межэтнических конфликтах и росте националистических настроений среди местного населения (34%), что ведет к радикализации общества. 19% отметили, что угроза заключается в преступлениях в экономической сфере и против государственного устройства, т.е. внимание на формальной сфере особо не акцентируется. Угрозу в преступлениях против личности чувствуют 27% и культурной самобытности – 20%. Это дает основание полагать, что здесь заложен, скорее, момент повседневного взаимодействия и несоответствия правил иной нации правилам коренного населения.

Несмотря на всю разницу между культурными нормами и ценностями, абсолютное большинство (74%) все-таки считает, что мигранты, находясь в местном обществе, могут соблюдать традиции, принятые в их стране и вести привычный образ жизни. Но, тем не менее, респонденты выступают категорически против (72%) создания социальных этнических микрорайонов в крупных городах, в которых люди одной национальности или вероисповедания могли бы проживать, имея возможность соблюдать свои обычаи, посещать специальные школы, проводить мероприятия.

Подводя общую черту, можно сделать выводы, что недовольство мигрантами вызвано не конкуренцией за рабочие места. Основная причина, в связи с которой возникает неприязнь, опасение и недоверие в адрес мигрантов кроется в культурной дистанции и разнице культурных норм и ценностей. Население воспринимает мигрантов как чужих и отличных от коренных жителей, и они, непосредственно, выступают в качестве угрожающего и враждебного элемента. Эти «другие» придерживаются совершенно иных традиций, чтят культурные нормы, ценности и установки, которые так далеко от тех, что приняты в российской культуре. А нежелание приспосабливаться к местным социокультурным условиям, принятых в нашей стране ведет к еще большему негативному отношению в адрес мигрантов.

«SCHOLARLY WRITING AND PRESENTATION»

CHARITY AND VOLUNTARY ORGANIZATIONS: HISTORY AND PRACTICAL ISSUES

A.R.Klimenko
Academic advisor: E.V.Vychuzhanina
Colledge of management, Astana, Kazahstan

Nowadays charity and voluntary organizations are very significant for any society. Through such organizations people can show their humanity in relation to each other. It is generally agreed that the practice of charity means voluntary giving of help to the most vulnerable members of the community, as an act of humanity. The major goals of charities and voluntary organizations are the support of destitute people, such as homeless, people with disabilities, orphans,promoting a healthy lifestyle, for example the harm of smoking, drug and alcohol addiction, protection of the environment andeventhe culture development.

Charitable organizations haveexist for a very long time. In Europe, until the middle of XVIIIth century, charity was mainly distributed through churches, almshouses(means hospices),including contributionsfrom the rich. Charities were responsible for education, health and even prisons. Almshouses were established throughout Europe in the Early Middle Ages to provide a place of residence for poor, old and miserable people - the first recorded almshouse was founded in York, England by King Athelstan in the Xth century.

It was the Enlightenment era when charitable and philanthropic activity became a widespread cultural work among voluntary associations and high class society. Aristocrats andgentleman's clubs began to flourish in England and the upper-classes increasingly adopted a philanthropic attitude toward the disadvantaged. Such figures as CaptainThomas Coram, who was shocked by the number of abandoned children living on the streets of London, and because of that set up the Foundling Hospital in 1741 to look after unwanted orphans, and Jonas Hanway, who established The Marine Society in 1756 as the first seafarer's charity, in a bid to aid the recruitment of men to the navy, were among the first who initiated the private charitable institutions.Privet initiative were supported by the other members of society and eventually became the establishment of charitable organizations. This period also saw the growth of philosophical debate between those who claimed that the state should supervise all charity issues connected with people in need and those who believed that private charities should provide welfareand the dispute is still going on. During the XIXth century charity was becoming more and more common, philanthropy became a very fashionable activity not only in high society but also among the middle classes in Britain and America and it still remains in present as prestigious as it used to be. During this 300

years history of the development of charity organizations many of them stopped to exist, some organizations united into a large one and as the result we can see a huge amount of organizations which operated all over the world. Among the major actors we can mention:

1) Bill & Melinda Gates Foundation.

The fund was opened by Microsoft founder Bill Gates and his wife Melinda. The Foundation supports innovative projects around the world that are working to solve some of the worlds most pressing healthcare problems such as HIV / AIDS, Polio and Malaria. Its plans for the future include targeting 150m of the worlds poorest farming families in Sub-Saharan Africa and Asia to raise themselves out of poverty.

2)British charity fund «Wellcome Trust»

This charitable foundation was founded in 1936 in London in honor of the memory of a pharmaceutical magnate Henry Wellcome. The Fund finances scientific and medical researches, the protection of human and animal life. Charitable Foundation Wellcome Trust has earned the title of the largest charitable foundation in the UK and tookthe second place in the world in terms of its budget among all charities.

3)Howard Hughes Medical Institute

Howard Hughes Medical Institute was founded by anaviator, filmmaker and entertainment industry magnate Howard Hughes in 1953 and exists for 62 years. During all these years the Institute has funded many studies in the field of genetics, immunology and molecular biology.

Speaking about the history of theRussiancharity organizations,it would be logical to go back to the beginning of philanthropy in Europe because Russian people started to think about charity under the influence of European trend. In Russia first charities were opened at churches and monasteries as well as in Europe. Monks ensured free medical care to homeless and poor people, besides they helped strangers, gave them shelter and food. What is more, orphanages for unwanted children, schools for poor peasants and hospiceswere opened. By the end of the XVIIth century state policy gradually began to replace the church as the dominant center of charity. In Russia lots of governors opened centers providing aid to the needy. For example, Peter I opened the first foster homes for foundlings in 1715. The Empress Catherine 2 gave money from a personal budget for the establishing and maintaining shelters. A notable feature of those shelters was a special program that taught the ideas of the Enlightenment. The wife of Emperor Paul I, Maria Feodorovna, was in charge of almost all educational institutes for poor children in Russia, she managed them more than 30 years.In 1806 there was the first Russian school for children with disabilities opened. It was the school for deaf people, which was opened under the leadership of Maria Feodorovna. She was recognized by contemporaries the most generous benefactor. At least until the end of the XIXth century in Russia the care for the needy has been concentrated in the hands of the state or members of the emperor's family. In that time Russian people accepted the emperor and members of his family as a defenders of the Motherland, Russian state and their people. Among the members of the royal family there were people who took the troubles of common people from heart were engaged the charity sincerely. Charity movement in Russia at the turn of XIX-XX centuries developed inthree types: private, public and church and state. The representatives of different social classes – high and low - gave the needy what they could share: the first -money, the latter–their energy and time. They received satisfaction realizing that they were

useful for other people, they help them and could serve to their Motherland through philanthropy. People believed that it was bad manner not to participate in the charity activity. Merchants were obliged to encouragedestitute people, open shelters and hospitals for them, otherwise no one had affairs with them.By the early 20th century only in Moscow there were 628 charitable institutions, 427 of which werefor adults, 201 for children, including hospices, and 239 shelters, according to «mosblago.ru».

However, during the Soviet regime charity and voluntary organizations had lost their popularity because of ideology which claimed that the soviet people were the happiest in the world and lived in abundance. Churchcharity was largely suppressed by the 1917 revolution and in august 1918 were abolished by law, and then thousands of Russian churches and charitable institutions that were created by our ancestors finallywere closed and destroyed. However during the Second World War, people began diligently to support each other and tried to provide any assistance not only to soldiers, but also to civilians who were affected by the war. Russian Orthodox Church from the first day of the war resumed its help to the Russian people. The church not only systematically collected donations for the construction of aircraft, tanks and other weapons, but sentwagons of socks, mittens, and other types of clothing to the front, as well as donations to help disadvantaged war orphans and wounded soldiers. In those terrible times for all humanity people all over the world began expressing compassion to each other, to support each other in trouble, they rallied against a common enemy, and thanks to such strong fraternal ties they managed to survive and even won the war.

Another turning point in the development of Russian charity is the collapse of the Soviet Union. Huge political andeconomic changes, which caused the emergence of a huge number of the homeless, orphans and the growth of criminality in the country led to the understanding that somebody has to take on the responsibility and care for this people. Difficult transition from the old to the new form of government destabilized the nation and people desperately needed help which they could provide to each other.

Present world paysa special attention to the charity. In Russia and Kazakhstan, along with European countries, altruism has become very popular. In Russia, about 76% of the population are involved in charity, while in Kazakhstan only 51%, according the Wikipedia, but it is undeniable that these figures are rising every year.

A large number of celebrities base their foundations and charities, regularly donate money to the destitute, visit orphanages and in every possible way help those who are in need.Through their experience these famous people show us that it is necessary to help people and be a philanthropist.

In Russia there is a huge amount of funds. For example:

1) Charitable Foundation with hematological and other serious diseases "Подари-жизнь" (Give live) *was set up in 2006. The members of its board of trustees are famous actors, politicians, journalists and doctors.*

The foundation raises funds for children with oncological and hematological illnesses. Patients from four clinics (Federal Center of Pediatric Hematology, Russian Scientific Center of Radiology, Scientific Practical Center of Medical Care for Children with Developmental Disabilities, Cranio-facial Region and Congenital Diseases of the Nervous System, Institute of Neurosurgery Russian Academy of Medical Sciences N.N. Burdenko) are currently under the fund trusteeship.

2) VladimirPotanin Foundation. The main activity of this fund is to support national education and culture by providing scholarships and grants to students, teachers,

and organizations. The found supports future leaders who are able to change themselves and ready to help others, foster the development of knowledge, professionalism and philanthropy in Russia.

3) Charitable Foundation «ДетиРоссии»(Children of Russia) supports children's institutions, helps disabled children and orphans, takes care of the younger generation, social protection and legal interests of children and adolescents. It creates and implements programs aimed at the support of the younger generation. Charity Fund "Children of Russia" is a member of the world Federation of associations, centers and clubs of UNESCO.

Charity is one of the fundamental historical traditions peculiar to Kazakhstan. In consciousness of our ancestors hundreds of years ago have rooted idea to make good for people, it is a spiritual duty of every people. In Kazakhstan there are separate companies, public organizations and private sponsors who spend a lot of time and money in order to help. The most significant of them:

1) Children's Fund "Bobek" has existed for about 25 years. Bobek was founded in 1992 by Sara Nazarbayevato help mother and child care, provide supervision of foundling homes and orphanages, provide equipment and supplies to schools, aid gifted children from low-income families, and to assist the child health care system.

2) Charitable Foundation "Bauyrzhan" was registered in 2004. The Foundation is a public non-governmental organization which helps the development of charity in various areas. Is engaged in the development of social projects and help in the development of culture. Charitable Fund "Baurzhan" is included in the 10 largest funds of Kazakhstan.

3) Red Crescent Society of Kazakhstan (RCSK) was founded in 1937 as a member of the Soviet Alliance of Red Cross and Red Crescent Societies, and became independent in 1992. It has a mission statement that is outlined in the society's statutes and communicated to all branches. It is 'to prevent and mitigate vulnerability, to create atmosphere of respect to human dignity complying with tolerance and antidiscrimination'. The society focuses on searching new initiatives, finding ways to move forward to adjust to the changing environment and to overcome difficulties and constraints.

In Kazakhstan, children are taught from childhood not to remain indifferent to those who need help. For example, when I was in 5th grade, my classmates and I under the supervision of teachers frequently visited orphanages. We organized performances for orphans, played with them, gave gifts. Some of them were too small, to understand what was going on, they just sat in the elder children's hand while they were listening to us. When you see such children, who don't have family or anybody to love and support them, when you see how sad they are you start to appreciate your parents and relatives more. Exactly from that moment I started my volunteer work. A little later, I, along with other volunteers from International School Miras, visited orphanages, schools for children with disabilities, spent time with them, organized competitions and tried in every way to support them. It is important for such children to realize that they are just like us and they may be as happy as we are, they can travel abroad, they are also a part of society and they can be happy in every country. Of course they need more attention and special care, but still they are children and along with other kids they want to play and communicate to others.

We also visited a nursing home for the elderly, talked for hours with alone sick people, gave them hand-made gifts. It is impossible to put into words the excitement

of old people when we came to visit them and at the same time we also felt satisfaction and we were glad that could make life of those people better. Someone asked just to sit and listen to their stories, someone were dictating poems, and we committed them to paper, we even danced with retirees. This experience is very important for me, because I understood that the person wants and must be happy at any period of time and close people should do their best to make them glad. I realized that loneliness is ugly and in welfare state a person shouldn't die in solitude.

Talking about my personal experience on voluntary work in addition I'd like to tell you about my passion to help homeless animals. Since my childhood I tried to help homeless animals and my parents shared my views and supported me. If I found a homeless dog, I brought it home, then we took it for a visit to the vet, gave a treatment if it needed, and I was allowed by parents to leave them in our home if we couldn't find a master. Once 11 dogs lived in our yard at one time, we took care of them, fed, provided medical care, new owners took someone and someone stayed to live with us for all life. After moving to Tomsk I found a group of people who help homeless animals. Using the social networks they raise money for animal's shelters, looking for a new hosts, nurse those animals that are ill and provide temporary shelters. I volunteered to take animals for a while, look after them and provide necessary care. I know, that I'm not alone in my interest of giving an aid and more and more people become to understand that there are somebody, who need our help and we can lend a hand this or that way.

It is clear from all these observations that for many centuries of history the charitable organizations developed, their popularity grew and fell, but eventually the mankind has realized that without help hard to survive and without giving help to the destitute is hard to remain humans. I would like to draw attention to the fact that we should not forget that in our world it is very important to help each other, not to forget that we are all humans and not to lose your humanity. It is not necessary to join any charitable or voluntary organizations, we just need to be attentive to those who are around us. After all, to help people we need so little, just the desire.

BIBLIOGRAPHY

1. Антонов Е. Н. Благотворительность в России: основные проблемы и пути решения. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №63-1. – URL: http:// cyberleninka.ru/article/n/blagotvoritelnost-v-rossii-osnovnye-problemy-i-puti-resheniya (дата обращения: 20.05.2015).
2. Крупнейшие благотворительные организации мира. – URL: https:// socpartnerstvo.org/ru/news/all-news/1413-blagotvoritelnye-organizacii-mira-blagotvoritelnost-v-mire-evrope (дата обращения: 20.05.2015).
3. Россия потеряла три позиции в Мировом рейтинге благотворительности – URL: http://www.asi.org.ru/news/v-mirovom-rejtinge-blagotvoritelnosti-rossiya-zanimaet-126-mesto (дата обращения: 20.05.2015).
4. Кому же и почему предпочитают помогать. – URL: http://www.inva-life.ru/publ/stati_o_blagotvoritelnosti/komu_i_pochemu_predpochitajut_pomogat/161-1-0-149 (дата обращения: 20.05.2015).

A CRITICAL PERSPECTIVE ON LINGUA FRANCA OF THE GLOBALIZED WORLD

V.S. Nesterenko, E.V. Vychuzhanina, O.I. Milovanova
Academic advisor: DSc. E.A. Nyman
Tomsk State University

During the last fifty years, thanks to the rapid development of information technologies and modern communication systems, English has spread throughout the world. At present, it is a leading candidate for the role of lingua franca, a language of international communication applied in almost every sphere of social life, a unique language which after David Crystal has been called global [2]. The uniqueness of the situation also lies in the fact that the number of non-native English speakers significantly outnumbers the number of native speakers (3:1) [2].

However, it should be taken into account that the notion of global language has never been accepted unambiguously. Language and culture are two sides of the same coin. As it was noted by the anthropologist Michael Agar: "Culture is in language, and language is loaded with culture" [1. P. 28]. But then, what culture does global English belong to? If it belongs to the global one, which culture should be taken for it?

The idea of introducing a universal language is not new and it has been treated controversially. In June 1998 the European Association for International Education published the article "Global English: a European perspective" which wrote that **"**The need or desire for a global language goes back to the dawn of times; there have been previous attempts to overcome linguistic differences such as the Babel Tower and Esperanto, both of which doomed to failure. Global English offers a new twist to this utopia, albeit along somewhat different lines" [6]. But not all share this pessimism. Thus, in 1996, there was an opinion in *the Economist* that English would continue to act as the main language of international communication, and there was nothing that could damage its worldwide popularity.

These facts definitely make us think about the role of English in the 21st century. In modern sociolinguistics the problem is widely discussed and presented in the writings of famous linguists such as David Crystal "English as Global Language" (2003), David Graddol "The Future of English?" (1997) and "English Next" (2006), Tom McArthur "The English Languages" (1998). In Crystal's view, the spread of English has reached the point where it cannot be controlled any more. "It may well be the case, as was intimated earlier, that the English language has already grown to be independent of any form of social control. There may be a critical number or critical distribution of speakers (analogous to the notion of critical mass in nuclear physics) beyond which it proves impossible for any single group or alliance to stop its growth, or even influence its future. If there were to be a major social change in Britain which affected the use of English there, would this have any real effect on the world trend? It is unlikely" [2. P. 190].

First of all, we should pay attention to Crystal's framework for understanding the origin and development of Global English. Here he deals with three issues. Crystal notes that the geographical-historical account gives us the opportunity to look at this process from the historical perspective, the socio-cultural account is employed to explain this information and only a cultural one can give us an idea about the future of the language. Speaking about the main areas of human activity, Crystal shows their dependence on the English language [2]. The use of English in the domains of politics,

economics, communication, the press, education etc. and the number of people speaking it represent a kind of critical mass, which can make the spread of English irreversible. Let us dwell on some of them.

In the field of international affairs English is the main working language of major political organizations (the UN, the Association of South East Asian Nations, the British Commonwealth, the Council of Europe, the European Union, the NATO), as well as less important ones (the European Academy of Anesthesiology, the European Association of Air Law, the African Hockey Federation, the Demographic Centre of Cairo). The international organizations consisting only of Arabic-speaking or Spanish-speaking countries issue final reports in English, even though it is not their working language.

Another illustrative example is the European Union where a great number of countries are entitled to use their native languages. As it is not easy to find expert interpreters for all language pairs (more than 100), it was decided to resort to English as an intermediary language.

International politics operates in many different ways, for example, political protests. One interesting event of this kind occurred in India during the demonstration supporting Hindi. The most of the banners carried by the marchers were in Hindi but one participant held a sign reading in English 'Death to English!'

The mass media is an important component of modern public life today. According to the Encyclopedia Britannica, 57% of newspapers published in the world appear in the countries where English has a special status. English-language newspapers are found in the top five of influential world editions. As far as specialized editions are concerned, the position of the English language is even stronger. Most internationally recognized academic journals are published in English [2].

The role of English on the Internet can hardly be overestimated. The statistics says that three-quarters of the world's mail is written in English, about 80 per cent of the world's electronically stored information (both private and public) is in English. And although more than 1000 languages are currently used on the Internet, the influence of English is likely to grow as it plays a key role in the software. As David Crystal ironically notes the major obstacle to the global spread of English would have arisen a generation ago if Bill Gates had been speaking Chinese from birth [2].

To have a more complete picture it is important to consider the processes which could impede the future spread of English, so to say, prevent critical mass. One of these tendencies is the rejection of colonial languages. For example, Tanzania had two official languages, Swahili and English, until 1967, when Swahili got the sole status. The similar situation took place in Malaysia in 1967 as well. Under the National Language Act English was rejected and Malay became the sole official language. These cases are not numerous and the population of these countries is not large enough to change the status of English as a whole.

A language achieves global status because of the political and economic power of a country where the people speak this language. In this respect an interesting idea was expressed by Bismarck. When in 1898 he was asked about the decisive factor in modern history, the Iron Chancellor said, "The fact that the North Americans speak English". At present in the United States there has been debate on the status of the English language and it is suggested to make English official. The requirement to adopt regulations indicates that "something is rotten in the state of Denmark". The essence of the

conflict is whether to give preference to mutual intelligibility or national identity. And although the situation should be seriously analyzed, the dominant position of English does not give rise to doubt now (95 per cent of the population speak English) [2].

The main thesis of David Graddol can be formulated as follows: the world is going through a transition that will create a new language hierarchy. The fate of English as the global language is not so clear. Graddol notes, "The spread of English in recent years is, by any criterion, a remarkable phenomenon. But the closer one examines the historical causes and current trends, the more it becomes apparent that the future of English will be more complex, more demanding of understanding and more challenging for the position of native-speaking countries than has hitherto been supposed" [4. P. 3]. And although we deal here with the reciprocal causation, i.e. globalization encourages the spread of the English language, and vice versa, the spread of English facilitates further globalization, it seems rather difficult to speak about the future of the language at present as its ability to survive is based on contradictory tendencies. On the one hand, to be a means of international communication and mutual understanding English has to keep the language norms, however, the intense spread of English as a foreign language results in its splitting and coming into existence its numerous variants. Due to the first factor, a large number of people studying English are constantly growing, whereas, due to the latter, the language is partly decreasing in its significance.

Demographic changes tend to have a dramatic influence on any language. The population of the developing countries is growing younger, while the population of the developed ones is getting older. This leads to such economic problems as a lack of qualified workers. The immigrants arriving from the Third World countries occupy the vacancies, bringing language transformation along with them. For example, in 1980 London schools registered 200 languages, whereas in 2000 this figure amounted to 300 [4].

Stable economic development of the country urges the interest to the study of its language. Under the conditions of the transitional period, we can see the proportion shift of the world's major economic systems. India, China and the countries of the South America are becoming mightier and more independent; it causes some western experts to feel anxious.

If we take into account the demographic and economic changes, it would not be difficult to suppose which languages could compete with the Global English for its title. Such languages as Chinese, Spanish and Arabic have already begun to act as lingua franca in some regions. The governments of these countries are eager to support the interest in their national languages and cultures by all means. In 2004 the Chinese government launched the project "The Confucius Institute" all over the world, in 2006 30 million people were taught there the Chinese language already. In 2005 all schools of Brazil introduced the Spanish language as an alternative to English, to make matters worse, Trinidad and Tobago declared its intention to become a Spanish-speaking country by 2020. As for Arabic, the number of people speaking it is constantly increasing, and nowadays it is developing faster than ever due to demographic factors.

According to Graddol, the process of the expansion of the English language should be viewed in a wider context of the transformation of the total language system. Major world languages are acquiring more and more importance and we are likely to have

the situation soon when each of them will occupy its own sphere of influence. In this case, we will not be able to speak about one global language.

If Graddol speaks about the possibility of the transformation of the whole hierarchy of the world languages, another famous linguist Tom McArthur emphasizes the spread of the English varieties ("the English languages"). He argues that the existence of a large number of dialects and varieties is certain to result in splitting into completely different languages. As there are no precise criteria, it is impossible to determine a distinct language. While analyzing the bulk of all varieties of modern English, McArthur reached the conclusion that all of them can be considered true or, at least, potential members of a new language family. The Scottish scientist writes that the members of this English language family are different but, yet, connected with each other and characterized with similarities and correlations which are typical of them, in the same way, we reveal that the members of, for example, Indo-European or Turkic language families have also much in common [7].

Nowadays English is spoken in 113 territories. Some of its varieties, for example, the Scottish variant of English and Tok Pisin, an official language of Papua New Guinea, are considered to be distinct languages. While Spanglish (the Spanish language with heavy usage of English borrowings) in the USA and Kamtok in Cameroon have not got an official recognition, though they differ much. All in all, the total number of English –related varieties equals to 80.

Referring to the case of the Latin language, McArthur demonstrates how differently this phenomenon can be dealt with. Those who share the pessimistic viewpoint fear that English is doomed like Latin. The fact that so many distinct languages come into existence frightens them, the only English for them is the Standard English, i.e. codified. Their opponents, on the contrary, are full of optimism and ready to accept any scenario of the further language development enthusiastically. They do not tend to consider the death of Latin as a tragedy, as it continued to serve as a language of science up to the 17th century. They look at the codified English as a comfortable means of communication, but not something to worship. Their position is: let us deal with the actual situation as it is and think what has caused it. Such contemplations can help to understand what influences the development of major languages at the moment, and whether it is reasonable to consider this process from the historical perspective.

Crystal, Graddol and McArthur's writings deal with one and the same social phenomenon: the world-wide spread of the English language. None of the researchers doubts that English is most likely to keep its leading role in the nearest future. However, they differ in their predictions for longer periods.

Crystal claims that English cannot be controlled socially any more. The only factor, having an influence on the further destiny of global English, is the United States' home affairs. Making long-term prediction, he marks two scenarios. According to the first, an optimistic one, English will become a part of multilingual experience of future generations, whereas the pessimistic prediction supposes that the whole world will become English-speaking.

On the other hand, Graddol points out that further growing of the number of the people who use English as the second or foreign language may destroy the present language hierarchy. The choice of the language is determined by a set of factors such as demographic shifts, urbanization, new forms of communication, international mar-

ket specialization and others. Currently all of them are experiencing great changes that cannot but influence the status of global English.

Tom McArthur compares contemporary English and extinct Latin, taking geopolitical factors into consideration. He shows how a united and monolith model of the English language, which it used to be, is becoming now more and more pluralistic. New English varieties, which appeared during the past 50 years, may form a distinct language family in future.

Judging by this, we can agree with Graddol's statement about the possibility of emerging of a new language hierarchy, where English will take a more humble position.

The English language and the situation itself, in which it happens to be involved in the 21st century, are unique, indeed. None of the languages before has gained the same spread and popularity within such a short period of time. The socio-cultural circumstances under which this transformation is going on are unique as well. The point is that at the moment we are witnessing an overwhelming process in the Western countries leading to eliminating identity as it is: religious, national, gender etc. This mainstream tendency is based on the idea of freedom. The idea itself is, no doubt, of great importance for the civilized mankind but, when it becomes prevailing and dominating all other values, it turns out to be damaging and even dangerous, since major social institutions, e.g. family, are decreasing in importance dramatically. In this respect we should emphasize that Eastern countries are willing to defend and keep their identity by all means. This eagerness makes a favorable effect on the demographic situation in these countries, which, in its turn, plays a significant role for the status of their languages.

BIBLIOGRAPHY

1. *Agar* M. Language Shock. Understanding the Culture of Conversation. – New York: William Morrow, 1994. – 288p.
2. *Crystal* D. English as a Global Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 212 p.
3. *Encyclopaedia* Britannica. Britannica Book of the Year. – Chicago: Encyclopedia Britannica, 2002. – 936 p.
4. *Graddol* D. The Future of English? A guide to forecasting the popularity of the English language in the 21st century. – London: British Council, 1997. – 65 p.
5. *Graddol* D. English Next: Why global English may mean the end of 'English as a Foreign Language'. – Plymouth: British Council, 2006. – 128 p.
5. *Kakouridis* T. & Magnan, M. Global English: A European Perspective. – URL: http://www.kakouridis.net/2007/03/global-english-a-european-perspective/ (дата обращения: 20.05.2015).
6. McArthur T. The English languages. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 247 p.

DESCRIPTIVISM AND KRIPKE'S EPISTEMOLOGICAL ARGUMENT

M.Yu. Temnikov
Academic advisor: DSc. E.V. Borisov
Tomsk State University

The modern analytic philosophy is trying to settle a whole number of urgent ontological and epistemological issues. They concern world-language relations. How do words refer to some reality? Can we talk about the isomorphism of language and reality? Is the reality accessible before the language? I'm going to apply to the issue about the connection between the language and world. There are two rival theories supporting two ontological projects.

The first one is descriptivism. Its theorists are: Frege, Russel, Searle. This approach assumes an indirect connection between the language and the reality. The word refers to something not by itself but with a description. Descriptivists ask: «how the mark assigns to the denotation»? The answer is: «with the help of some content that fixes an object as unique and different. That allows naming it and referring to it». In this case a name is a synonym of a description.

The theory of direct reference sees a superfluous element in the descriptivist outline. Why should we affirm something if it is possible to do the reference directly? When we apply a name we don't mean any individual properties, we associate the name with the object directly with an ostensive definition.

As my task I'm going to balance between these two theories. I won't take a single-valued position but as it's true that the theory direct reference is dominant position the critical part is aimed at the defensing descriptivism. The goal is to show that there is no any advantage of one theory over the other and if so their opposition is senseless – they are on equal terms. In order to prove it I'm going to apply to the routine discourse.

One of the most important supporters of the theory of direct reference is Saul A. Kripke. He wrote a work «Naming and necessity»[1.] and inspired a grand discussion around the problems of reference. In this book he produces a few strong arguments against the descriptivism. I won't focus on all the moments of his criticism but try to investigate probably the most important for the discussion argument called epistemological. With it Kripke asserts some counter-intuitive consequences that are revealed in the case of an assumption of the descriptivism. Also Kripke puts forward a requirement of rigidity that is necessary to referential application. And descriptivism doesn't satisfy this demand.

Let's consider the epistemological argument more particularly. Suppose that «Aristotle» corresponds to «the teacher of Great Alexander». It is actually true, but let's imagine a world where Aristotle wouldn't ever have taught someone. According to the presupposition in the frame of the semantics of the counterfactual situation we can't refer to Aristotle because we can't identify an object that corresponds to «the teacher of Great Alexander». At the same time it is obvious that there is Aristotle and if we interpret the name as direct referential we achieve a reference to Aristotle in all possible worlds. Here Kripkestates a demand of rigidity that is required by referential application to individuals [1. P. 6]. Description can't do this because it denotes some contingent facts that could be rejected. We can't set a rigid description with essential characteristics of an object. But name can do it. Kripke calls name a rigid designator

because it refers to something straightforwardly. Description in this case is a scope or nonrigid designator [1. P. 10].

Kripke is convincing. What now can be spoken up for the descriptivism? My first question is about a place of descriptions in this theory. Apparently here we can see a division of linguistic obligations: names refer and descriptions denote. But it is evident that in the daily application we use descriptions to refer. This usage is developed by such theorists as Strawson and Donnellan but I won't dwell on their attitudes because of lack of time. My second question is: «can we consider these people who refer to something with description as competent users of language»? If so, we have to reveal this connection between the name and the description so far as they able to do the same thing. Searle answers that it is not necessary to consider the description as a synonym of the name but there should be a certain logical connection between them [2. P. 172].

The situation is the following. In the theory of direct reference names become invulnerable as they break off the relations with descriptions. They don't correlate with the area of historical knowledge and subjective notions. Names are objective and in this sense ontological. Is this true? In the ordinary speech we often have to deal with names' reference failures. And then we resort to the help of descriptions. Suppose there is a group of people and there are two of them with the same name John. Somebody refers to John 1 using name. The person spoken to doesn't understand to whom the speaker addresses. Then the speaker uses a description of the sort «that who…». What does this case illustrate? The relation between the name and the description exists. A goal is to reveal it. Evidently the denotation and the reference in the opposition of theory of direct reference and the descriptivism are connected closely, closer than it is followed from Kripke's conception. In the language they either cannot be divided or imply each other. Now I'm going to focus on the ostensive definition to which the theory of direct reference is relied.

The ostensive definition that shows an object and thus names it is some kind of a trick in the frame of the theoretical reflection of the nature of reference. And it seems that this act doesn't appeal to the individual properties of the object. But at the moment when we indicate something doesn't the object rise as something that differs from all the rest? At this moment we identify something as individual object because it is obviously singled out from general mass of matter. Definitions are given in order to define world and thus distinguish it. The ostensive definition also assumes it. It is relied on some evidence that this one differs from all the other. An illumination of these differences comes later for example in the difficult situations that have been mentioned.

Thus at my thought the ostensive act always implies setting of some qualities. If it so it is always connected with descriptions. It refers basing on it. What then should we do with the changeable character of descriptions and how is it possible to protect against the epistemological argument?

Kripke enables us to think that a name hasn't got any descriptive content because it preserves the referential function when description doesn't in the case when we reason about possibilities. It isn't obvious for me. Suppose that historians have discovered a fact and it turns out that he hasn't ever taught somebody. But it still doesn't mean that «Aristotle» becomes descriptively vacuous. It is just a cause to revise a meaning. In

other words this temporary subjective character of the descriptivism isn't a problem. Reflecting on counterfactual situations we havejust different resources of reference.

Besides that one cannot always say that a name itself doesn't define anything. The name «Marta» as a rule refers to female sex. It needn't belong to somebody to discover this fact, it already means something in a certain cultural context. In addition we know that there are a lot of cultural practices where the name changes in the case of essential characteristics changing. For example, a monkhood. A name of some man changes after taking monastic vows of course because he undergoes some changes. In this case the ostensive definition is powerless. It is always powerless. It tries to avoid philosophical problems concerning identity but where is a guarantee that we point at the same thing every time?

Now I seem to confirm a rigid descriptive position. But I still have to show a role of the name as every referential theory has to do in my point of view. The name gives us an important illusion concerning the identity of the object. It gives us a base for a productive language using. The name is an economy of the resources of language. It makes possible to avoid identical problems in every speech act. Indeed it doesn't mean that the name and the description aren't connected or that the description can't be used for reference.

BIBLIOGRAPHY

1. *Kripke S.* Naming and necessity – Massachusetts: Harvard University Press Cambridge, 2003. – 164 p.

2. *Searle R.*Proper names – Mind, New Series. –Vol. 67. – No. 266, 1958. – pp. 166–173.

PROPOSITIONS IN TERMS OF QUINE

D.E. Slaushevskaya
V.A. Surovtsev, E.V. Vychuzhanina, academic advisors
Tomsk State University

Any philosophical reasoning is based on certain universal laws. Logic, one of the main branches of philosophy, is in charge of these laws. The reasoning is the process of thinking. Therefore, logic is called the science of thinking. Also, among disciplines which study the process of thinking are psychology, physiology of higher nervous activity and a number of other disciplines. But what is the specific area, which logic is concerned with in the studying of thinking? Logic studies the forms of expressions of thoughts and the forms of knowledge, special techniques and methods of cognition, as well as special laws of thinking. Neither values nor meanings of statements are important for identification of general forms of human thinking. But for logical forms and laws to reflect the activity of thinking adequately, a logician should be focused on the reality, which is the key to the truth of the most general forms of logic.

So, logic is concerned with the truth. Its main task is to establish the truth or falsehood of our judgments. But the question is what makes our judgment true? Is it possible to find a universal way to check our statements to be true? In the history of philosophy and logic there are various semantic conceptions that, one way or another, try to answer these questions.

What are we dealing with when we are trying to determine the truth of sentences? Imagine that you go for a walk on a warm winter day and say such words: "This snow is white". Obviously, this statement is true, and some fact of reality makes it as such, namely, the fact that you can see that the snow around you is really white. Thus, there are two components for consideration– a set of words, or a sentence, and the fact of reality. It seems that a certain relation between these components makes our judgment true or false. This problem was reviewed by famous American philosopher, Willard Quine, in his work «Philosophy of Logic». He declared that in the philosophy of logic there is a tendency for the introduction of a self-abstract entity, the proposition, that mediates between the sentence and the fact of reality. The proposition is a carrier of a truth value.

However, there is some ambiguity in the definition of the term "proposition" and the difficulty of translation, which caused the debates among modern researchers. Some of them say that the proposition and the sentence are one and the same; others use propositions as the truth value of the sentence. In this article we are talking about propositions in the second meaning.

If you can identify something as a carrier of truth value, i.e. the proposition, then the sentences which have the same proposition can be called equivalent. For example, the same proposition is expressed by sentences of different languages «This snow is white», «Этот снег бел» and «Dieser Schnee ist Weiss». But frequently we are within in one language, and our task is to determine the equivalence of different sentences in one language. The equivalence of sentences is revealed through the similarity of the information they carry. It is clear that this information should be objective and independent of stylistic features of sentences. But to determine the synonymy of sentences we need, in some way, to equalize the objective information that they carry.

But what is the objective information? Quine argues that there would be no dispute about propositions if we could define the concept of objective information clearly. Imagine that one friend asks you with a glass in his hand, wishing to make your psychological portrait – «Is this glass half empty or half full?» In this case, there is a present object, or a fact of reality, and two judgments that are true towards this fact. The information carried by these two judgments can be called synonymous. Accordingly, sentences «This glass is half empty» and «This glass is half full» express the same proposition.

When we try to transmit an image by a halftone method of photographic illustration, transforming it into a finite number of black and white dots (pixels), we have two options: report the information using white pixels or using black pixels. In this case, we can say that both methods transmit the synonymous information. The same happens with such things, which for their expression have a limited set of options for transferring information.

But the fact is that in a natural language, we do not always have a predetermined equivalent wording. Therefore, according to Quine, the coincidence of objective information is clarified only in relation to the prescribed matrix of alternatives, as in real life there is no obvious rule to separate essential information of the sentence from other non-essential information, which characterized by stylistic or poetic features.

Furthermore, Quine considers another method of revealing the objective information. It is proposed by the empiricist tradition in epistemology. C. S. Pierce's verification theory of meaning determines the value of statements by the method of empirical confirmation or no confirmation of these statements. This theory identifies a proposition with the reported information. But now a set of sense data is required to determine the information, and the difficulty arises when we try to express the sense data via separate sentences.

Another attempt to solve the problem of the individualization of propositions is the requirement of the interchangeability. If in any sentence the word «sophist» will be replaced by the phrase «teacher of wisdom», apparently, the sentence will retain its truth value. It turns out that we can call sentences equivalent when they consist of a pair of synonyms. Quine says:«The equivalent sentences are parallel structures whose corresponding parts are related each to each by the strong relation of being interchangeable *salvaveritate* in all sentences» [5. P. 8].

The problem is that when we take two interchangeable terms and the other two interchangeable terms, we cannot keep the truth of the sentence, replacing the term of the first pair by the term of the second pair.

In this sense, following Quine's thought, it seems that the idea of propositions becomes futile and unjustified. Even if we assume that the problem of individualization is solved, and we can easily determine the equivalence of sentences, then why do we refer to an abstract entity, and not just talk about equivalence and sentences? Quine answers: «The long and short of it is that propositions have been projected as shadows of sentences, if I may transplant a figure of Wittgenstein's» [5. P. 10]. But the «shadows have favored wishful thinking» [5.P. 10].

But let us return to logic and general forms of thinking. When we try to generalize statements like «Socrates is Socrates», «table is table» and say that «Everything is itself», we come to the general expression of the type «*p* is *p*» and get:

«Every sentence of the form "p is p" is true».

We do not have any problems when we mean the set of names of different objects under a variable *p*. It is obvious that this form allows us to continue talking about propositions as carriers of truth value relative to real objects.

But when we deal with such statements as «Socrates is mortal and Socrates is not mortal», «round table or not round table», we have to do, according to Quine, a semantic ascent and under *p* understand not many names, but a lot of sentences. We obtain the form «*p* or not *p* for all things *p* of the sort that sentences are names of».

Thus, we go up one step further and talk about the truth of the form, which has not got many names of objects, but a lot of sentences as its constituents:

«Every sentence of the form "*p* or not *p*" is true».

The fact is that in the first case we are talking about Socrates and the table and in the second about sentences. We come to the fact that in one case we mean noun under *p*, in the other a sentence. This is the place where there is a departure from the world, which supporters of propositions are so afraid of. They insist that the truth should depend on reality, not on the language and here, from our point of view, they are right: the reality makes the sentence true. But the reluctance to ascribe the truth to the sentence is not justified yet. After all, when dealing with the sentences, the truth predicate comes to help us and leave the reality dominate.

But it is only a momentary retreat from the world. A truth predicate is a reminder that, despite the technical climb, our gaze is directed at the world. A truth predicate only cancels linguistic reference. It can be seen from the example of Tarski:

«Snow is white» is true if and only if snow is white.

In quotation marks we can see the difference between the consideration of the words and the snow. What is under the sign of the quotation marks is the name of the fact of reality we are talking about. Thus, a truth predicate is a device of disquotation. And when we want to generalize an indefinite set of expressions, where a whole sentence is an individual name, we cannot do without a truth predicate. Thus, we can consider sentences either as true or false without any damage.

Recognizing that sentences may be true or false, Quine draws our attention to some features of the usage of sentences. If we say «there is a rainbow in the sky» at the time when the sun really shines a lot of water droplets, or «I am writing a letter to a friend» at the time when we really hold a pen in our hands and a paper with unfinished text, the utterance of these sentences is true. But if we say the same sentences in another moment, then their value is false. Thus, sentences themselves are not worth considering as primarily true or false. But cases, in which sentences are used, are the key of the truth.

The same can be said about the written sentences. The truth of the written sentence depends on when the letter was written, who it is written by and whom the letter is addressed to.

A sentence may have only one of two truth values: true or false. Speaking of eternal sentences, we recognize them to have only one value – the truth. These are, firstly, the sentences of arithmetic, since they do not depend on the location or the time of their use. Secondly, the laws of physics and chemistry, as they describe the material world and not just depend on the circumstances of their use. And thirdly, any uttered fact which adds dates, time and names may be an eternal sentence.

Quine offers the following definition: «An eternal sentence is a sentence whose tokens all have the same truth value» [5. P. 14].

In conclusion we should sum up and say that the propositions have not got a truth value, but eternal sentences or tokens have. Appeal to propositions is motivated by the desire to leave the objective world as a guarantee of the truth or falsehood of sentences, but a truth predicate takes this task. And the need to address the sentence is only a technical need in the generalization of the elements that cannot simply be replaced by a variable.

BIBLIOGRAPHY

1. *Ламберов Л.* Что такое пропозиции?. –Analitica. – 2007. – №1.
2. *Рассел Б.* Избранные труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009 – 260 с.
3. *Суровцев В. А.* Еще раз о proposition. – Логос. – 2005. – №2 (47).
4. *Фреге Г.* Логика и логическая семантика: Сборник. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 511 с.
5. *Quine W. V.* O. Philosophy of logic. – Cambrige: Harvard University Press, 1986. – 109 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Беспалова Евгения Сергеевна – студент философского факультета ТГУ.
Гвоздев Александр Сергеевич – магистрант философского факультета ТГУ.
Главанаков Дмитрий Андреевич – студент философского факультета ТГУ.
Игнатенко Владислав Вячеславович – студент философского факультета ТГУ.
Попов Михаил Андреевич – магистрант философского факультета ТГУ.
Федорова Ирина Михайловна – студент философского факультета ТГУ.
Шкурко Виктор Вячеславович – магистрант философского факультета ТГУ.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Зенина Ксения Сергеевна – студент геолого-географического факультета ТГУ.
Марфин Александр Евгеньевич – студент геолого-географического факультета ТГУ.
Шкуратов Дмитрий Владимирович – студент Сибирского государственного медицинского университета.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

Бахромова Насиба Артуровна – студент Института искусств и культуры ТГУ.
Милованова Ольга Игоревна – магистрант философского факультета ТГУ.
Моисеева Анна Юрьевна – аспирант Института философии и права СО РАН.
Нестеренко Вероника Сергеевна – магистрант философского факультета ТГУ.
Спрукуль Полина Сергеевна – студент философского факультета ТГУ.
У Юэ – магистрант филологического факультета ТГУ.
Фу Тун – магистрант филологического факультета ТГУ.
Цзюй Чуанья – магистрант филологического факультета ТГУ.
Целищева Оксана Ивановна – аспирант философского факультета ТГУ.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Беккер Елена Валерьевна – студент факультета иностранных языков ТГУ.
Ведренцева Светлана Васильевна – студент юридического института ТГУ.
Гаврилов Дмитрий Юрьевич – студент радиофизического факультета ТГУ.
Ли Светослава Вячеславовна – студент Сибирского государственного медицинского университета.
Росляков Сергей Николаевич – студент радиофизического факультета ТГУ.

Фадина Ирина Сергеевна – студент философского факультета ТГУ.
Цыганков Александр Сергеевич – аспирант Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА: ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Кочергина Кристина Сергеевна – студент филологического факультета ТГУ.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: РОССИЙСКИЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ

Агафонова Анастасия Вадимовна – студент философского факультета ТГУ.
Данилова Алена Сергеевна – студент философского факультета ТГУ.
Зинченко Анастасия Александровна – магистрант философского факультета ТГУ.
Корфова Софья Александровна – магистрант философского факультета ТГУ.
Красноперов Антон Юрьевич – магистрант философского факультета ТГУ.
Табакаев Филипп Константинович – аспирант философского факультета ТГУ.
Шефер Алена Юрьевна – студент философского факультета ТГУ.

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Дунаева Дарья Олеговна – студент философского факультета ТГУ.
Жаворонков Василий Сергеевич – студент Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета.
Любенова Росица Кирилова – аспирант Пловдивского университета «Паисий Хилендарский», Болгария.
Мундриевская Юлия Олеговна – студент философского факультета ТГУ.
Tchakmakova Zornitza – аспирант Пловдивского университета «Паисий Хилендарский», Болгария.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Бабушкина Екатерина Владимировна – студент Алтайского государственного университета.
Голдовская Алена Викторовна – студент философского факультета ТГУ.
Казанцева Анастасия Сергеевна – студент философского факультета ТГУ.

SCHOLARY WRITING AND PRESENTATION

Вычужанина Елена Владимировна – магистрант философского факультета ТГУ.
Клименко Алина - студент Колледжа управления, Казахстан.
Милованова Ольга Игоревна – магистрант философского факультета ТГУ.
Нестеренко Вероника Сергеевна – магистрант философского факультета ТГУ.
Слаушевская Дарья Олеговна – студент философского факультета ТГУ.
Темников Максим Юрьевич – студент философского факультета ТГУ.